

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КОНКУРЕНЦИЯ
В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
И НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
РЕЖИМАХ**

Москва
2010

**Политические партии и политическая конкуренция
в демократических и недемократических режимах.**

Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. —
М., «КМК», 2010. 212 с. ISBN 978-5-87317-582-11

Обложка, дизайн, оригинал-макет: Л.А. Аниканова

Предлагаемый вниманию читателей сборник подводит итоги конференции «Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах» (15–16 апреля 2010 г., Москва). В него вошли развернутые и переработанные доклады ряда участников и участниц, объединенные в три тематических блока: сравнительное изучение партийной конкуренции в различных странах мира; место партий в политической системе России; эволюция посткоммунистических партийных систем на национальном и региональном уровнях.

Рассмотрены особенности развития современных партийных систем, в т.ч. природа недемократических режимов, характер политической конкуренции в недемократических режимах, связи партий с государственной властью, место партий и партийных систем в недемократических режимах, их взаимодействие с гражданским обществом.

Книга предназначена для исследователей, преподавателей, студентов, политиков, журналистов и всех, кто интересуется политикой.

Опубликовано при поддержке
Международного республиканского института

Издательство «Товарищество научных изданий «КМК»
ISBN 978-5-87317-582-11

Подписано в печать 10.11.2010.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Объем 13,25 п.л.
Отпечатано в ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ». Москва, ул. 5-я Кабельная, 2б.

Заказ № 14332. Тираж 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

1. ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Пшизова С.Н. За спиной партийных вождей: спин-доктор у руля	11
Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в условиях «недодемократии»: основные проблемы	26
Каринцев О.И. Межфракционная конкуренция в лево- и правоцентристских партиях новых членов Евросоюза: сравнительный анализ	38
Лазарев Е.А. Влияние федерализма на партийную систему в недемократических государствах: случаи Мексики и России	65

2. МЕСТО ПАРТИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Михалева Г. М. Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России	75
Попова О.В. Политика современного российского государства в отношении несистемной оппозиции	97
Римский В.А. Политические партии и стратегии нисходящего развития современной России	107
Толпыгина О.А. Модель национальной идентичности в программах партии «Единая Россия»	118
Горина С.Е. Феномен позиционирования партии «Единая Россия»	134

3. ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Панов П.В. «Единая Россия» как инструмент консолидации элит на местных выборах	148
Дергунова Н.В. Особенности эволюции региональных партийных систем: Ульяновская область	163
Семенов А.В. Эволюция межпартийной конкуренции в Тюменской области (2005—2008 гг.)	179
Жуковский И.И., Балобаев В.А. О некоторых аспектах развития партийной системы Республики Польша	192
Лебедюк В.Н. Тенденции организационного развития политических партий Украины	199

Об авторах	210
------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оценивая деятельность политических партий и иных институтов политического представительства в России и других странах с гибридными или авторитарными режимами, аналитики часто обращаются к идеальным нормативным моделям, представляющими эти институты как носящие исключительно демократический характер, несмотря на то, что само понимание демократии в данных моделях далеко от образцов, устоявшихся в современных демократических режимах. Такая ситуация приводит к искаженному представлению о природе и функциях партий и о той роли, которую они играют в демократических и недемократических обществах.

В частности, оценивая политические партии в России, аналитики нередко обращают внимание на такие необходимые, по их мнению, признаки как массовость, поддержка населения, наличие программы. При этом в стороне остаются другие важные функции политических партий, связанные со структурированием государственной власти или обеспечением лояльности населения к режиму.

Порою оценки партий и партийных систем в России и других постсоветских странах страдают однобокостью. Аналитики либо занимаются апологетикой, либо отмечают несоответствие партий, партийных систем и иных институтов политического представительства нормативным моделям. В то же время попытки проанализировать функции, реализуемые в этих обществах политическими партиями, предпринимаются довольно редко и сводятся в основном к определению роли «партий власти» в консолидации недемократического режима.

Другая проблема понимания специфики этих институтов заключается в недостаточном внимании политологов из стран постсоветского пространства к работам, исследующим институты политического представительства в недемократических обществах других регионов мира. Речь идет не только о так называемой девелопменталистской литературе 1960–1970-х гг., но и о современных работах, посвященных политической конкуренции в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Ссылки на сход-

ство российской ситуации с внешне похожими случаями чаще всего не сопровождаются сколько-нибудь серьезным анализом.

И, наконец, еще одна проблема, требующая своего решения, — недостаток сравнительных исследований институтов политического представительства в странах постсоветского пространства. Перед новыми независимыми государствами стоит много общих проблем. В этой связи обращение к опыту соседей, имеющих сходные историческое прошлое и традиции, позволило бы лучше понять специфику развития партий и партийной конкуренции в России, его динамику и перспективы развития.

Решение этих проблем требует участия не только российских политологов, но и специалистов из других стран. Для активизации научной дискуссии 15–16 апреля 2010 г. в Институте научной информации по общественным наукам РАН был проведен научный семинар «Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах», организованный Институтом научной информации по общественным наукам РАН, инициативной группой по созданию исследовательского комитета по сравнительному изучению партийных и избирательных систем РАН и Региональным общественным фондом ИНДЕМ при поддержке Международного республиканского института. В семинаре приняли участие ведущие российские политологи, специализирующиеся на партийной тематике. Он явился продолжением инициативы группы политологов по налаживанию постоянного взаимодействия в этой сфере, выдвинутой на международной научной конференции «Политическая конкуренция и партии в постсоветских государствах», которая состоялась в ИНИОН РАН 9–10 апреля 2008 г.*

На семинаре обсуждались следующие вопросы:

1. Природа недемократических политических режимов и характер политической конкуренции в них.
2. Роль политических партий и партийных систем в недемократических режимах;
3. Организационные особенности, специфика членства и активизма в политических партиях и политических движениях в условиях недемократических режимов.

* Одним из итогов конференции стало издание сборника статей «Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства» (ред.-сост. Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. — М.: ИНИОН, 2009).

4. Идеино-политическая структура партийного спектра; механизмы «производства идеологий».

5. Связь политических партий с государственной властью.

6. Системные и несистемные партии/движения. Алгоритмы взаимодействия власти с оппозиционными и несистемными политическими партиями и группами.

7. Политические партии и гражданское общество.

Данный сборник статей составлен на основе докладов участников семинара. Он разбит на три тематических раздела.

В первом представлены материалы, посвященные сравнительному изучению партийной конкуренции в разных странах мира. Авторы статей обращаются к опыту как развитых, так и молодых демократий, а также недемократических политических режимов.

Статья С.Н. Пшизовой посвящена общемировым тенденциям в развитии политической конкуренции, связанным, прежде всего с усилением роли теневых акторов. Автор показывает, как изменился характер партийной политики в европейских странах, где всё большее значение играют связи партий с государством и их ориентация на занятие должностей, где возрастает роль организаторов политических кампаний. По мнению С.Н. Пшизовой, российский опыт вполне вписывается в эту тенденцию, причем некоторые ее черты просматриваются в России более четко, а влияние теневых акторов является более заметным и значимым.

В работе Ю.Г. Коргунюка анализируется один из важных аспектов развития политических партий и партийного соревнования — финансирование. В поле зрения автора — в основном недемократические политические режимы. В числе общих признаков, объединяющих рассматриваемые случаи (Россия, Мексика, Малайзия, ЮАР, Бразилия), он указывает прежде всего на сугубую непрозрачность процессов финансирования, а также закрепление значительных преимуществ за инкубентами («партиями власти»). Анализируя российскую специфику, автор констатирует, что самоустранение большинства населения от политики породило ситуацию, когда в поисках источников доходов партии вынуждены выбирать между торговлей местами в партийных списках и полной зависимостью от госфинансирования. При этом предпосылки неравенства финансовых возможностей, по его мнению, кроются не в неэффективности законодательства, а в общей неготовности общества «контролировать контролёров».

О.И. Каринцев обращается к теме межфракционной конкуренции в политических партиях стран, недавно вступивших в Евросоюз. В работе прослежена связь между изменением условий партийной жизни и деятельностью внутрипартийных фракций. Отмечается значительная роль фракций как инструмента политической конкуренции, демонстрируется влияние межпартийного соревнования на трансформацию партийных систем.

В статье Е.А. Лазарева сравниваются партийные системы России и Мексики. Автор обращается к довольно редкому сюжету в научной литературе, посвященной доминантным партийным системам, — влиянию федерализма на специфику партийной конкуренции. В работе отмечается значительная роль отношений между центром и периферией в становлении партийных систем России и Мексики (равно как и в демократизации этой латиноамериканской страны).

Второй раздел посвящен месту партий в политической системе России.

Г.М. Михалева анализирует эволюцию оппозиционных и псевдооппозиционных партий в политической системе России, уделяя особое внимание КПРФ, РОДП «ЯБЛОКО» и «Справедливой России», их взаимодействию с властью, гражданами и несистемной оппозицией.

Статья О.В. Поповой посвящена политике нынешнего российского государства в отношении несистемной оппозиции. Автор анализирует тактики прямого и косвенного давления на несистемную оппозицию в центре и на местах и специфику деятельности самих оппозиционных организаций — как левого и националистического, так и либерального толка.

В.Л. Римский, опираясь на данные социологических исследований, отстаивает тезис о негативной роли партий в российском политическом процессе. По его словам, партии способствуют нисходящему тренду эволюции страны, не выполняя своей главной функции, каковой, по мнению автора, является разработка и отстаивание альтернативных стратегий постиндустриального развития.

Две статьи раздела посвящены анализу различных аспектов деятельности партии «Единая Россия». О.А. Толпыгина анализирует типы национальной идентичности (гражданской, этнокультурной и имперской), выдвигаемые в программных документах (программах, платформах, манифестах) российской «партии власти».

С.Е. Горина, опираясь на результаты социологических исследований, рассматривает, каким образом «Единая Россия» позиционирует себя в глазах граждан. По мнению автора, ощущения, оценки и мнения опрошенных свидетельствуют о том, что граждане не склонны идентифицировать себя с этой партией, и последняя, тем самым не отражает и не защищает в полной мере их интересы.

Третий раздел посвящён эволюции посткоммунистических партийных систем на национальном и региональном уровнях. Три статьи этого раздела касаются ситуации в российских регионах, одна — партийной жизни Польши, третья — Украины. Если в российских регионах налицо тенденция к сворачиванию политической конкуренции и установлению монополии одной партии, а в Польше — к консолидации и интернационализации партийной системы, а также к «сетевизации» политики, то украинская ситуация носит пограничный характер, в плане конкуренции больше напоминая страны Центральной и Восточной Европы, а в плане организационного устройства партий — Россию 1990-х.

Статья П.В. Панова посвящена роли российской «партии власти» — «Единой России» — как инструменту консолидации элит на местных выборах. Автор приходит к выводу об ограниченности этой роли. По его мнению, в большинстве случаев «Единая Россия» не является самостоятельным политическим актором и не способна эффективно выполнять консолидирующую роль на местных выборах: элиты используют ее консолидирующий потенциал, исходя из конкретной ситуации и только тогда, когда это выгодно им самим.

Н.В. Дергунова прослеживает эволюцию партийной системы Ульяновской области на протяжении 1990—2000-х годов, давая подробную характеристику как «горячевскому» и «шамановскому» периодам, так и современному этапу, характеризующемуся установлением официальной монополии «Единой России» и существенным снижением политической конкуренции. По мнению автора, нынешняя партийная система региона стремится не столько обеспечить агрегацию интересов различных социальных групп, сколько управлять обществом на основе традиционных практик советского типа.

Точно такое же сужение пространства межпартийной конкуренции на примере Тюменской области (2005—2008) демонстрирует и А.В. Семёнов. По словам автора, безусловная моно-

полю «Единой России» лишает элиту стимулов пользоваться другими партийными образованиями, причём ситуация осложняется отсутствием у остальных парторганизаций внутренних ресурсов для развития: практически все они пережили череду внутриорганизационных конфликтов, не обладают стабильным кадровым составом и активом, не способны к реализации долгосрочных коалиционных стратегий.

И.И. Жуковский и В.А. Балобаев, характеризуя эволюцию польской партийной системы, напротив, отмечают тенденции к консолидации и интернационализации политического процесса страны и участию сетевых международных игроков во внутрипольской партийной конкуренции. Констатируются замещение программно-идеологического противостояния по линии «правый—левый» противостоянием по новым линиям размежеваний; переход от экстраординарной повестки дня к «ординарной»; общая усталость избирателей от политической борьбы и уменьшение политической активности граждан. В качестве свежей тенденции указывается на «сетевизацию» политики; при этом не исключается, что в не столь отдаленной перспективе сетевая политика может стать принципом организации партийной системы в Европейском Союзе и послужить моделью политической конкуренции в других сетевых интеграционных структурах.

Статья В.Н. Лебедюка посвящена выявлению доминирующих тенденций в организационном развитии политических партий Украины. Автор приходит к выводу о преобладании в партийно-политическом пространстве страны традиционной модели кадровой партии и незавершённости эволюции украинских партий в направлении электорально-профессиональной модели. Констатируются также доминирование партийного руководства над представительством партий в парламенте, зависимость украинских партий от бизнеса и массовый приток в их ряды предпринимателей, преимущественно клиентарный тип отношений между партиями и их избирателями.

Главный вывод, который можно сделать из выступлений участников конференции и статей данного сборника, заключается в том, что, интегрируясь в мировую политическую систему и заимствуя многие из «новейших» политических практик, Россия, тем не менее, делает это довольно избирательно. Предпочтение отдаётся тем технологиям, которые укрепляют монополию центральной власти и контролируемой ею партии, облегчают им за-

дачу манипуляции массовым сознанием и политическим процессом. Результатом этого является существенное снижение уровня партийной (и в целом политической) конкуренции и вытеснение партий за рамки легального политического процесса.

Хочется надеяться, что как сама конференция, так и издание сборника послужат активизации плодотворной дискуссии о характере партийной конкуренции в различных странах мира и России в частности, а также повышению интереса к сравнительным исследованиям в этой области.

Мелешкина Е.Ю.
Коргунюк Ю.Г.,
Михалева Г.М.

1. ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Пшизова С.Н.

ЗА СПИНОЙ ПАРТИЙНЫХ ВОЖДЕЙ: СПИН-ДОКТОР У РУЛЯ

Именованье нынешнего политического режима в России управляемой (или сверхуправляемой, а также плохо управляемой, по определению критически настроенных экспертов) демократией естественным образом ставит вопрос, кем же именно управляется наша демократия¹ изобретает схемы передачи власти от действующего президента преемнику, предлагает те или иные институциональные нововведения (вроде механизма назначения глав регионов или создания такой структуры, как Общественная палата), обосновывает расширение или сужение полномочий различных органов власти, распределение ресурсов между политическими акторами и т.д.? Думается, что в этой роли ни сторонники, ни противники идеи «управляемой демократии» не подразумевают «народ» как совокупность граждан, наделенных правом голоса. Речь не идет и о тех людях, которые на законных основаниях осуществляют политическую власть. Хотя формально решения, необходимые для реализации этих политических технологий, принимают политики (президент, правительство, депутаты федеральных и региональных парламентов и т.д.), вряд ли кто-то всерьез полагает, что они сами их придумывают и прорабатывают способы их претворения в жизнь. Роль политических партий и партийных идеологов в этом процессе также сомнений не вызывает. Более того, большая часть этих персонажей сами являются продуктом или объектом управления.

Описывая наш политический режим, политологи пишут об имитационном характере процедур, лишенных реального политического содержания², о том, что демократические институты в нашей политической системе «заменяют субституты, выполняю-

¹Управляемая демократия. — Сайт центра «Демос». Режим доступа: <http://www.demos-center.ru/reviews/986.html>; Шпак В. Плохо управляемая демократия // Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов: [сб. ст.] Сост. А.Р. Курилкин, А.В. Трапкова; ред. Д. Б. Зимин. — М.: КоЛибри, 2005.

²Фурман Д. Е. И невозможное возможно. Почему Россия не Казахстан. — Независимая газета, 05.10. 2007. Режим доступа: <http://www.ng.ru/ideas/2007-10-05/10-nevozmozhnoe.html>

щие некоторые позитивные функции, но не нацеленные на смену находящихся у власти лидеров»³. Однако вопрос о разработчиках всех этих технологических решений, об авторах хитроумных схем, реализация которых разворачивается на наших глазах, даже не ставится. К институту политических партий это относится в не меньшей степени, чем, например, к институту парламентаризма или институту выборов. Широкую поддержку исследователей получило меткое замечание М.Н. Афанасьева: «Они (наши партии — С.П.) вырастают сверху и растут корнями вверх»⁴. Но вопрос о том, кто их там наверху отбирает, высаживает, поливает, одним словом, решает, как будет выглядеть наша политическая грядка, остается открытым. Между тем в отличие от многолетних и безуспешных попыток некоторых политиков создать массовую партию «снизу», партийные проекты, инициируемые «сверху», молниеносно воплощаются в жизнь, доказывая преимущества опоры на «административный ресурс» и профессионализм специалистов перед верой в силу самодеятельной гражданской активности народных масс — во всяком случае, в краткосрочной перспективе. Кто же эти политические садоводы, определяющие, какие именно партии будут созданы, с какими параметрами (идеологическими и организационными), с какими лидерами, с какими выборными результатами, наконец? Кто помогает политикам решать их персональные проблемы, попутно определяя развитие всей нашей политической системы?

Ответ не очевиден, потому что эти люди не на виду. Они не фигурируют в репортажах о политических событиях, их имена не стоят под решениями органов власти или резолюциями партийных съездов. Они не участвуют в выборах, не возглавляют молодежных или каких бы то ни было иных движений. Однако хотя находятся они в тени, их присутствие на нашей политической сцене очень ощутимо, ведь их деятельность прямо влияет на весь политический процесс. Думается, у исследователей имеются все основания обратить на них, наконец, серьезное внимание.

³Петров Н., Липман М., Хейл Г. Сверхуправляемая демократия в России: специфика системы управления гибридных режимов // Московский Центр Карнеги. Рабочие материалы. Февраль, 2010. Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=40289>

⁴Многopартийность в России. Материалы Круглого стола на Третьем Всероссийском конгрессе политологов «Выборы в России и российский выбор». — М., ИНИОН РАН, 29 апреля 2003 г. Режим доступа: <http://alestep.narod.ru/lubin/lubin-multipart.htm>

Такого рода непубличные персонажи появились не только в России, но практически повсеместно. Выглядят, правда, они в разных странах по-разному, выполняют разные функции и в различной степени подвержены общественному контролю. Однако уже сам факт их наличия в любой демократической системе свидетельствует о неслучайности их появления.

Причины их выхода на политическую сцену можно поделить на две основные группы. Одни связаны с социально-политической трансформацией общества, другие лежат в сфере политических коммуникаций.

К первым следует отнести произошедшее во второй половине XX в. ослабление идеологических идентификаций и партийных лояльностей, приведшее к возрастанию электоральных рисков. Избиратели стали чаще менять свои предпочтения, электорат в целом стал более подвижным, отчего зона гарантированной поддержки даже самых крупных партий заметно сузилась⁵. В этих условиях изменилось отношение политических партий к государственной власти.

В свое время в рамках теории рационального выбора были выделены три модели партийного поведения — в зависимости от приоритетных целей партийной активности: стремление к завоеванию голосов избирателей (*vote-seeking activity*), стремление к получению государственных должностей (*office-seeking*) и стремление влиять на государственную политику (*policy-seeking*). Конечно, ни одна из них не существует в чистом виде. Объяснение поведения тех или иных партий требует различных сочетаний этих моделей. В то же время одновременное преследование столь различных целей часто оказывается невозможным из-за их несовместимости в политической практике — например, сохранения власти, с одной стороны, и следования определенной политической линии, с другой. Поэтому правильнее говорить о преобладании той или иной ориентации или о доминировании тех или иных целей⁶.

Похоже, что в последние годы в центре внимания партий все

⁵См., например: Dalton, R., Wattenberg, M. (eds.) *Parties Without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies*. — Oxford: Oxford University Press, 2000; Mair, P., Van Biezen, I. *Party Membership in Twenty European Democracies, 1980-2000*. — *Party Politics*, 2001, Vol. 7, N 1. P. 5—21.

⁶Strom, K. *A Behavioral Theory of Competitive Political Parties*. — *American Journal of Political Science*, 1990, Vol. 34, N 2. P. 565—598.

чаще оказывается завоевание государственных постов — в ущерб деятельности, ориентированной на привлечение симпатий избирателей и реализацию программных установок. Исследователи пишут о том, что сближение европейских партий с государством, прежде всего через государственное финансирование и усиливающийся контроль за внутрипартийной жизнью, превращает их из традиционных добровольческих негосударственных ассоциаций в своего рода коммунальные предприятия, квазигосударственные структуры⁷. Автор известной концепции «картельных партий» Питер Мейр отмечает: «Сами партии начинают вести себя не как проводники определенной политики, но как механизмы занятия и удержания власти... Власть стала не только целью, но и смыслом существования... Партии начали получать госсубсидии и пользоваться покровительством со стороны государственных структур. Так возникли партии политического класса, которые я в своих исследованиях называю «картельными партиями». ...Их главная особенность — неспособность существовать вне властных структур, существовать без участия в процессе управления страной. Картельные партии не могут быть аутсайдерами, они могут быть только при власти»⁸. Таким образом, завоевание и удержание государственной власти из инструмента осуществления партийных стратегий постепенно превращается в самоцель, и на фоне роста волатильности электората борьба политических элит «за офис» обостряется.

В то же время постепенное ослабление любой, кроме карьерной, мотивации для занятия политикой (идеологической, идейной, социальной и т.д.) приводит к заметному изменению характера западных политических партий. Политическая активность граждан сокращается, институт партийных добровольцев (grassroots) приходит в упадок, и партии утрачивают массовый характер, превращаясь в организации профессиональных политиков с подчиненным им бюрократическим аппаратом⁹. Процесс профессионализации политической деятельности ставит полити-

⁷Van Biezen, I. Political Parties as Public Utilities. — Party Politics, 2004, Vol. 10, № 6. P. 701—722.

⁸Мейр П. О партиях, которые не могут быть аутсайдерами. — Русский журнал, 21.11.2008. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/O-partiyah-kotorye-ne-mogut-byt-autsajderami>

⁹Panbianco A. Political Parties: Organization and Power. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

ков перед необходимостью обращаться к наемным специалистам в самых разных областях. Политологи, социологи, маркетологи, имиджмейкеры, PR-консультанты и др. стали обязательными участниками всякой избирательной кампании — практически во всех странах, где проводятся выборы в органы власти.

В еще большей степени отмеченные черты характерны для политических партий современной России. Во-первых, в нашей стране вполне определенно наличествуют многие из факторов, идентифицированных К. Стромом как стимулирующие доминирование «ориентации на офис». Среди них — низкая интенсивность политической конкуренции и неопределенность электоральных правил, ограниченное пространство политического торга, пропорциональный избирательный режим, низкий уровень внутрипартийной демократии и высокая проницаемость каналов рекрутирования, капиталоемкий тип кампаний и большая доля государственных субсидий (в нашем случае зачастую квазигосударственных)¹⁰.

Во-вторых, политики постсоветской России изначально действовали в деидеологизированной среде, где после крушения коммунистического режима большинство избирателей, за исключением сравнительно небольшой части сторонников КПРФ, оказались не привязаны ни к какой определенной идеологической традиции. Отсюда высокий уровень волатильности электората, свойственный первым избирательным кампаниям постсоветской России. Столь высокие электоральные риски оказались психологически неприемлемыми для наших элит, унаследовавших от прошлого тоску по так называемому «шестому чувству советского человека» — чувству «уверенности в завтрашнем дне». К тому же, как резонно замечал в отношении транзитных стран Ф. Шмиттер, большинство людей, осуществлявших демократические преобразования, являлись профессиональными политиками, и у них не было какой-либо иной профессии или источника существования, кроме занятий политикой. В этой связи было «маловероятно, что общие интересы они поставят впереди своих собственных непосредственно карьерных»¹¹. Поскольку же идеологическая заряженность не свойственна нашим элитам в той же мере,

¹⁰Strom, K. Op. cit. P. 593.

¹¹Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии. — Пределы власти, 1994, № 1. Режим доступа: <http://old.russ.ru:8081/antolog/predely/1/dem2-2.htm>

что и простым гражданам, то стремление к должности, а не реализации программных целей стало приоритетом для большинства избираемых и назначаемых политиков.

Такие настроения и обусловили формирование нашей партийной системы, в центре которой расположилась «партия власти в узком смысле» (Единая Россия), окруженная элементами «партии власти в широком смысле»¹². Узкое толкование понятия «партия власти» на протяжении всей современной истории России подразумевало конкретное политическое образование, на которое глава исполнительной власти более или менее открыто опирался в своих взаимоотношениях с парламентом. Таких партий было несколько. К ним относились «Выбор России» в 1993 году, «Наш дом Россия» в 1995 году. С 2001 года эту роль играет «Единая Россия» (изначально «Единство»). Специфика российских «партий власти» состоит в том, что они не уходят в оппозицию вместе со своими лидерами. Они либо распадаются после ухода вождя с должности (такова судьба предшественниц «Единой России»), либо трансформируются в новую партию новой власти, т.е. превращаются в опору любого пришедшего к власти лидера, независимо от его политических ориентаций.

Это организации, которые возникают и существуют для поддержки именно действующего государственного руководителя, а не какой-либо конкретной персоны или политической позиции. Поэтому российская «партия власти» вполне может быть правящей (если глава исполнительной власти является членом партии), но не может быть оппозиционной. Ее можно назвать пропрезидентской, если иметь в виду не какого-либо конкретного президента, а должность, пост президента как таковой при условии, что в его руках сосредоточена реальная власть. Но она может быть и партией премьер-министра, если обладатель именно этой должности является средоточием высшей власти в государстве. В любом случае, для партии власти «ориентация на офис» является безусловным приоритетом, выражением ее сущности. В отличие от правящих партий либеральных демократий, каждая из которых существует в неразрывной связке с их оппозиционными контрагентами и потенциально готова поменяться с ними местами после каждых регулярных выборов, уход «партии власти» в оп-

¹²Подробнее см.: Пшизова С.Н. Партия власти // Политология. Лексикон. Под ред. А.И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2007. С. 299–307.

позицию не просто не рассматривается как «уверенное ожидание» — он вообще невозможен. Уход же в оппозицию «Единой России» представить даже сложнее, чем превращение в оппозиционера ее лидера В.В. Путина.

Однако говоря о «партии власти», не стоит ограничиваться узким толкованием этого понятия. Ведь о партийной стратегии «Единой России» речи вести не приходится: никакой самостоятельной политики, ни электоральной, ни какой бы то ни было еще, у этой партии нет. Она вообще не является самостоятельным политическим субъектом. Очевидно, что «Единство» было создано незадолго до выборов 1999 г. как часть более общей электоральной стратегии, в которую были включены и другие участники игры. Вообще концепция «управляемой демократии», культивируемая сегодня российской правящей элитой, предполагает создание стольких партий, сколько понадобится для обеспечения нужной расстановки политических сил и баланса между ними. Имиджевые и электоральные характеристики этих партий определяются запросами политического рынка, выявляемыми с помощью маркетинговых исследований. А залогом их стабильного существования на политической сцене является лояльность в отношении центра концентрации реальной власти. Основными ингредиентами при создании этих агентов «партии власти в широком смысле» являются деньги и «административный ресурс». Необходимые показатели членства обеспечиваются в обмен на конкретные жизненные блага либо под сильным административным давлением.

Известно, что до начала массированного административного вмешательства в процесс партийного строительства численность российских политических партий, за исключением КПРФ, оставалась стабильно низкой, как правило, незначительно превышая требуемые по закону сначала 10 000, а позже 50 000 человек. В последние годы членство в КПРФ, действительно отражающее динамику добровольной активности граждан, снижается. А вот численность «партии власти» внезапно резко пошла вверх вопреки всем предыдущим тенденциям и за короткий срок достигла почти двух миллионов человек¹³. Неестественность такой динамики настолько бросается в глаза, что даже сами руководители партийного проекта заговорили о необходимости провести

¹³«Единая Россия» сохраняет численность. — Взгляд, 10.09.2008. Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2008/9/10/206160.html>

чистку непомерно разросшихся рядов от «примазавшихся» к партии карьеристов.

Понятно, что наличие других партий, в действительности являющихся элементами стратегии «партии власти» в широком смысле, т.е. органически встроенных в единую концепцию политической режиссуры, не создает реальной политической конкуренции и, следовательно, угрозы статусу властвующей партии. Оно служит лишь задаче имитации демократической игры в репрезентативных целях как внешней, так и внутренней политики. Всю необходимую работу по созданию и регистрации таких партий, организации их избирательных кампаний проводят профессиональные политконсультанты и технологи.

Можно сказать, что если на Западе исследователи с тревогой отмечают постепенный процесс картелизации сложившихся некогда партийных систем, то у нас в последние годы политический картель создавался осознанно и целенаправленно. Да и предыдущая история постсоветского партийного строительства — это в значительной степени история попыток создания именно картельной системы, включающей управляемые элементы (партии правой и левой руки и т.д.) и отторгающей в той или иной степени автономные. Успех в конце концов был достигнут благодаря как раз доминированию в поведении наших партий ориентации на «офис». Ведь политики, для которых приоритетом является должность, ведут себя иначе, чем их коллеги, стремящиеся прежде всего к реализации программных установок. Они не готовы рисковать своим положением во власти во имя идеологических принципов. Стремительный переход многих заметных российских политиков в различные организационные структуры «партии власти в широком смысле» подтверждает этот тезис.

Естественным следствием картелизации партийных систем современных демократий стала олигополизация политических рынков. «Где-то с середины 1970-х годов партийные системы на Западе начинают все больше напоминать олигополистический рынок, отмечает Р. Пелиццо. — Партии утрачивают связь с избирателями. Более того, в ряде случаев они не только перестают реагировать на электоральный спрос, но и идут на сговор друг с другом, стремясь закрепить за собой господство на политическом пространстве»¹⁴.

¹⁴Пелиццо Р. «Картельная» партийная система. — Русский журнал, 24.11.2008. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kartel-naya-partijnaya-sistema>

Российский политический рынок если не монополизирован полностью, то уж точно по части олигополизации продвинулся гораздо дальше западных. Он отличается мощным административным вмешательством, не позволяющим реализоваться преимуществам свободной конкуренции. Вход на этот рынок жестко контролируется. В таких условиях в значительной мере обесцениваются рассуждения политологов о перспективах развития многопартийности, основанные на классических теориях, вроде теории кливажей¹⁵. Конечно, среди прочих средств административного регулирования политического рынка можно назвать и легальные. Например, повышение барьера для прохождения в законодательные собрания как федерального, так и регионального уровней до 7% способствовало отсечению заметного числа организаций от участия в политической конкуренции. В результате произошло резкое сокращение количества зарегистрированных партий — за последние 7 лет более чем в 10 раз. Сократилось и число парламентских фракций, а в центре партийной системы укрепилась партия, пользующаяся безраздельной поддержкой исполнительной власти и обладающая конституционным большинством в Федеральном Собрании¹⁶. Но все же основные препятствия процессу свободного функционирования политического рынка в России лежат не в формальных правилах, а в их неисполнении.

Тенденция сращивания партий с государством приобрела в России еще и уродливую форму «административного ресурса», т.е. незаконного использования действующими политиками возможностей своего служебного положения в личных или партийных целях. Описывая ситуацию на выборах депутатов Государственной Думы 2007 г., член Центральной избирательной комиссии Е.И. Колюшин в своем особом мнении пишет: «В итоге партия, в список кандидатов в депутаты от которой входило много руководителей исполнительной власти федерального, регионального и муниципального уровней и имевшая по этой причине преимущественный доступ к СМИ с государственным участием в течение всей избирательной кампании, находилась в привиле-

¹⁵Мелешкина Е. Ю. Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности. — Политическая наука, 2004, № 4. С. 11—29.

¹⁶Подробнее см., например: Михалева Г. М. Партии бывают разные: «Единая Россия» как административная партия. — Неприкосновенный запас, 2007, № 3. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/3/mi5.html>

гированном положении по отношению к другим партиям, участвовавшим в парламентских выборах»¹⁷.

Фактически мы наблюдаем сегодня в России попытку осуществления тотального менеджмента всего политического предприятия. Многие политики и журналисты открыто говорят о необходимости согласовывать любые политические проекты в Кремле. Без такого согласования никакие организации не могут рассчитывать на доступ к основным каналам политической коммуникации, а значит не могут привлечь к себе внимание граждан и добиться их поддержки. Таковыми каналами сегодня являются СМИ, главным образом телевидение. Они практически вытеснили организационные структуры, прежде всего партийные, в качестве посредников во взаимодействии между управляющими и управляемыми. Эти изменения в системе политических коммуникаций составляют вторую группу факторов, способствовавших обретению влияния разного рода специалистами по политическим технологиям, в том числе спин-докторами.

Анализу развития современных политических коммуникаций посвящена уже довольно большая литература¹⁸. Отметим лишь некоторые аспекты, непосредственно относящиеся к нашему сюжету.

К концу XX века газеты, радио, телевидение, а теперь и Интернет стали формировать, направлять и контролировать большую часть информационного потока, движущегося как в направлении снизу вверх — от граждан к органам власти, так и в обратном направлении. Роль и значение СМИ в политике настолько выросли и стали настолько важны, что западные исследователи начали писать о медиатизации политики, подразумевая перемещение средств массовой информации в центр политического поля, обретение ими важнейших политических функций и превращение в основной канал легитимации власти¹⁹. Осмысление

¹⁷Колюшин Е.И. Особое мнение о Протоколе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 08.12.2007. — Режим доступа: http://www.cikrf.ru/newsite/elect_duma/results/mnenie.pdf

¹⁸См., например: Lilleker D. Key Concepts in Political Communications. — L.: SAGE Publications, 2006; Stanyer J. Modern Political Communication. Mediated Politics in Uncertain Times. — Malden, MA: Polity Press, 2007.

¹⁹Mazzoleni, G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? — Political Communication, 1999, Vol. 16, N 3. P. 247—262; Kepplinger H.M. Mediatization of Politics: Theory and Data. — Journal of Communication, 2002, December. P. 972—986; Schulz W. Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. — European Journal of Communication, 2004, N 19. P. 87—101.

отечественного опыта функционирования политики в контексте современных коммуникаций и вне демократических традиций привело некоторых авторов к более радикальным выводам, сформулированным в концепции медиакратии²⁰.

В любом случае исследователи отмечают усиление зависимости политиков от СМИ. Необходимость заботиться об обеспечении каналов стабильного взаимодействия с избирателями, о регулировании потоков информации в своих интересах побуждает политиков обращаться к профессионалам в сфере политических коммуникаций. Как следствие, к 80-м годам прошлого века при политических структурах, в том числе при политических партиях, стали повсеместно появляться службы, помогающие создавать и поддерживать положительный образ их нанимателей в глазах общественности. С тех пор отношения между политиками и специалистами соответствующего профиля проделали заметную эволюцию, которую достаточно точно описал известный представитель PR-цеха Гарольд Берсон: «Сначала клиенты говорили нам: «Вот наше послание. Идите, доставьте его». Потом они стали спрашивать: «Каким должно быть наше послание?». Теперь же: «Что мы должны делать?»²¹.

Партии, приходя к власти, естественным образом распространяли ту же самую практику на работу подконтрольных им правительств. Реагируя на изменившуюся природу политических коммуникаций, госструктуры также начали выстраивать целые сети PR-подразделений, позволяющих эффективно влиять на общественное мнение через связи с печатными и электронными СМИ. В результате серьезный сдвиг произошел и в системе отношений органов государственной власти с гражданами. Таким образом, в ходе совместной адаптации политиков и медиа к новым условиям выстроилась современная государственная модель паблисити.

Постепенно управление коммуникациями переместилось в центр внимания политиков и стало рассматриваться как один из ключевых моментов их деятельности. Специально создаваемые для решения этой задачи структуры институционализировались и легитимировались в партиях и органах власти, а усилия полити-

²⁰Соловьев А.И. Медиакратия // Политология. Лексикон. Под ред. А.И. Соловьева. — М.: РОССПЭН, 2007. С. 226–239.

²¹Paluszek, J. Propaganda, Public Relations and Journalism: When Bad Things Happen to Good Words. — *Journalism Studies*, 2002, Vol. 3, N 3. P. 444.

ков и их «помощников по коммуникациям» эволюционировали от стремления адекватно реагировать на запросы публики к упреждающим действиям, направленным на формирование благоприятного общественного мнения. В странах, подобных постсоветской России, где отсутствуют традиции ответственного поведения управляющих и гражданского контроля за ними со стороны управляемых, перемены оказались особенно радикальными. Здесь вопросы репрезентации (представления) политики населению стали чуть ли не важнее самой политики. Очевидно, однако, что сегодня в деятельности всех правительств развитых стран явно видна логика опережающего продвижения на политическом рынке положительного образа властей и проводимой ими политики. Среди политических деятелей утвердилось мнение о необходимости уделять первоочередное внимание убеждению электората в правильности своих решений и действий. Причем речь идет не о простом информировании публики и даже не о разъяснении ей соответствующих позиций, а именно о рекламировании достижений политических руководителей и возглавляемых ими органов власти. Такая переакцентировка информационной активности правительств вызвала новые дискуссии о природе официальных политических коммуникаций и об их отношении к тому, что традиционно считалось пропагандой²².

Значение, которое придается сегодня обладателями власти «стратегическим политическим коммуникациям», побуждает исследователей говорить о возникновении «современного PR-государства». Доминик Ринг, к примеру, полагает, что в деятельности такого государства все большее место занимает выполнение трех функций. Первая из них — рекламирование, в ходе которого государство как коммуникатор создает послание гражданам (или же контролирует его создание), а затем обеспечивает его распространение и продвижение в различных медийных форматах. Вторая — изучение общественного мнения, выявление ценностей, настроений и запросов граждан с помощью количественных (опросы) и качественных (фокус-группы) методов. При выполнении этой задачи формируется заметный сегмент информации, которая используется не только для налаживания полити-

²²Taylor, Ph. Strategic Communications or Democratic Propaganda. — *Journalism Studies*, 2002, Vol. 3, N 3. P. 437. Режим доступа: <http://ics.leeds.ac.uk/papers/pmt/exhibits/442/stratprop.pdf>

ческих коммуникаций с обществом, но и для выработки государственной политики и принятия решений по самым различным вопросам. Третье направление составляют связи с общественностью (PR), посредством которых коммуникатор управляет вниманием СМИ и обеспечивает благоприятное освещение своей деятельности в информационном поле²³. Создаваемый для осуществления этих функций аппарат (довольно внушительный, кстати, по своим размерам) среди прочего координирует усилия различных ведомств по представлению государственной политики в публичном пространстве. Специальные сотрудники, находящиеся на службе демократических правительств и отвечающие за управление коммуникациями, обладают ныне высоким статусом в системе государственной власти и имеют в своем распоряжении большие ресурсы.

Примечательно, однако, что заметная часть этой активности происходит как бы за сценой, носит не публичный, а скрытый или даже секретный характер. Хотя с начала 90-х годов в политический обиход входят понятия «спин», означающее менеджмент новостей, и «спин-доктор», обозначающее специалиста, обеспечивающего управление медиа-средой в интересах своего политического нанимателя, пользуются ими в основном журналисты и политологи. Люди, занимающиеся продвижением положительного образа властей в общественном сознании, не любят рассуждать о себе и своей деятельности в подобных терминах. Официально статус всех этих персонажей называется как-нибудь иначе, либо вообще никак.

Те, кого пресса или политологи идентифицируют в качестве спин-докторов, занимают различные должности в разного рода организационных структурах. Так, теперь рядом с традиционными пресс-службами и пресс-секретарями президентов и премьер-министров нередко можно видеть директоров по коммуникациям, специальных советников или просто помощников. Иногда такие специалисты состоят в штате департаментов, ведающих внутренней политикой. В России один из тех, кого эксперты единодушно считают спин-доктором и даже менеджером всего партийно-политического пространства, занимает пост заместителя главы администрации президента. Под его началом среди

²³Wring D. The British Public Relations State. Paper presented at the 57th conference of the International Communication Association. San-Francisco, 24-28 May, 2007.

сотрудников администрации можно обнаружить бывших известных теледеятелей, а также политконсультантов, активно проявивших себя в избирательных баталиях 1990-х годов.

Чем именно занимаются в администрации президента России эксперты по «социальному программированию» и PR, широкой общественности не известно. Однако достаточно хорошо известна среди политологов книга, в которой, судя по всему, было изложено кредо будущих кремлевских пиарщиков. По мнению ее авторов, PR «нужен, чтобы доказать, что фирма, выпускающая «щипцы для снятия нагара со свечи», отвечает за удовлетворение общественной потребности». «То же касается и власти. Пиар стал нужен, когда стало непонятно, кому вообще служит власть», — писал О. Матвейчев буквально накануне приглашения на государственную службу²⁴. Посткоммунистическая Россия пропустила первоначальные этапы эволюции политического консалтинга, который зародился в недрах старых демократических систем как реакция на изменение социального и коммуникативно-технологического контекста. Мы получили в определенном смысле готовый продукт, импортированный вместе с другими политическими институтами западного образца в ходе демократизации начала 1990-х годов. Но в отличие, скажем, от многопартийности или альтернативных выборов, приход политических консультантов и «новых избирательных технологий» на политическую сцену не рассматривался реформаторами в качестве цели или обязательного условия демократизации политической системы. Напротив, провозглашавшиеся нормы и идеалы политической жизни даже в определенной мере противоречили самой возможности успешного развития такого рода бизнеса.

Культивировавшаяся модель представительной демократии, опирающейся на активное, хорошо структурированное гражданское общество, не предполагала появления посредников между политиками и гражданами. Влиятельной группе более или менее независимых профессиональных политических менеджеров просто не было места в этой модели партийно-политических связей. Интеграция института политконсультантов в политический процесс постсоветской России произошла стихийно, без особой пуб-

²⁴Гусев Д., Матвейчев О., Чернаков С., Хазеев Р. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. — Пермь, 2002. Режим доступа: <http://www.matveychev.ru>

личности, без какого бы то ни было идеологического обоснования и, в общем-то, вопреки нормативным установкам — исключительно в виде ответа на прагматические запросы элитных групп. К тому же наш социально-политический контекст породил более развитые, «законченные» формы и способы функционирования этого сравнительно молодого политического института, неизвестные странам с исторически более длительными и прочными демократическими традициями.

В России нет исследований о спин-докторах, хотя вряд ли кто-то возьмется всерьез утверждать, будто этого явления у нас не существует. Поскольку их статус и параметры деятельности не определены законом, остается достаточно большой простор, с одной стороны, для злоупотреблений, с другой — для слухов и журналистских спекуляций. Всем понятно, например, что наши политические и государственные лидеры пользуются услугами политконсультантов. Однако в силу совершенно неправомерного отсутствия официальных сведений на этот счет, граждане могут только догадываться о масштабах такой деятельности, объемах задействованных ресурсов и персоналиях экспертов, облеченных доверием власти. Средства массовой информации время от времени причисляют к категории так называемых «кремлевских политтехнологов» тех или иных представителей консалтингового цеха. Достоверность этих сведений проверить невозможно, тем более что некоторые «предприниматели от политики», в действительности отношения к Кремлю не имеющие, иногда стимулируют или молчаливо поощряют распространение таких слухов. Отсутствие публичности порождает также подозрения в нелегитимности и нелегальности осуществляемых таким образом политических проектов, сомнения в их направленности на реализацию общественного блага, а не частных интересов отдельных представителей правящей элиты.

Двусмысленность и неопределенность, сопровождающая околополитическую активность всех этих специалистов, означает, по-видимому, нежелание властей афишировать истинные цели и приемы такого рода деятельности. А это, в свою очередь, связано с тем, что в классической демократической парадигме, похоже, пока не находится места для подобных персонажей и выполняемых ими функций.

Коргунюк Ю.Г.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПАРТИЙ В УСЛОВИЯХ «НЕДОДЕМОКРАТИИ»: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Финансирование — тот аспект партийной жизни, значение которого трудно переоценить. Подобно тому, как режим и состав питания определяют самочувствие человека, характер и структура партийного финансирования являются показателем партийного «здоровья».

Давно замечено, что формы партийной организации тесно связаны со способами финансирования. Так, деятельность кадровых партий обеспечивалась прежде всего средствами её лидеров, депутатов и кандидатов; возникновение массовых партий во многом было обусловлено необходимостью компенсировать нехватку финансов за счёт членских взносов и бесплатной работы активистов; существование не прямых партий²⁵ зависело от институциональных пожертвований со стороны коллективных членов (профсоюзов, кооперативов и т.п.); выход на авансцену «всеядных» (catch-all) партий — результат, в числе прочего, массивного притока частных пожертвований; наконец, концепция «картельной партии» не могла бы появиться без повсеместного перехода западноевропейских партий к преимущественно государственному финансированию.

В условиях «недемократии» (полуавторитарных, малоконкурентных, «неконсолидированно демократических» и пр. режимов) проблемы партий так или иначе связаны с особенностями их финансирования — такой вывод сделали сотрудники Южноафриканского филиала Фонда Конрада Аденауэра (ФРГ), проследив перипетии парламентских выборов 2009 г. в ЮАР. Правящая партия — Африканский национальный конгресс, — до это-

²⁵ Термин Дюверже, обозначающий партию, которая была создана неполитическими общественными организациями — профсоюзами, кооперативами и т.п.

го едва сводившая концы с концами, провела неожиданно дорогостоящую избирательную кампанию. Большинство наблюдателей пришли к выводу, что деньги поступили извне — скорее всего, из Китая, благо у АНК богатый опыт финансирования за счёт внешних источников: до конца 1980-х гг. организация получала субсидии от СССР, а до середины 1990-х — от Социал-демократической партии Швеции. Не исключалась также версия финансирования политических партий страны криминальными кругами²⁶.

В связи с этим сотрудники Фонда К. Аденауэра сочли полезным проверить, как обстоят дела с финансированием партий в других странах, чья политическая система в той или иной степени напоминает южноафриканскую. В декабре 2009 г. в Йоханнесбурге состоялся семинар, посвящённый этой теме, на который были приглашены эксперты из Малайзии, Ботсваны, США, Бразилии, России.

Выяснилось, что в части партийного финансирования эти страны объединяет только сугубая непрозрачность соответствующих процессов, а также закрепление значительных преимуществ за доминирующими партиями (при наличии таковых). Прочие аспекты существенным образом варьируются.

1. ИНОСТРАННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Проблема иностранного финансирования, помимо Африки, оказалась актуальной разве что для Малайзии (здесь тоже обнаруживается китайский «след»), тогда как в Латинской Америке она практически отошла в прошлое (здесь ведущая роль, естественно, принадлежала США). Но и там, где проблема имела место, дело сводилось в основном к предположениям и слухам.

В частности, аргументом, подтверждающим финансирование Африканского национального конгресса Коммунистической партией Китая, послужил отказ властей ЮАР предоставить въездную визу Далай-ламе²⁷. Однако подобный шаг может свидетельствовать просто о нежелании портить отношения с КНР, в том числе в расчёте на будущие инвестиции. Факт же иностранного

²⁶Информация прозвучала в ходе семинара «Партийное финансирование и политические изменения в Южной Африке и странах глобального Юга» («Party funding and political change in South Africa and the global South») в Йоханнесбурге 11 декабря 2009 г.

²⁷Sokomani, A. Door to Legalized Corruption? South Africa's Party Funding Regulatory Deficit // Paying for Politics: Party funding and political change in South Africa and the global South. — Johannesburg: KAS, Jacana, 2010 (готовится к печати).

спонсирования АНК нуждается в более веских доказательствах.

Не представлено никаких подтверждений и предположению о зарубежном финансировании малайзийских партий. Такая возможность просто не исключается — исходя из отсутствия соответствующего запрета²⁸.

Что касается иностранного «следа» в финансировании российских партий, то и здесь доказательства прозрачны. В 1990-х гг. «левопатриотическая» оппозиция обвиняла либералов в получении денег если не напрямую из ЦРУ, то как минимум от крупных западных корпораций. В 2000-х роль обвинителя взяла на себя власть, и под её давлением в декабре 2006 г. было запрещено финансировать партии некоммерческим организациям, получающим гранты от зарубежных и международных фондов.

Но серьёзных поводов для утверждений, что какие-либо российские партии финансировались из иностранных источников, как не было, так и нет. Были лишь отдельные недоразумения. Согласно отчёту Центризбиркома, в ходе думской кампании 1993 г. «Выбор России», Гражданский союз и «ЯБЛоко» получили пожертвования от банков и акционерных обществ, продавших часть своих акций зарубежным фирмам (в ряде случаев — казахстанским)²⁹. Временное положение о выборах в Госдуму запрещало любые пожертвования от юридических лиц с иностранным участием³⁰, однако, поскольку механизм санкций по отношению к нарушителям определён не был, неизвестно даже, вернули ли последние «незаконные» средства.

Между тем в ходе обсуждения в Госдуме соответствующей нормы (1994) было сочтено нецелесообразным вводить полный запрет на пожертвования от юридических лиц с иностранным участием, и законодатели ограничились тем, что установили верхнюю границу подобного участия — 30%³¹. Эта норма зафиксирована и во всех последующих законодательных актах, включая закон о политических партиях.

²⁸Gomez, E.T. *Financing Politics in Malaysia // Paying for Politics: Party funding and political change in South Africa and the global South.* — Johannesburg: KAS, Jacana, 2010 (готовится к печати).

²⁹Бюллетень Центральной избирательной комиссии, 1994, № 4(15). С. 24–26.

³⁰Российская газета, № 188(804), 8 октября 1993 г.

³¹Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ». Принят Государственной Думой 26 октября 1994 г. Одобрен Советом Федерации 16 ноября 1994 г. Режим доступа: <http://wbase.duma.gov.ru/ntc/vdoc.asp?kl=423>

2. КРИМИНАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ

Относительно участия криминальных кругов в финансировании политических партий доказательств ещё меньше. В бразильском и малайзийском случаях можно говорить лишь, что оно не исключено — в этих странах отсутствуют фактические (а в Малайзии ещё и формальные) ограничения размера частных пожертвований и контроль за их происхождением³². Однако подозрения зачастую небезосновательны. Например, в Бразилии наркомафия активно ищет пути легализации доходов и статуса. Участие в финансировании партий для неё — один из способов как «отмывания» денег, так и проникновения в состав политического класса. Тем не менее всё это лишь общие соображения, не подкреплённые конкретными фактами.

В случае с Южной Африкой попытки доказать связь между организованной преступностью и партиями тоже трудно признать успешными. В частности, в прессе время от времени появлялись намёки на получение Партией свободы «Инката» денег от подпольных казино, на связи Новой национальной партии с бизнесменами, известными своими контактами с криминальными кругами, на финансирование некими «гангстерскими авторитетами» партии «Новые демократы» и т.п.³³ Всё упомянутое не выходит за рамки домыслов и слухов, но вместе тем — и что важнее — в подобной ситуации мы имеем дело не столько со стремлением криминала проникнуть в большую политику, сколько с более широкой проблемой — продажей мест в партийных списках, а также лоббированием партиями интересов бизнеса. При этом совершенно неважно, кому именно продаются места — людям с солидной или сомнительной репутацией — и интересы каких бизнес-группировок лоббируются (как правило, отнюдь не наркомафии). Сам факт продажи мест и лоббирования нивелирует разницу между «козлицами» и «агнцами».

В доказательство приведём пример из отечественной практики. В России партий, тесно связанной с криминальными кругами, считается ЛДПР. Во второй половине 1990-х в её думской фракции состояли такие одиозные личности, как М. Монастырский, В. Шевченко, М. Глушченко (двое последних, по версии след-

³²Gomez, E.T. Op. cit.; Krause, S. Party financing in Brazil: a necessary balance // // Paying for Politics: Party funding and political change in South Africa and the global South. — Johannesburg: KAS, Jacana, 2010 (готовится к печати).

³³Sokomani, A. Op. cit.

ствия, были причастны к организации убийства Г. Старовойтовой в ноябре 1998 г.). Однако ни один из них не был замечен в лоббистской активности — эти люди просто купили себе депутатский иммунитет. Сам В. Жириновский признавал, что у ЛДПР никогда не было постоянных спонсоров — этим он, в частности, и объяснял «всеядность» партии при поиске источников финансирования³⁴.

Со временем эта «всеядность» перестала носить столь вызывающий характер. Сегодня 23 из 40 членов фракции ЛДПР имеют предпринимательское прошлое, и все они вполне уважаемые персоны³⁵. Однако суть взаимоотношений между партией и её «клиентами» не изменилась — партия продаёт места в своём списке, клиенты покупают и пользуются как считают нужным. Кстати, в 2008 г. автор этих строк опубликовал в «Независимой газете» статью, в которой назвал ЛДПР «полукоммерческим предприятием, на возмездной основе помогающим состоятельным людям обзавестись депутатской корочкой»³⁶. Когда юристы Жириновского пригрозили газете судом, потребовав либо извинений, либо доказательств, автор, помимо того, что сослался на официальные отчёты о пожертвованиях в избирательный фонд партии, в качестве «примирительного» жеста предложил откорректировать текст следующим образом: «ЛДПР — благотворительная организация, на абсолютно безвозмездной основе помогающая состоятельным людям обзавестись депутатской корочкой». Ответа не последовало, претензии больше не предъявлялись.

3. ПРОДАЖА И СКУПКА ГОЛОСОВ И МЕСТ

Во всех «недемократических» странах (впрочем, не только в них) реальный объём средств, расходуемых партиями в ходе избирательных кампаний, существенно превосходит официально заявленный. Незадекларированная разница тратится на нелегитимное приобретение электоральной поддержки, в том числе прямую скупку голосов. С. Краузе, в частности, отмечает, что на последних выборах значительное число бразильцев (8,3 миллиона, по данным «Трансперенси Бразил») получили предложение продать свой голос³⁷.

³⁴Степанов А. «Больше денег — больше жуликов». — Московские новости, № 50, 24–30 декабря 2002 г.

³⁵По собственным подсчётам автора.

³⁶Коргунюк Ю. Партбилет в будущее. — Независимая газета, 16.09.2008. Режим доступа: <http://www.ng.ru/ng-politics/2008-09-16/15-partbilet.html>

³⁷Krause, S. Op. cit.

Мобилизация средств на указанные цели порождает феномен т.н. параллельного финансирования, подразумевающего существование двух финансовых потоков: легального, отражённого в официальной отчётности, и нелегального, т.е. «чёрной кассы» («саixa dois» в Бразилии). В глазах широкой общественности и специалистов последний из потоков тесно связан с уклонением от налогов, незаконной предпринимательской деятельностью и организованной преступностью³⁸.

Аналогичная ситуация имеет место и в Малайзии, для которой весьма актуальна проблема «политических денег» как фактора, способствующего фракционализации партий вследствие покупки соперничающими группировками поддержки рядовых сторонников. Данная проблема усугубляется этнической фрагментированностью страны. Каждая из общин живёт замкнутой жизнью, практически у каждой имеется своя «национальная» партия, финансирование которой невозможно проконтролировать ни снаружи (поскольку общины сопротивляются любому вмешательству извне), ни изнутри (поскольку жизнь общин управляется элитами, а не наоборот). В таких условиях проблемы партийного финансирования зачастую приобретают необычные для российского наблюдателя формы.

В частности, исследователь малайзийской партийной системы Э. Гомес видит едва ли не главное зло в ведении партиями собственного бизнеса, включая издание и распространение периодических изданий³⁹. Для россиянина это звучит странно, поскольку в нашей стране предпринимательская деятельность почти не приносит партиям дохода, а издание партийной прессы и вовсе безнадежно убыточно. В Малайзии же партийный бизнес и партийная пресса рассматриваются в качестве главных форм политической коррупции, и для этого, судя по всему, существуют основания, поскольку в специфических условиях данной страны и то и другое вполне может служить своего рода «прачечной», через которую в политику вливаются деньги сомнительного происхождения, в т.ч. иностранного и криминального.

Проблема «партийного» бизнеса актуальна и для ЮАР, где, как и в Малайзии, партии владеют собственными предприятиями, а также пакетами акций в крупных (в т.ч. транснациональ-

³⁸Ibid.

³⁹Gomez, E.T. Op. cit.; Krause, S. Op. cit.

ных) компаниях. В частности, у АНК имеется собственная инвестиционная компания, вокруг которой регулярно случаются скандалы, связанные, как правило, с получением преференций при размещении госзаказов⁴⁰.

Для российской практики проблема партийного бизнеса не столь значима. В нашей стране партиям разрешены только следующие виды предпринимательства: «а) информационная, рекламная, издательская и полиграфическая деятельность для пропаганды своих взглядов, целей, задач и обнародования результатов своей деятельности; б) изготовление и продажа сувенирной продукции с символикой и (или) наименованием политической партии, а также изготовление и продажа издательской и полиграфической продукции; в) продажа и сдача в аренду имеющегося в собственности политической партии движимого и недвижимого имущества»⁴¹.

Чем и объясняется низкая доходность российского партийного «бизнеса». В том, что на этом много не заработаешь, солидарны и В. Жириновский («...Майки, значки, ручки, кассеты с моими песнями — ...трудно всё это продать. Водка на что уж ходовой товар, но и та тяжело идёт. Прибыль от этой деятельности — копейки, несколько тысяч долларов в год. Хотя меня убеждали, что будет несколько миллионов»⁴²), и управляющий делами ЦК КПРФ А. Пономарёв⁴³. Правда, в 2008 г. доходы от предпринимательской деятельности составили 11,2% поступлений в партийную казну КПРФ, но речь, скорее всего, шла о продаже принадлежащей партии недвижимости — такой вывод можно сделать из представленного в ЦИК финансового отчёта⁴⁴.

Но вот что касается существования двух пластов партийного финансирования — легального и «теневого», то всё это справедливо и для России, причём не только периода 1990-х⁴⁵, но и сегодняшней. Разумеется, власти никогда не были слишком придирчивы к отчётности доминантной партии, но известные «шалос-

⁴⁰Sokomani, A. Op. cit.

⁴¹Федеральный закон «О политических партиях». Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>

⁴²Московские новости, № 50, 24—30 декабря 2002 г.

⁴³Финансы КПРФ: слухи и правда. Интервью управляющего делами ЦК КПРФ А.А. Пономарёва. — Советская Россия, № 47 (12822), 27 апреля 2006 г.

⁴⁴Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/newsite/politparty/finance/2009/kprf.pdf>

⁴⁵Gelman, V. The Iceberg of Russian Political Finance // Brown, A. (ed.). Contemporary Russian Politics: A Reader. — Oxford: Oxford University Press, 2001.

ти» разрешались и другим партиям. В частности, из 23 бизнесменов, входящих в думскую фракцию ЛДПР, практически никто не внёс в партийную казну официальных пожертвований. Это не значит, что никто из них ничего не платил. Знаменателен случай, когда В. Жириновский предъявил своему бывшему заму А. Митрофанову финансовую претензию — по словам лидера ЛДПР, в 2003 г. тот обязался оказать партии «материальную помощь в размере двух миллионов евро» и не исполнил обещания (соответствующую расписку В. Жириновский продемонстрировал журналистам)⁴⁶. Если учесть, что данная сумма превышает максимально допустимый размер пожертвования не только для физического, но и для юридического лица, нетрудно представить разницу между официальными и неофициальными средствами, поступающими в ходе избирательных кампаний в распоряжение ЛДПР.

4. ГИПЕРВОЗМОЖНОСТИ ДОМИНАНТНЫХ ПАРТИЙ

В особую группу можно выделить финансовые проблемы, возникающие в системах с доминирующей партией. Оригинальную концепцию «политэкономии» таких систем дал американец К. Грин. На основе мексиканского опыта он сформулировал т.н. ресурсную теорию партийного доминирования, согласно которой основным фактором, позволяющим главной партии воспроизводить свою монополию, является наличие у неё ряда гипервозможностей. К. Грин имеет в виду прежде всего контроль над обширным государственным сектором, что позволяет доминантной партии не только финансировать собственную деятельность и пристраивать на выгодные должности сторонников, но и использовать средства государственных предприятий для массового подкупа избирателей. Соответственно, и утрату Институционно-революционной партией правящих позиций исследователь связывает с вынужденной приватизацией госпредприятий во второй половине 1980-х и в 1990-х, во многом уравнившей финансовые возможности ИРП и оппозиционных партий⁴⁷.

Правда, когда К.Грин попытался экстраполировать свою схему на другие страны с доминантными партийными системами,

⁴⁶Уход Митрофанова связан с коммерческими причинами — Жириновский. — РИА «Новости», 05.09.2007. 14:48. Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20070905/76779501.html>).

⁴⁷Greene, K. F. Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization In Comparative Perspective. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 33–34.

выяснилось, что отнюдь не во всех из них существовал значительный государственный сектор. В частности, его не было в Японии и Швеции (в последней у правившей более 40 лет Социал-демократической партии вообще не имелось никаких финансовых гипервозможностей — шведский случай, таким образом, ставит под сомнение ресурсную теорию в целом). Чтобы сгладить эту неувязку, К.Грин расширил круг источников финансовых гипервозможностей доминантных партий, добавив сюда прямое направление в партийную казну бюджетных денег, протекцию лояльному бизнесу в обмен на пожертвования, бесплатное пользование государственным транспортом, помещениями, почтовыми услугами, телефоном и т.п.⁴⁸

Первопричиной же финансового неблагополучия оппозиции в доминантных системах К.Грин считает её неспособность вырваться за рамки «ядерного» электората и пополнить партийную казну хотя бы за счёт членских взносов, а также незаинтересованность бизнеса в финансировании партий, заведомо обречённых на поражение. В связи с этим оппозиция, по словам Грина, вынуждена влачить существование пауперов⁴⁹. Соответственно, и изменение финансового положения оппозиции он связывает с её выходом из электорального гетто и апелляцией к избирателям-центристам — в Мексике их поддержка обеспечила обильный поток частных пожертвований кандидату в президенты от Партии национального действия В.Фоксу (2000), сумевшему организовать финансирование собственной кампании через общества «друзей Фокса»⁵⁰.

В известной степени ресурсная концепция применима ко многим «недодемократиям». Так, на использование доминирующей партией своего привилегированного статуса для доступа к средствам как государственных, так и частных кампаний указывают южноафриканские и малайзийские исследователи⁵¹.

В нашей стране доминирование «Единой России» также во многом связано с имеющейся у режима возможностью покупать поддержку избирателей, экономически зависимых от государства. Другое дело, что в России ресурсная модель партийного доминирования трансформировалась в ресурсную модель доми-

⁴⁸Ibid. P. 40-41.

⁴⁹Ibid. P. 40-41.

⁵⁰Ibid. P. 253.

⁵¹Gomez, E.T. Op. cit.; Sokomani, A. Op. cit.

нирования беспартийной бюрократии над политическим пространством, а основной проблемой партийного финансирования является превращение правового регулирования партийных доходов и расходов в инструмент укрепления политической монополии чиновничества. Самоустранение большинства населения от политики привело к ситуации, когда партии в поисках источников доходов оказываются между Сциллой и Харибдой, т.е. вынуждены выбирать между торговлей местами в партийных списках и полной зависимостью от государственного финансирования.

5. РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ — МЕЖДУ КАБАЛОЙ И ОПАЛОЙ

Два вышеуказанных способа финансирования преобладали в российской партийной политике едва ли не с самого начала.

В 1990-х годах предпочтение отдавалось продаже мест, хотя госфинансирование, несмотря на общераспространённое мнение, всё же не отсутствовало совсем. Достаточно отметить, что 6 из 13 участников выборов-1993, в т.ч. основные оппозиционные партии (КПРФ, ЛДПР и АПР), согласно отчёту ЦИК, проводили свои кампании исключительно на средства, выделенные Центризбиркомом⁵². В 1995 г. число объединений и блоков, потративших в ходе думских выборов меньше, чем получили от государства, составило почти половину от общего числа — 19 из 43, причём 7 из них не израсходовали ни копейки собственных средств⁵³. Кроме того, формой госфинансирования можно считать и предоставление участникам выборов бесплатного эфира и печатных площадей, а также освобождение их от ряда налогов⁵⁴.

Однако уже к 1995 г. объёмы теневого финансирования основных политических партий страны значительно превысили легальные. Этим, судя по всему, и объяснялось то, что даже КПРФ всерьёз озаботилась сбором партийных взносов и пожертвований граждан только в преддверии выборов 2003 г. Прежде, во второй половине 1990-х гг., поступления от членских взносов составляли всего 10% партийных доходов⁵⁵.

⁵²Бюллетень Центральной избирательной комиссии, 1994, № 4(15). С. 23.

⁵³Финансовое обеспечение федеральных избирательных кампаний 1993–2004 годов: Сб. документов. — М.: ЦИК, РЦОИТ, 2005. С. 139–141.

⁵⁴Романенко О.В. Косвенное финансирование избирательных кампаний политических партий в России. — Право и власть, 2002, № 3. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/4390>.

⁵⁵Доклад председателя ЦКРК КПРФ Л.Петровского IV съезду партии. 19.04.1997. — БД «ПартАрхив» (<http://www.indem.ru/pa98>).

В 2000-х государственное финансирование было закреплено законом о политических партиях, и с каждым годом данная статья доходов занимала всё большую долю в партийных бюджетах. В 2008 г. поступления из федерального бюджета составили 40,94% для КПРФ, 26,05% для ЛДПР, 23,51% для «Единой России» и 7,23% для «Справедливой России»⁵⁶ (скромность достижений «эсеров» объясняется неучастием её представителя в президентских выборах 2007 г.). Если учесть, что начиная с 2009 г. партии ежегодно получают по 20 рублей за каждый голос избирателя (в 4 раза больше прежнего), то следует ожидать дальнейшего возрастания доли госсредств в доходах парламентских партий.

Конечно, главным источником партийных доходов всё ещё остаются пожертвования юридических лиц. На 2008 г. эти цифры составили 92,15% у «Яблока», 80,93% у «Справедливой России», 71,5% у ЛДПР, 48,02% у «Единой России», 30,16% у «Патриотов России» и лишь 15,41% у КПРФ⁵⁷. Но поскольку сегодня любое финансирование партий возможно только с санкции Кремля, то и это следует рассматривать как разновидность госфинансирования — пусть даже для оппозиционных партий она подразумевает ещё и поиск «покупателя», готового заплатить за место в списке.

6. ЧТО ДЕЛАТЬ? РЕКОМЕНДАЦИИ ЭКСПЕРТОВ

За констатацией связи между финансовыми проблемами партий и их неблагополучием в прочих сферах вполне логично следует постановка вопроса о путях исправления сложившейся ситуации. К сожалению, здесь пока не предложено внушающих доверия рецептов. Исследователи сходятся в том, что необходимо сделать процесс финансирования партий прозрачным для общества, не допускать финансирования партий иностранными государствами, криминальными группировками, нечистоплотным бизнес-дельцами и т.п. Однако подобные цели легко сформулировать и гораздо труднее осуществить.

Характерно, что везде, кроме России, финансирование партий частными лицами и бизнес-корпорациями или не регулируется вовсе (ЮАР), или регулируется весьма слабо (Бразилия, Малайзия), или начало регулироваться совсем недавно (Мекси-

⁵⁶Сводные финансовые отчёты политических партий за 2008 год и информация о результатах проверки. — Сайт ЦИК РФ. Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/newsite/politparty/finance/svodn-otchet-08.jsp>

⁵⁷Там же.

ка). В связи с этим у многих возникает иллюзия, что стоит такое регулирование ввести, как проблемы партийного финансирования решатся едва ли не сами собой.

Так, С. Краузе (Бразилия) предлагает установить для партий предельную сумму расходов, запретить пожертвования от компаний, обслуживающих государство или выполняющих его заказы⁵⁸. Э. Гомес (Малайзия) призывает запретить финансирование партий из секретных фондов, ввести для партий строгую финансовую отчётность, «департизовать» наиболее влиятельные СМИ, установить независимый контроль над бизнесом, связанным с государством и партиями; создать специальное государственное агентство для контроля за выборами⁵⁹. На запрете «партийного» бизнеса и участия госкомпаний в финансировании партий настаивает и А. Сокомани (ЮАР)⁶⁰.

Наконец, К. Грин полагает, что финансовые гипервозможности доминирующих партий могут быть ограничены такими мерами, как независимый (возможно, международный) финансовый аудит госкомпаний, запрет на предпринимательскую деятельность партий и на финансовые пожертвования партиям со стороны государственных учреждений, профессионализация госслужбы, наделение избирательных комиссий надзорными функциями, в том числе правом контроля за доходами и расходами партий и правом применять к нарушителям санкции⁶¹.

Однако хотелось бы развеять оптимизм зарубежных коллег по поводу действенности вышеуказанных мер. В России подавляющее большинство из них предусмотрено законодательством, однако укрепили они отнюдь не контроль общества над выборами и партиями, а политическое доминирование бюрократии.

По всей вероятности, путь к наведению порядка в партийном финансировании и подчинению его интересам общества будет долгим и тернистым. Сначала общество должно научиться «контролировать контролёров». Проблемы партийного финансирования — только часть этой общей задачи.

⁵⁸Krause, S. Op. cit.

⁵⁹Gomez, E.T. Op. cit.

⁶⁰Sokomani, A. Op. cit.

⁶¹Greene, K.F. Op. cit. P. 309.

Каринцев О.И.

МЕЖФРАКЦИОННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ЛЕВО- И ПРАВОЦЕНТРИСТСКИХ ПАРТИЯХ НОВЫХ ЧЛЕНОВ ЕВРОСОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Среди современных политологов сформировался устойчивый консенсус относительно того, что политические партии являются ключевым институтом, обеспечивающим эффективную политическую конкуренцию в условиях демократии. Как писал Джеймс Брайс, «существование политических партий неизбежно... Нет примеров того, как представительное правление может функционировать без них»⁶². Сходным образом оценивал ситуацию Элмер Эрик Шаттшнайдер, который отмечал, что «Политические партии создали демократию, и демократия немыслима, иначе как в терминах политических партий»⁶³. Эти оценки не потеряли своего значения и в наши дни, когда партии, несмотря на произошедшие с ними трансформации, по-прежнему остаются основным средством политического представительства, связывая гражданское общество с государством.

В связи с этим особую роль приобретает такая проблема, как внутрипартийная конкуренция. Межфракционная конкуренция внутри политических партий составляет важный уровень политической конкуренции в демократических системах правления. Свободное соперничество различных групп внутри партии является обычным свойством как в укорененных, так и новых демократиях, благодаря чему удается, как правило, избежать монопольной концентрации власти внутри партии и обеспечить ее демократическую подотчетность. Кроме того, в условиях многопартийных систем с парламентским правлением от исхода политической борьбы на внутрипартийном уровне во многом зависит и со-

⁶²Bryce, V. J. *Modern Democracies*. — New York: Macmillan, 1921. Vol. 1. P. 119.

⁶³Schattschneider, E.E. *Party Government*. — New York: Rinehart, 1942. P. 1.

став правящих коалиций, проблема формирования которых часто составляет самостоятельную линию внутрипартийного размежевания.

Не случайно характер распределения «выигрышей» от создания коалиций нередко приводит к трансформации партийных систем, сопровождающейся как расколами, так и слияниями партий⁶⁴. Как справедливо отмечал Сэмюэл Элдерсвелд, партия представляет собой «политическую систему в миниатюре», которая имеет «отличительные модели распределения власти», собственную «систему представительства, электоральную систему и субпроцессы рекрутирования лидеров, определения целей и решения внутренних системных конфликтов»⁶⁵.

Данная статья содержит промежуточные результаты исследования, посвященного выявлению расстановки сил внутри европейских партий. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть последние тенденции межфракционной конкуренции в партиях стран Центральной и Восточной Европы, недавно присоединившихся к ЕС, на примере влиятельных политических сил лево- и правоцентристской направленности, выявить сходства и различия внутрипартийной борьбы внутри соответствующих партий.

В соответствии с полученными результатами, новоевропейские лево- и правоцентристские партии можно классифицировать по нескольким категориям, в зависимости от того, какие фракции и течения в них доминируют. Результаты приводятся на примере четырех ведущих партий стран Центральной и Восточной Европы, характеризующихся ситуацией минимального перевеса одной из внутрипартийных групп, оцениваемого как 60:40. Каждый из этих казусов соответствует доминированию одной из четырех политических позиций: социал-демократической или социал-либеральной (для левоцентристских), либерально-демократической или национально-консервативной (для правоцентристских). Суммарные данные о соотношении сил внутри партий представлены в табл. 1.

⁶⁴Помимо случаев, рассматриваемых ниже, в качестве характерного примера можно привести казус партийной системы Словакии, в которой отказ победивших на выборах 2006 г. социал-демократов во главе с Робертом Фицо сформировать правящую коалицию с Христианско-демократическим движением привел к расколу последнего.

⁶⁵Eldersveld, S. J. *Political Parties: A Behavioral Analysis*. — Chicago: Rand McNally and Company, 1964. P. 1.

Что касается межфракционной конкуренции внутри социал-демократических партий, то здесь основная линия размежевания проходит между сторонниками традиционных социал-демократических ценностей «государства всеобщего благосостояния» и приверженцами модернизации партий в соответствии с концепцией «третьего пути», популярность которой связывают с именем идеолога британских неолейбористов Энтони Гидденса.

Относительно межфракционной конкуренции в правоцентристских партиях можно сказать, что основной водораздел здесь проходит между теми, кто более тяготеет к центризму и прагматизму, стремясь к широкому консенсусу между левым и правым центром вплоть до создания «большой коалиции», и теми, кто стоит на более жесткой национально-консервативной или либерально-консервативной платформе и скорее скептически настроен по отношению к союзу с левыми и центристскими партиями.

К группе партий, где небольшое преимущество принадлежит левой, социал-демократической тенденции, можно отнести польский Демократический левый альянс, а к социал-либеральной группе относится в настоящий момент Болгарская социалистическая партия. Что касается правоцентристских партий, то к типичному примеру доминирования либерально-демократичес-

Таблица 1
Расстановка сил в лево- и правоцентристских партиях новых членов ЕС

Категория доминирования	Партии	Внутрипартийные течения			
		Социал-демократы	Социал-либералы	Либеральные демократы	Национал-консерваторы
1	Демократический левый альянс (Польша)	60	40	—	—
2	Болгарская социалистическая партия	40	60	—	—
3	Гражданская демократическая партия (Чехия) Союз	—	—	60	40
4	Отечества и Республика (Эстония)	—	—	40	60

кой тенденции можно отнести чешскую Гражданскую демократическую партию, а к группе, в которой доминируют национал-консерваторы, относится эстонский «Союз Отечества и Республика» (см. табл. 1.).

1. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЛЕВЫЙ АЛЬЯНС (ПОЛЬША)

Истоки ведущей левоцентристской партии Польши «Демократический левый альянс» (ДЛА) восходят к Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), находившейся у власти с 1948 по 1989 гг. Непосредственным предшественником ДЛА является «Социал-демократия Республики Польша» (СДРП) — партия, созданная как преемница ПОРП в 1990 г. и возглавлявшая широкий альянс левых сил, вплоть до их объединения в единую партию в 1999 г. Основу СДРП, а затем и ДЛА составило реформистское крыло ПОРП, которое на протяжении истории постепенно наращивало свое влияние, особенно в периоды десталинизации 1956 г., политического кризиса начала 80-х гг. и, наконец, периода «бархатных революций» конца 80-х гг.

Особенности межфракционной конкуренции в ДЛА во многом связаны с происхождением партии, которое, в свою очередь, во многом объясняется межфракционной борьбой в ПОРП⁶⁶. Лидером реформистского крыла ПОРП и основателем СДРП являлся Александр Квасьневский, который, вместе со своим соратником, Лешек Миллером, сыграл ключевую роль в трансформации партии в социал-демократическую.

1.1. Этап преобразования: реформаторы против консерваторов (1990—1993 гг.)

Как и в большинстве других партий — наследниц коммунистических, преобразованных в социал-демократические, перед новым реформаторским руководством польских социал-демократов встала задача консолидации завоеванных позиций перед лицом «реванша» консервативных сил. Основную роль в этой консолидации сыграли два партийных лидера — Александр Квасьневский и Лешек Миллер. Они ориентировались, прежде всего, на опыт западноевропейских левых, вставших на путь либерали-

⁶⁶Wiatr, J.J. From Communist Party to “The Socialist-Democracy of the Polish Republic” // Lawson, K. (ed.) How Political Parties Work: Perspectives From Within. — Westport, Connecticut, London: Praeger, 1994. P. 249.

зации, таких как Испанская социалистическая рабочая партия или Итальянская демократическая партия левых⁶⁷.

Первый период развития польских социал-демократов характеризовался доминированием групп, одержавших победу над «консерваторами». К первой группе можно отнести представителей реформистского крыла бывшей Польской объединенной рабочей партии, которые боролись за либерализацию и европеизацию партии, объединившись вокруг лидера молодого поколения партийных политиков Александра Квасьневского.

К ней тесно примыкала вторая группа, которая представляла собой объединение нового поколения прагматичных технократов, нацеленных на умеренные экономические реформы и особенно активизировавшихся в период военного положения и правления генерала Ярузельского (1982—1989 гг.), проводившего более мягкий политический курс⁶⁸.

Третья группа имела классический социал-демократический характер и ориентировалась на представительство интересов рабочего класса и профсоюзов, группируясь вокруг одного из ведущих партийных руководителей Лешека Миллера.

В результате объединенных усилий реформистских течений к 1993 г. партия оказалась полностью адекватной стоявшим перед ней задачам возвращения во власть в новых условиях, в результате чего она получила возможность сформировать коалиционное правительство с Польской крестьянской партией. Успешно завершенная консолидация партии создала предпосылки для перехода к следующему этапу внутрипартийной конкуренции, на котором возникла новая конфигурация сил.

1.2. Этап реформирования: социал-либералы против социал-демократов (1993—2005 гг.)

Участие польских левых в формировании правительства, означавшее их возвращение во власть, сопровождалось разногласиями между внутрипартийными течениями по поводу правительственной политики. В этот период расхождения между ре-

⁶⁷Lewis, P.G. Poland's New Parties in the Post-Communist Political System // Wightman, G. (ed.) Party Formation in East-Central Europe. Post-Communist Politics in Czechoslovakia, Hungary, Poland and Bulgaria. — Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1995. P.39.

⁶⁸Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States. — London: Europa Publications Limited, 1999. P. 571.

формистскими группами, до определенного времени не игравшие существенной роли перед лицом более важных для выживания партии проблем, оказались на первом плане в условиях осуществления власти.

Эти разногласия касались, прежде всего, экономической политики. Если либеральное крыло во главе с Квасьневским стремилось к прагматичному принятию с некоторыми оговорками модели свободной рыночной экономики, то приверженцы классической социал-демократической идеологии настаивали на необходимости существенной корректировки этой модели в пользу «государства всеобщего благоденствия», ориентируясь, прежде всего, на интересы рабочих и профсоюзов.

Поэтому если социал-либеральное течение во главе с Квасьневским в целом поддерживало радикальные рыночные реформы, отстаивая только их «смягченный» вариант, то оппозирующая ему группа более жестких левых во главе с Миллером, ставшим министром труда в коалиционном правительстве, требовала сохранения государственных субсидий и постепенного характера реформ⁶⁹. Межфракционная конкуренция в ДЛА еще более усилилась к 1994 г. в связи с отказом ряда депутатов одобрить правительственный бюджет, а также их стремлением увеличить расходы посредством повышения налогов⁷⁰.

Конфликт между двумя течениями постепенно решался в пользу либералов по мере движения к международной и европейской интеграции. Рост влияния либералов привел к тому, что к моменту вступления СДРП в Социалистический интернационал в середине 90-х гг. она считалась одной из наиболее либеральных и центристских в международном объединении социал-демократических партий⁷¹.

Серьезные внутривнутрипартийные противоречия затрагивали не только вопросы текущей политики, но и самой идентичности

⁶⁹Michta, A.A. *Democratic Consolidation in Poland after 1989* // Dawisha, K., Parrott B. *The Consolidation of Democracy in East-Central Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P.91.

⁷⁰Lewis, P.G. *Poland and Eastern Europe: Perspectives on Party Factions and Factionalism* // Gillepsie, R., Waller, M., Nieto, L.L. (eds.) *Factional Politics and Democratization*. — London, Frank Cass and Co. Ltd., 1995. P.112–113.

⁷¹Curry, J.L. *Poland's Ex-communists: From Pariahs to Establishment Players* // Curry, J.L., Urban, J.B. (eds.) *The Left Transformed in Post-Communist Societies: The Cases of East-Central Europe, Russia, and Ukraine*. — Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. P.45.

партии. Если команда молодых реформаторов во главе с Квасьневским стремились дистанцироваться от партийного прошлого, то группа функционеров более старшего поколения во главе с Миллером считала такой путь опасным для самого существования партии⁷².

На ход внутривнутрипартийного конфликта во многом повлияло то обстоятельство, что к середине 90-х гг. значительное воздействие на выработку партийной политики стали оказывать представители возникшего в результате реформ класса предпринимателей, многие из которых в прошлом являлись функционерами ПОРП⁷³. Они сумели адаптироваться к новому экономическому порядку, не утратив старые связи с партией. Эта группа сыграла важную роль в победе либерального крыла Квасьневского над представителями более традиционного социал-демократического направления, выступавшего против форсирования преобразований.

Таким образом, в этот период развития партии чаша весов склонилась в пользу Квасьневского и поддерживавших его социал-либералов. Позиции последних еще более укрепились после крупной победы партии на парламентских выборах 2001 г., в результате чего правительство Миллера было вынуждено реализовывать либеральную экономическую политику несмотря на противодействие левых сил внутри партии. Вместе с тем, к середине первого десятилетия XXI в. партия стала стремительно терять политическую поддержку, что закончилось ее крупным поражением на парламентских выборах 2005 г. и спровоцировало начало коренного обновления ДЛА.

1.3. Этап обновления: «молодое поколение» против «старой гвардии» (2005 г. —)

Отправным пунктом нового этапа партийного развития ДЛА стали президентские и парламентские выборы 2005 г., которые привели к полной смене правящих групп и значительно изменили расстановку сил в партийной системе страны. Результаты выборов, ознаменовавшиеся уверенной победой национал-консерва-

⁷²Grzymała-Busse, A.M. *Redeeming The Communist Past: The Regeneration of Communist Parties in East Central Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 118–119.

⁷³Tworzecki, H. *Social Democracy in East-Central Europe: Success by Default?* // Hargrove, E.C. (ed.) *The Future of the Democratic Left in Industrial Democracies*. — University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 104.

тивных сил и тяжелым поражением социал-демократических, представляли серьезный вызов для системы, действовавшей с 1991 г. и основанной на широком консенсусе между различными сегментами элит, ориентированными как на преобразованную посткоммунистическую партию, так и на наследие «Солидарности».

Переструктурирование политического пространства, осуществленное пришедшими к власти братьями Качиньскими, предполагало доминирование правых партий над левыми и центристскими. Это обосновывалось отстаиваемыми новой властью концепциями «моральной революции» и «IV Речи Посполитой», что не предполагало места для тех политических сил, которые ассоциировались с коммунистическим и посткоммунистическим управлением.

В результате ДДА впервые за всю свою историю оказался на грани маргинализации, рискуя утратить свои позиции в политическом пространстве в пользу правоконсервативной партии «Закон и справедливость» и праволиберальной «Гражданской платформы». В этой ситуации начался процесс коренного обновления партии, предполагавший в том числе смену руководства, новое позиционирование, смену политической тактики и т.д.

В результате этого процесса от руководства партии были отстранены представители «старой гвардии», а ее лидерами впервые становились представители молодого поколения, не связанные с ПОРП. Их деятельность полностью пришлась на посткоммунистическую эпоху — Войцех Олейничак (2005—2008) и Гжегож Наперальский (с 2008 г.).

Изменение расстановки сил в ДДА в последние годы, таким образом, во многом связано с сокрушительным поражением на парламентских выборах 2005 г., когда партия получила лишь 11% голосов. Эти результаты привели к тому, что в партии в настоящее время взяло верх левое крыло во главе с Гжегожем Наперальским, который одержал победу над своим соперником, Войцехом Олейничак, на партийном конгрессе 31 мая 2008 г. со счетом 231:210 при общем количестве делегатов в 450 человек.

Победа Наперальского означает сдвиг партии влево, усиление ее оппозиционной риторики и пересмотр тактики. Одной из наиболее значимых тенденций в связи с приходом Наперальского стал отчетливый антиклерикальный курс партии. Новый председатель известен своим призывом к разрыву конкордата с Ватиканом, заключенным Польшей в начале 90-х гг. XX в., а также

к другим мерам, направленным на ограничение политического влияния Католической церкви, в том числе к смягчению законодательства об абортах. Антиклерикальные установки традиционно являлись важным элементом политического позиционирования партии, что проявлялось еще в тот период, когда ее возглавляли Квасьневский и Миллер⁷⁴.

Наперальский декларировал свое стремление реформировать партию, рассматривая в качестве приоритета защиту рабочих и взаимодействие с профсоюзами, ориентируясь на опыт Испанской социалистической рабочей партии и ее лидера, Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, в связи с чем Наперальский получил прозвище «польский Сапатеро». В то же время, учитывая, что Наперальский победил своего соперника Олейничака лишь с небольшим отрывом, он вынужден считаться с серьезной внутрипартийной оппозицией.

Таким образом, в эволюции Демократического левого альянса за последние пять лет прослеживается тенденция сдвига в левом направлении. Это можно объяснить тем, что потеря значительной части власти привела к перегруппировке сил внутри партии. Однако несмотря на доминирование левого крыла, либерально-центристское течение продолжает оказывать значительное влияние на политику партии.

2. БОЛГАРСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Истоки Болгарской социалистической партии коренятся еще в Болгарской социал-демократической партии, созданной в 1891 г. Димитром Благоевым, первопроходцем болгарского марксизма. В течение XX в. партия прошла через множество этапов эволюции, в том числе раскол 1903 г., основание Болгарской коммунистической партии (БКП) в 1919 г., сталинизацию в период руководства Вулко Червенкова (конец 40-х — начало 50-х гг.), десталинизацию в период Годора Живкова (с 1954 г.) и, наконец, преобразование в «Болгарскую социалистическую партию» (БСП) в 1990 г. Современный период развития партии берет свое начало в 1989 г., когда новое руководство начало консолидировать

⁷⁴Lewis, P.G. Poland's New Parties in the Post-Communist Political System // Wightman G. (ed.) Party Formation in East-Central Europe. Post-Communist Politics in Czechoslovakia, Hungary, Poland and Bulgaria. — Aldershot: Edward Elgar Publishing, 1995. P. 39.

свои позиции в условиях распада социалистического лагеря, начала посткоммунистической эпохи и перехода к новому экономическому и политическому порядку. С этого момента партия прошла несколько этапов своего развития как во власти, так и в оппозиции.

2.1. Реформистский этап: реформаторы против консерваторов (1989—1991 гг.)

Начальный этап современного развития партии болгарских социалистов имеет в качестве точки отсчета конец 1989 г. В этот момент группа реформистски настроенных партийных деятелей во главе с министром внешнеэкономических связей Андреем Лукановым, бывшим главным идеологом партии (1974—1983 гг.) Александром Лиловым и министром иностранных дел Петром Младеновым, стремившаяся реформировать БКП в духе перестроечной КПСС, отстранила от власти в результате так называемого «дворцового переворота» лидера БКП с 1954 г. Тодора Живкова и его сторонников, сопротивлявшихся реформированию партии по горбачевской модели.

В результате внутривнутрипартийного переворота, следствием которого стало преобразование БКП в БСП, новым лидером партии стал Лилов, ее генеральным секретарем — Младенов, а премьер-министром страны — Луканов. Был начат процесс обновления кадрового состава партийной элиты, в результате чего на конгрессе партии в 1991 г. на важные посты были назначены представители молодого поколения⁷⁵.

Как и в случае польских социал-демократов, базу для развития реформистского крыла, помимо собственно идеологов реформ, составила активизировавшаяся внутри партии еще в начале 80-х гг. группа политиков-технократов, ориентированных на рыночные преобразования. При этом, в отличие от польского случая немедленного перехода к западной модели, обновление партии проводилось в русле перестроечной политики. Она предполагала десталинизацию в рамках современного марксизма в версии демократического социализма, признание свободной деятельности фракций, таких как «Альтернативная социалистичес-

⁷⁵Linz, J.J., Stepan, A.C. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 341.

кая организация», «Марксистская платформа», «Дорога в Европу», «Демократический Форум», «Движение за демократический социализм» и т.п.)⁷⁶.

В начале 90-х гг. в партии продолжилась активная межфракционная конкуренция. В ней участвовали самые различные группы, включая последовательных марксистов, умеренных социал-демократов и технократов, предпринимателей-менеджеров. К ним затем прибавились представители новой экономической, политической и медийной элиты, выходцы из старой политико-административной элиты, которые, руководствуясь «схемой Луканова» и ориентируясь на китайскую модель, стремились занять главенствующие позиции в контролируемой партией новой рыночной экономике⁷⁷.

Однако, несмотря на общую поддержку начала рыночных реформ, ряд влиятельных фракций внутри БСП по-прежнему противодействовал принципам свободного рынка. Это отразилось, в частности, в формировании внутри партии левых фракций, таких как «Движение марксистской альтернативы», «Движение развития марксизма», «Альтернативный форум», «Платформа 1990» и других антикапиталистических групп, созданных после прихода к руководству партией реформистов.

В ответ на консолидацию левых сил в партии вокруг «Марксистской платформы за обновление социализма» реформисты ответили созданием Социал-демократической платформы «Европа»⁷⁸. Эти внутренние, а также важные внешние факторы, в том числе провал горбачевской перестройки и отстранение от власти КПСС, послужили почвой для «консервативного поворота» в БСП и приходу к руководству партией Жана Виденова.

2.2. Консервативный этап: умеренные реформаторы против радикальных (1991—1997 гг.)

Поворотным моментом в партийном развитии болгарских социалистов стал провал попытки консервативных сил в КПСС осуществить переворот в Москве в августе 1991 г.

⁷⁶Giatzidis, E. *An Introduction to Post-Communist Bulgaria: Political, Economic and Social Transformation*. — Manchester, N.Y.: Manchester University Press, 2002. P. 54.

⁷⁷Ibid. P. 55.

⁷⁸Engelbrekt, K. *The Bulgarian Socialist Party: Unity At Any Cost* // Von Wolfgang, H. (Hrsg.) *Revolution Auf Raten Bulgariens Weg zur Demokratie*. — München: Oldenbourg, 1996. P. 111—112.

В результате реформистское руководство БСП оказалось под двойным давлением, оказываемом как изнутри, со стороны консерваторов в своей собственной партии, так и извне, со стороны радикально оппозиционных антикоммунистических движений, требовавших отстранения БСП от власти. Эти движения набирали все большую активность по мере нарастания экономических трудностей, социального недовольства и успеха подобных движений в ходе «бархатных революций» в других посткоммунистических странах.

В этих условиях в партии, опасавшейся выхода ситуации из под контроля, возобладали консервативные настроения, стремление не допустить утраты доминирования в политической системе страны.

В результате в ней произошел раскол реформистского лагеря: часть реформистов во главе с Александром Лиловым, стоявшая на умеренных позициях, взяла курс на предотвращение радикальных реформ, грозивших утратой власти.

Другая часть реформистов настаивала на продолжении и углублении реформ, направленных, в конечном счете, на европеизацию болгарской социал-демократии, ее либерализацию и т.д. На данном этапе межфракционной конкуренции верх взяли умеренные реформисты. В результате новым лидером партии в конце 1991 г., одержав победу над представителем либерально-реформистского, социал-демократического крыла Георгием Пиринским, стал Жан Виденов, впоследствии премьер-министр страны (1995–1997 гг.).

Характерной особенностью идеологии партийного течения, которое представлял Виденов и его сторонники, являлась ориентация на модель «современной левой социалистической партии»⁷⁹, более близкой к модели КПСС образца 1989–1991 гг., чем к реформированной социал-демократической или, тем более, социал-либеральной модели западноевропейского типа.

Представители этого течения, в противовес немедленному переходу к рыночной экономике по образцу Польши и других посткоммунистических стран, выступали за постепенный переход к рынку под контролем партии в духе «китайской модели», а также являлись противниками членства Болгарии в НАТО. Один

⁷⁹Day, A.J., East, R., Thomas, R. A Political and Economic Dictionary of Eastern Europe. – Cambridge: Routledge, 2002. P. 93.

из идеологов данного течения, умеренный реформист Александр Лилев был назначен главой Центра стратегического анализа и исследований, что предполагало его активное участие в разработке партийной политики.

В ответ на победу умеренных реформаторов радикальное реформистское крыло, включая Пиринского, Луканова и Киуранова, создало внутри партии «Альянс за социальную демократию»⁸⁰. Несмотря на свое поражение, некоторые влиятельные либералы получили важные посты в правительстве Виденова: например, Пиринский, известный как активный реформатор и сторонник тесного сотрудничества Болгарии с США, был назначен министром иностранных дел, Илчо Димитров, представитель национал-консервативного течения, был назначен министром образования, а ряд министров экономического блока были близки к Луканову⁸¹.

Таким образом, первая половина 90-х гг., включая период после победы партии на парламентских выборах 1994 г., ознаменовалась доминированием умеренных реформистов над радикальными. Последние, к которым, в частности, относилась фракция болгарского социолога Чавдара Киуранова, призывала к ускорению реформ, демократизации и движению к рыночной экономике. Другая подобная фракция, «Дорога в Европу», была создана болгарским социологом Петером-Эмилем Митевым. Радикальные реформаторы во главе с Лукановым стали оппонентами политики правительства Виденова, а конкуренция между ними еще более усилилась после убийства Луканова в октябре 1996 г. Помимо социал-демократов, Виденова критиковало также крайне левое крыло в партии. В частности, Марксистская платформа во главе с Минчо Минчевым осудила Виденова как «правого» и потребовала введения китайской модели социализма⁸².

Анализируя данный период развития БСП, лидер ее «Марксистской альтернативы» Митрю Янков оценивает внутрипартийную расстановку сил следующим образом. По его мнению, борьба шла между четырьмя основными фракциями или идеологичес-

⁸⁰Bell, J.D. Democratization and Political Participation in "Postcommunist" Bulgaria / / Dawisha, K., Parrott, B. (eds.) Politics, Power, And Struggle For Democracy in South-East Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 388.

⁸¹Ibid. P. 390—391.

⁸²Fowkes, B. The Post-Communist Era: Change and Continuity in Eastern Europe. — N.Y.: Palgrave MacMillan, 2003. P. 176.

кими «тенденциями»: партийное руководство принадлежало «правым», которые, в свою очередь, делились на прорыночных либералов и социал-демократов. Что касается рядовых членов партии, то, по мнению Янкова, среди них определенно доминировали «левые», которых также можно разделить на две группы: одна из групп, к которой принадлежал сам Янков и его «Марксистская альтернатива», включала демократических марксистов, а другая состояла из сторонников «реального социализма» и неосталинистских ценностей⁸³.

Нарастание недовольства Виденовым со стороны различных внутрипартийных фракций привело к его отставке с поста руководителя партии в конце 1996 г. Новым лидером партии стал компромиссный кандидат, один из заместителей Виденова в партии Георгий Пырванов, одержавший убедительную победу над своими конкурентами — Пиринским и Стоиловым⁸⁴.

Пырванов принял руководство партией после ее поражения на выборах правоцентристскому Союзу демократических сил. Он возглавил либеральное течение в болгарской социал-демократии, и с его именем связана трансформация БСП в партию современного западноевропейского образца, близкую к социал-либерализму.

2.3. Социал-либеральный этап: социал-либералы против социал-демократов (1997 г. —)

С 1997 по 2005 гг. партия действовала в оппозиции, и в этот период на первый план внутрипартийной борьбы встал вопрос о европейской интеграции.

В результате в БСП развернулась борьба между евроэнтузиастами во главе с Пырвановым (формально он вышел из партии после избрания президентом страны в ноябре 2001 г.), объединившихся вокруг Совета по европейской интеграции, и группой евроскептиков, сформировавших внутри партии фракцию «Свободный форум», которая, между тем, на протяжении начала 2000-х гг. теряла влияние⁸⁵. В декабре 2001 г. преемником Пырванова на

⁸³Engelbrekt, K. Op. cit. P. 110.

⁸⁴Krause, S. Bulgaria Survives A Dire Year // Forging Ahead, Failing Behind. The Omri Annual Survey of Eastern Europe and the Former Soviet Union (by Open Media Research Institute). — N.Y.: M.E. Sharpe, 1996, 1997. P. 151.

⁸⁵Pridham, J. European Party Cooperation and Post-Communist Politics: Euroscepticism in Transnational Perspective // Szczerbiak, A., Taggard, P. (eds.) Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism. Vol. 2. — Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 96.

посту руководителя партии был избран молодой реформатор Сергей Станишев, продолживший курс на смещение партии к центру и социал-либерализму.

Успех новой политики партии отразился в ее приходе к власти в составе коалиции в 2005 г., в результате чего премьер-министром страны стал Станишев. Однако уже через четыре года БСП потерпела сокрушительное поражение от созданной в 2006 г. правоцентристской партии «Граждане за европейское развитие Болгарии» Бойко Борисова, потеряв половину мест в парламенте. Эта ситуация сближает БСП с польским ДЛА, который после убедительной победы в 2001 г. через всего четыре года потерпел столь же сокрушительное поражение от правых.

Однако в отличие от польского случая, представителям социал-либерального крыла болгарских социалистов во главе со Станишевым удалось удержаться у власти внутри партии, несмотря на усилившиеся попытки левого крыла во главе с Янаки Стоиловым и других противников Станишева сменить партийное руководство.

Особенность левого крыла БСП состоит в том, что оно отдельно выбирает себе собственного лидера на своей национальной конференции. В частности, в ноябре 2009 г. на этот пост был переизбран Стоилов, после чего интенсифицировался процесс консолидации левых сил внутри партии. Этот процесс, в то же время, не привел к смене руководства партии: на выборах лидера в ходе 47 конгресса, состоявшегося 18 октября 2009 г., Станишев получил 60% голосов в свою поддержку.

На сегодняшний день межфракционная конкуренция в Болгарской социалистической партии достигла большого накала, и ситуация пока остается неустойчивой с небольшим перевесом в сторону социал-либералов. Дальнейший исход борьбы между партийными течениями, очевидно, во многом зависит от того, как БСП будет действовать в оппозиции новому правоцентристскому правительству Бойко Борисова.

Таким образом, сравнительный анализ казусов «Демократического левого альянса» и «Болгарской социалистической партии» показывает, что расстановка сил на левоцентристском фланге во многом определяется стратегией и тактикой леворадикальных, социал-демократических, умеренно реформистских, социал-либеральных и др. течений в партии, и изменения в соотношении сил между ними может приводить к серьезным трансформациям партийной системы.

3. ГРАЖДАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (ЧЕХИЯ)

Ведущая правоцентристская партия Чехии, Гражданская демократическая партия (ГДП), сформировалась в 1991 г. на базе либерально-консервативного крыла Гражданского форума — широкой антикоммунистической организации, участвовавшей в «бархатной революции» 1989 г.

Процесс консолидации либеральной контр-элиты, ставший важной предпосылкой создания «Гражданского форума», часто связывается с периодом, наступившим после «Пражской весны» и продолжавшимся на протяжении 70-х — 80-х гг. XX в. В результате к концу 80-х гг. сложились благоприятные условия для слияния антикоммунистических сил в единую организацию. «Гражданский форум» стал базой для формирования нескольких политических партий правоцентристского толка, однако наибольшего успеха удалось достигнуть только ГДП, что во многом связано с ролью ее основателя Вацлава Клауса.

3.1. Неолиберальный этап: консервативные либералы против национал-консерваторов и либеральных демократов (1991—1997 гг.)

С момента своего основания ГДП позиционировала себя как либерально-консервативная партия, приверженная идеям свободного рынка и конкуренции, индивидуальной свободы и ограничения вмешательства государства в экономику. Она выступала в качестве чешского варианта либерально-консервативного движения, связанного с именами М. Тэтчер и Р. Рейгана. Хотя идеи консервативного либерализма исторически не были укоренены в чешском политическом пространстве, они вошли в «основное течение» чешской политики благодаря лидеру партии, экономисту Вацлаву Клаусу. Доминирование неолибералов в партии стремились оспаривать два других влиятельных внутрипартийных течения — национал-консерваторы, недовольные экономической программой консервативного либерализма, и либеральные демократы, критиковавшие евроскептические настроения руководящей группы во главе с Клаусом.

Первая половина 90-х гг. стала временем доминирования неолиберальной программы, проводимой партией. Однако ко второй половине 90-х гг. наступило время спада интереса к этой программе и ослабление ее поддержки вследствие того, что она, по

мнению многих аналитиков, в полной мере не оправдала тех ожиданий, которые на нее возлагались. Поэтому маятник чешской политической системы качнулся влево, что привело к отстранению ГДП от власти и ее переходу в оппозицию. С этим оппозиционным периодом связано масштабное изменение расстановки внутривнутрипартийных сил, сопровождавшееся ослаблением позиций неолиберализма и усилением как национал-консервативных течений внутри партии, имеющих серьезные исторические корни в чешской политической традиции, так и наступлением либерально-демократических и проевропейских сил.

3.2. Национал-консервативный этап: национал-консерваторы против консервативных либералов и либеральных демократов (1997—2002 гг.)

Первый серьезный внутривнутрипартийный конфликт, приведший к расколу, произошел в ГДП в 1997 г., когда партия потеряла власть и в ней консолидировалась серьезная оппозиция Вацлаву Клаусу, недовольная его политикой и стремившаяся к смене лидера. Представители этой группы критиковали Клауса с центристских и левоцентристских позиций, осуждая его за то, что они обозначали как приоритет свободного рынка над правовой и моральной сферой⁸⁶. Однако в 1997 г. эта группа потерпела поражение на выборах руководителя партии, в результате чего она приняла решение покинуть ГДП и создать новую социал-либеральную и проевропейскую партию «Союз свободы».

Вместе с тем, несмотря на неудачу попытки смены лидера и уход из партии оппонировавших Клаусу политиков, господствующее положение либеральных консерваторов в ГДП стало все более подвергаться атаке как со стороны национал-консерваторов, так и либеральных демократов. Усиление национал-консервативной составляющей привело к тому, что остающаяся в качестве основополагающей в партийной идеологии неолиберальная доктрина стала все более увязываться с национальными ценностями и традициями, подчеркивающими необходимость сохранения чешской идентичности в противовес австро-германскому влиянию в Центральной Европе и акцентирующими традиционный

⁸⁶Vachudova, M.A. The End of the Klaus Era // Rutland, P. (ed.) The Challenge of Integration (East West Institute Annual Survey of Eastern Europe and Former Soviet Union, 1997). — N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. P. 84.

чешский национализм и его роль в объединенной Европе⁸⁷. При этом в качестве идейной основы данной платформы использовались концепции чешских национал-либеральных и консервативных мыслителей XIX в., близких к англо-саксонской либерально-консервативной традиции, таких как Карел Гавличек, Франтишек Палацкий и Томаш Масарик.

Между тем, национал-консервативная тенденция не смогла стать доминирующей внутри партии, а ее евроскептическая направленность, по мере ослабления евроскептиков-неолибералов Вацлава Клауса, все больше теряла влияние в пользу проевропейской либерально-демократической тенденции, что особенно ярко отразилось после прихода к руководству партии Мирослава Тополянека. Приход нового руководства ознаменовал собой новый этап развития ГДП, связанный с европейской интеграцией Чехии, ее вступлением в ЕС и подписанием Лиссабонского договора, в результате чего этот период в развитии партии, продолжающийся по сей день, можно назвать «либерально-демократическим».

3.3. Либерально-демократический этап: либеральные демократы против консервативных либералов и национал-консервативов (2002 г. —)

Второе серьезное столкновение между сторонниками либерально-консервативного, «еврореалистского» курса Клауса и приверженцами более умеренного, центристского и проевропейского направления в ГДП произошло после поражения партии на парламентских выборах 2002 г., когда новым лидером взамен Клауса, ставшего почетным председателем, был избран Мирослав Тополянек. Вспоминая о европейской переориентации партии в тот период, известный европейский политик, лидер Европейской народной партии (ЕНП) Вильфрид Мартенс отмечает, что «Мирек Тополянек, прагматичный политик, предпринял попытку выйти из тени Клауса перед своим избранием премьер-министром. Одной из составляющих этой попытки было приближение своей партии к ЕНП и усиление проевропейского крыла ГДП»⁸⁸. Между тем, европейская ориентация Тополянека встре-

⁸⁷Hanley, S. *Blue Velvet: The Rise and Decline of the New Czech Right* // Szczerbiak, A., Hanley, S. (eds.) *Centre-Right Parties in Post-Communist East-Central Europe*. — Abingdon, N.Y.: Routledge, 2006. P. 48.

⁸⁸Martens, W. *Europe: I Struggle, I Overcome*. — Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. P. 195.

тила жесткое сопротивление сторонников Клауса, включая первого заместителя председателя партии и ее представителя по иностранным делам Яна Захрадила.

В результате проевропейский курс не был в полной мере реализован, и вместо вступления в Европейскую народную партию ГДП стала одним из инициаторов создания «Движения за европейскую реформу» совместно с британскими консерваторами Дэвида Кемерона. Хотя группе Тополянека удалось подтолкнуть ратификацию Чехией Лиссабонского договора, она не смогла предотвратить раскол правоцентристской политической группы «Европейская народная партия — Европейские демократы» в Европарламенте (ЕП), в результате чего после выборов в ЕП 2009 г. в нем была создана новая группа европейских консерваторов и реформистов.

Таким образом, хотя ГДП была изначально создана как правая и либерально-консервативная по идеологии, при Тополянеке она стала сдвигаться в сторону центра. Однако полный переход контроля над партией в руки либеральных демократов произошел лишь в 2008 г. в преддверии подписания Чехией Лиссабонского договора и принятия функций председательствования в ЕС. В этот момент евроскептические либерально-консервативная и национал-консервативная тенденции были практически полностью отстранены от реального руководства партией, что повлекло выход из партии Вацлава Клауса и других влиятельных консерваторов.

Победа либеральных демократов над консерваторами привела к тому, что последние разделились на две группы, каждая из которых избрала собственную тактику. Одна из них вышла из партии и присоединилась к консервативной партии «Общественные дела» Радека Джона. Другая группа во главе с Властимилом Тлусты и Павлом Бэмом осталась в партии и продолжила критику ее руководства, ведя борьбу за лидерство.

Павел Бем, мэр Праги и бывший первый вице-президент ГДП (2004—2008 г.), противник Лиссабонского договора, часто рассматривался в качестве конкурента Тополянека на выборах главы партии, но после поражения во внутрипартийной борьбе он покинул пост первого вице-президента ГДП.

Властимил Тлусты, бывший министр финансов в правительстве Тополянека, возглавил чешский список еврореформистов *Libertas* на выборах в Европарламент. Критика руководства ГДП

со стороны консерваторов особенно усилилась после поражения партии на выборах в Сенат и региональные советы в октябре 2008 г. В марте 2009 г. было объявлено недоверие правительству, а на май 2010 г. запланированы парламентские выборы.

12 апреля 2010 г. во время предвыборной кампании произошла смена руководства ГДП: вместо Тополянека, которого обвинили в плохой избирательной кампании, лидером партии стал представитель его команды Петр Нечас.

Несмотря на то что руководство партии пошло на рискованный, по мнению наблюдателей, шаг смены лидера за два месяца до парламентских выборов, можно предположить, что это не приведет к существенному изменению расстановки сил в партии, так как новое руководство принадлежит к той же либерально-демократической группе, работавшей в правительстве Тополянека. Хотя центристы удерживают за собой власть в партии, эксперты не исключают возможность примирения партии при новом руководстве с Вацлавом Клаусом.

4. СОЮЗ ОТЕЧЕСТВА И РЕСПУБЛИКА (ЭСТОНИЯ)

Ведущая политическая сила правого фланга эстонской политики, партия «Союз Отечества и Республика», была создана в 2006 г. в результате слияния правоконсервативного «Союза Отечества» Марта Лаара и праволиберальной партии «Республика» Юхана Партса. «Республика» была создана в 2001 г. рядом эстонских интеллектуалов и молодых лидеров либерально-демократического направления, а «Союз Отечества» бы создан в 1995 г. в результате слияния Национальной коалиционной партии «Отечество» и Эстонской партии национальной независимости (ЭПНИ).

4.1. Этап формирования: интеграционисты против изоляционистов (1988—1995 гг.)

Одним из основных предшественников «Союза Отечества» являлась Эстонская партия национальной независимости Тьуне Келама, созданная в 1988 г. группой националистических диссидентов, поднявших вопрос о пакте Молотова-Риббентропа и призвавших к полной независимости Эстонии в русле традиций межвоенного периода⁸⁹.

⁸⁹Semjonov, A. Estonia: Nation-Building and Integration — Political and Legal Aspects // Kolstø P. (ed.) National Integration and Violent Conflict in Post-Soviet Societies: The Cases of Estonia and Moldova. — Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2002. P. 109.

Другим предшественником «Союза Отечества» являлся «Эстонский христианско-демократический союз», переименованный позднее в «Эстонскую христианско-демократическую партию». ЭХДС был создан Мартом Лааром и другими членами руководства «Общества эстонского наследия» в 1988 г. ЭХДС выступал как преемник Христианской народной партии, существовавшей в Эстонии межвоенного периода. ЭХДС включал в себя представителей различных религиозных конфессий и традиций, включая лютеранскую, католическую, православную, методистскую и баптистскую при доминировании лютеранского направления⁹⁰. В 1990 г. партия вступила в Христианско-демократический интернационал.

В качестве оппонентов приверженцев полной независимости Эстонии выступали сторонники ее автономии в составе реформированного Советского Союза, ориентировавшиеся на борьбу за места в Верховном Совете (ВС) республики. Поэтому сторонники независимости в противовес ВС создали альтернативную ассамблею (Конгресс Эстонии) и сформировали ряд подерживающих независимость гражданских ассоциаций.

После достижения независимости конкуренция среди националистов перешла в новую фазу. В ЭПНН возникло новое размежевание между умеренными группами, взявшими курс на интеграцию в евроатлантические структуры, и радикальными направлениями, трактовавшими независимость как изоляционизм в отношении международных институтов, таких как ЕС, отстаивая понимание Эстонии как особой геополитической единицы.

Сторонники первого направления во главе с Келамом приняли решение присоединиться к «Союзу Отечества» в 1995 г. Приверженцы второго течения во главе с бывшим членом исполнительного комитета ЭПНН Арво Кииром в 1993 г. создали собственную партию, Эстонскую партию будущего, линию которой с 1999 г. продолжила Эстонская партия независимости во главе с Велло Лейто.

4.2. Этап консолидации: христианские демократы против этнонационалистов (1995–2006 гг.)

«Союз Отечества» сформировался как национально-консер-

⁹⁰Bugajski, J. Political Parties of Eastern Europe. A Guide to Politics in the Post-Communist Era. — N.Y.: M.E. Sharpe, 2002. P. 67.

вативная, либерально-консервативная и христианско-демократическая партия. Многие его члены являются выходцами из борového за независимость движения эстонских гражданских комитетов, Общества эстонского наследия и Конгресса Эстонии.

Объединительный процесс, в результате которого возник «Союз Отечества», консолидировал умеренных политиков ЭПНН, ЭХДП и ряда других идеологически близких к ним партий. Поэтому новую линию размежевания в межпартийной конкуренции на данном этапе в основном составили различия между приверженцами христианско-демократической идеологии и сторонниками этнонационализма.

Консолидация умеренных националистов позволила им подготовить почву для возвращения во власть после периода сдачи позиций в середине 90-х гг. Несмотря на общее снижение популярности правых партий в середине и второй половине 90-х гг., «Союзу Отечества» удалось успешно выступить на парламентских выборах 1999 г. и сформировать коалиционное правительство, во главе которого снова, как и в 1992–1994 гг., встал Март Лаар, годом ранее сменивший Тойво Юргенсона на посту руководителя партии.

Однако в 2002 г. произошла смена правительства и Лаар потерял пост премьер-министра, после чего была сформирована новая коалиция в составе либерально-консервативной Партии реформ Сиима Калласа (он стал премьер-министром) и социал-либеральной Партии центра Эдгара Сависаара. Эта коалиция продержалась недолго: уже в следующем году после парламентских выборов была создана новая правящая коалиция с участием «Республики», Партии реформ и левоцентристского аграрного Народного союза, а возглавил правительство лидер «Республики» Юхан Партс.

Между тем уже в следующем году это правительство уступило место новой коалиции с участием Партии центра вместо «Республики», а главой нового правительства стал Андрус Ансип. В 2002–2005 гг. председателем «Союза Отечества» являлся Тюнне Келам. В 2005 г., в связи с избранием в Европарламент, Келам ушел с поста председателя партии, после чего ее возглавил Тынис Лукас, являющийся заместителем руководителя партии и министром образования и науки в правительстве Ансипа.

Таким образом, с 1995 до 1999 гг., а также с 2002 до 2007 гг. «Союз Отечества» находился в оппозиции. Его возвращение во

власть в 2007 г. оказалось возможным во многом благодаря слиянию с изначально созданной как центристская, но затем все более смещавшейся вправо «Республикой». В результате в 2007 г. партия «Союз Отечества и Республика» вошла в состав правящей коалиции с Партией реформ, которую взамен ушедшего на должность еврокомиссара по транспорту Калласа возглавил Ансип.

4.3. Этап объединения: либеральные демократы против национал-консерваторов (2006 г. —)

Создание новой партии в 2006 г. в результате слияния «Союза Отечества», которую в тот момент возглавлял Лукас, и «Республики» Партса можно объяснить условиями оппозиционного положения обеих партий после распада в 2005 г. правящей коалиции во главе с «Республикой».

Утрата власти «Республикой» вызвала необходимость объединения с «Союзом Отечества» с целью возможного создания правоцентристской коалиции после очередных парламентских выборов. «Союз Отечества», в свою очередь, был заинтересован в получении мощной ресурсной базы, которой обладала «Республика». Слияние партий позволило им оптимальным образом использовать свое положение для получения высокого результата на парламентских выборах и вхождения в правящую коалицию. В 2007 г. лидером объединенной партии стал Лаар.

Слияние стало возможным также благодаря тому, что по мере снижения властного ресурса в «Республике» усиливалось крыло прагматичных технократов во главе с Юханом Партсом и бывшим министром финансов в его кабинете Таави Вескимяги. Это течение постепенно взяло верх над либерально-центристским крылом, которое олицетворял один из создателей «Республики», известный эстонско-американский политолог Рейн Таагепера⁹¹. В свою очередь, в руководстве «Союза Отечества» к 2006 г. возникло осознание того, что перспективы вступления в правящую коалицию во многом зависят от объединения ресурсов обеих партий.

Между тем очевидно, что объединение партий перенесло межпартийную конкуренцию на внутрипартийный уровень. Если на момент формирования правоцентристской коалиции с Парти-

⁹¹Taagepera, R. *Meteoric Trajectory: The Res Publica Party in Estonia. — Democratization*, 2006, Vol. 13, № 1. P. 78–94.

ей реформ Ансипа в 2007 г. позиции национал-консервативного крыла во главе с Лааром явно превосходили позиции либеральных демократов Партса, то по мере работы правящей коалиции национал-консерваторы стали уступать либеральным демократам.

Несмотря на доминирование национал-консерваторов, последние тенденции показывают, что инициатива перешла к сторонникам Партса, которые на конгрессе партии 31 января 2010 г. отстранили ряд влиятельных руководителей национал-консерваторов и заменили их «республиканцами». Хотя Лаар был переизбран лидером, команда Партса получила двоих из трех заместителей председателя, в том числе самого Партса, а также Лукаса, заручившись при этом большинством (12 из 20) в совете партии.

Национал-консерваторы сохранили лишь одного своего заместителя председателя партии, спикера парламента Эне Эргму, так как второй заместитель, Яак Аавиксоо, потерял этот пост. Об усилении либеральной тенденции свидетельствует и партийная риторика Лаара, все более смещающаяся к центру. Это вызывает недовольство многих национал-консерваторов, в частности тех, кто предлагал на пост лидера Аавиксоо, вокруг которого образовалась самостоятельная внутрипартийная фракция.

Таким образом, казус «Союза Отечества и Республики», как и случай Гражданской демократической партии демонстрирует, что расстановка сил в правом центре во многом определяется стратегией и тактикой национал-консервативных, либерально-консервативных, либерально-демократических, христианско-демократических и др. течений. Изменения в соотношении сил между ними может приводить как к расколам либо слияниям партий, так и перегруппировке сил внутри них.

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ межфракционной конкуренции на примере четырех влиятельных партий Центральной и Восточной Европы, в которых наблюдается минимальный перевес одного из течений, отражает большую значимость этого процесса для формирования политики. Как подтверждают результаты, характер партийной политики, межпартийной конкуренции и развития партийной системы во многом определяется соотношением сил между внутрипартийными течениями и фракциями. Межфракционная конкуренция часто является причиной расколов и слия-

ний существующих партий и создания новых, играет важную роль в формировании коалиций.

Обобщая результаты анализа четырех казусов, можно заключить, что на их особенности оказал влияние фон посткоммунистического развития Центральной и Восточной Европы, который обусловил во многом схожую последовательность этапов развития межфракционной конкуренции.

Так, например, во всех случаях, за исключением Болгарии, начало 90-х гг. было отмечено сходным набором тенденций, среди которых в первую очередь необходимо назвать неолиберализм, шоковую терапию, национализм, радикальные реформы, господство правых партий, антилевую риторику.

На втором этапе эти тенденции сменились обратными после того, как маятник политического развития качнулся влево, приводя к возвращению обновленных левых партий во власть. При этом акцент стал делаться на демократизации, гражданском обществе, широком политическом участии, мультикультурализме и толерантности.

И, наконец, третий этап, продолжающийся по сей день, снова, как и в начале 90-х гг., отмечен поворотом вправо. Правые и правоцентристские партии, восстановившиеся после поражения от реформированных левых, снова пришли к власти.

В Польше после 2005 г. левые силы оказались на грани маргинализации, полностью уступив политическую инициативу праволиберальной «Гражданской платформе» и правоконсервативному «Закону и справедливости». В Болгарии столь же сокрушительное поражение от стремительно набирающей обороты правой партии «Граждане за европейское развитие Болгарии», потеряв половину мест в парламенте, потерпели социалисты. В Чехии Гражданская демократическая партия, в которой за годы оппозиции произошла перегруппировка сил, вернулась к власти уже с новым руководством в 2006 г., сформировав коалиционное правительство вместе с христианскими демократами и зелеными. В Эстонии после серии неустойчивых правительств к власти в 2007 г. пришли праволиберальная Партия реформ Андруса Ансипа и правоконсервативный «Союз Отечества и Республика» Марта Лаара, оттеснив левые и центристские партии.

Относительно результатов анализа различных казусов можно сделать вывод, что сходства в развитии левоцентристских партий Польши и Болгарии обусловлены общностью их проис-

хождения как преемниц коммунистических. Однако между ДЛА и БСП обнаружилось и существенные различия, обусловленные, прежде всего, особенностями политических систем стран. Если в Болгарии система имела много общего с советской моделью, то в случае Польши наблюдается гораздо больше отличий, подготовивших почву для быстрого транзита в начале 90-х гг.

Различия в левоцентристских партиях Болгарии и Польши можно во многом объяснить тем, что в Болгарии, в отличие от Польши, не было резкого революционного перехода к новой системе, в результате чего БСП могла на всем протяжении первой половины 90-х гг. сохранять позиции при отсутствии радикального реформирования. В случае Польши, напротив, радикальное реформирование и отмежевание от Польской объединенной рабочей партии являлись условием выживания партии в новой политической конфигурации, сложившейся после революционных событий 1989 г.

Однако во второй половине 90-х гг. ситуация в обоих случаях несколько выровнялась. После перехода в оппозицию в 1997 г. Болгарская социалистическая партия начала радикальное реформирование, что стало предпосылкой ее возвращения во власть в 2005 г., аналогично тому, как реформирование польских социал-демократов и их смещение в сторону центра способствовало возвращению партии во власть в 2001 г.

На новом этапе оппозиционной борьбы, уже будучи в одинаковой степени реформированными, и болгарские, и польские социал-демократы вынуждены решать одни и те же задачи. Если в 90-е гг. эти партии значительно различались между собой, то к настоящему времени отличия во многом стерлись, особенно в связи со вступлением Польши и Болгарии в ЕС и «европеизацией» партий. Сохраняющиеся различия в основном состоят в том, что в БСП весомые позиции занимают традиционалисты, не одобряющие либерализацию партии, проводившуюся с 1989 г.

В случае правоцентристских партий также можно найти как важные сходства, так и существенные различия. Как чешская Гражданская демократическая партия, так и эстонский «Союз Отечества и Республика» являются историческими наследниками националистических оппозиционных движений коммунистического периода. Различие между ними состоит в том, что в случае Чехии в большей степени выражен либерально-консервативный компонент, а в случае Эстонии — национально-консервативный.

В обеих партиях сильны позиции этнонационализма, в первом случае — чешского, во втором — эстонского. Они имеют во многом схожий исторический контекст: в обоих случаях национализм был направлен на достижение либо национальной автономии в рамках федерализации империй (Австро-Венгерской или Российской), либо на завоевание полной национальной независимости. Также в обоих случаях эти цели были реализованы в начале в результате Первой мировой войны, а затем вследствие распада социалистического лагеря и Советского Союза.

Оба случая также объединяет то, что на современном этапе и чешский, и эстонский национализм имеют значительную неолиберальную составляющую, так как в обоих случаях под руководством партий и их лидеров осуществлялась неолиберальная, прорыночная программа. Вместе с тем, оба казуса имеют и существенное отличие. Если в Чехии неолиберальная программа являлась прерогативой главным образом одной партии, ГДП, то в случае Эстонии эта программа не была «визитной карточкой» какой-либо одной политической силы, а в равной мере была характерна и для «Союза Отечества» Марта Лаара и, например, для Партии реформ Сиима Калласа, а затем Андруса Ансипа.

Поскольку в эпоху глобального финансового и экономического кризиса, роста социальной напряженности и недовольства ситуация в сфере партийной конкуренции может быстро меняться, изменяя расстановку сил внутри партий, представляется необходимым продолжение мониторинга, анализа и моделирования межфракционной конкуренции в странах ЕС.

Лазарев Е.А.

ВЛИЯНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА НА ПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ В НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: СЛУЧАИ МЕКСИКИ И РОССИИ

С учетом институционального контекста постсоветская Россия сравнима с Мексикой: президенциализм, коррупция, клиентелизм, низкий уровень институционального и межличностного доверия определяют сходные «правила игры» в политическом процессе таких непохожих в культурном и историческом отношении стран, разделенных огромным географическим пространством. Ведущий российский специалист по Латинской Америке Т. Ворожейкина⁹² объясняет сходство социального развития в России и странах Латинской Америки доминированием государственно — центричной матрицы, при которой государство играет определяющую роль в формировании и структурировании социальных, экономических и политических отношений.

После развала Советского Союза представители транзитологической школы активно использовали методологический инструментарий, разработанный при изучении латиноамериканского материала в исследованиях политических трансформаций в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. На страницах журнала *Slavic Review* даже разгорелась ожесточенная дискуссия между В. Банс с одной стороны и Т. Карл и Ф. Шмиттером с другой о применимости латиноамериканского опыта при изучении процессов в посткоммунистических странах.⁹³ Несмотря на правомерность некоторых замечаний Банс и других крити-

⁹²Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке. — *Общественные науки и современность*, 2001, № 6.

⁹³Bunce, V. Should Transitologists Be Grounded? — *Slavic Review*, 1995, 54, N 1; Karl, T., Shmitter, Ph. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism? — *Slavic Review*, 1995, 54, N 4.

ков, в целом большая познавательная ценность исследований в сравнительной перспективе не ставилась под сомнение. При этом анализу подвергались, прежде всего, межэлитные конфликты, политическая культура, партийное строительство, проблемы становления гражданского общества. В противоположность этому, российский федерализм, выразившийся в конфликте центр — периферия, зачастую изучался либо как уникальный феномен, либо в сравнении с развитыми федеративными демократиями, такими как США и Германия. На мой взгляд, исследование проблем российского федерализма в сравнении с латиноамериканскими федерациями Бразилии, Аргентины, Мексики и Венесуэлы обладает большим эвристическим потенциалом. Мексиканский опыт авторитарного режима с доминирующей партией, функционировавшего почти 70 лет, представляет великолепный эмпирический материал для изучения условий политического выживания «партии власти» в условиях федерализма, что особенно актуально для понимания политического процесса в современной России.

Критики сравнительного подхода к объяснению доминирования партии «Единая Россия» настаивают на том, что «партия власти» — это уникальный российский феномен и всякие параллели с зарубежным опытом несостоятельны. При этом обычно вспоминают Либерально-демократическую партию Японии, социал-демократов в Швеции, христианских демократов в Италии и «Институционно-революционную партию» (ИРП) в Мексике. Предполагается, что «там» существовали или существуют «правлящие партии», которые формируют правительство и определяют государственный курс, в отличие от «нас», где возникают разнообразные «партии власти», подчиненные этой самой власти и не оказывающие серьезного влияния на процесс принятия политических решений. Относительно первых трех случаев так называемых «нетипичных демократий» это замечание верно, однако в случае Мексики, а также в случаях целого ряда других государств, оно при ближайшем рассмотрении оказывается не совсем справедливым. «Партии власти» или доминирующие партии — это организации, которые пользуются монополией на «административный ресурс» для обеспечения полного контроля над органами законодательной власти.⁹⁴ Такие партии в разное

⁹⁴Greene, K. *Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

время функционировали в Либерии, Монголии, Сенегале, Малайзии, Кении, Танзании, Габоне, Сингапуре, Египте. Список можно продолжать очень долго: в послевоенном мире можно насчитать более 120 доминирующих партий, существовавших в разных странах в разные периоды времени. На основе изучения этих случаев О. Дж. Ройтер⁹⁵ показал, что доминирующие партии возникают как следствие стратегического взаимодействия между лидером государства (в большинстве случаев это президент) и значимыми в политическом отношении элитными группами. Если между двумя сторонами устанавливается примерный баланс политических ресурсов, то они формируют партию как гарант взаимного выполнения обязательств. Таким образом, процесс создания доминирующей партии не является однонаправленным, в нем участвуют обе стороны. Федерализм с присущей ему политической децентрализацией является благоприятной почвой для возникновения паритета ресурсов и соответственно для сложного процесса разграничения власти между центром и периферией. В постсоветской России было несколько попыток создания партии власти, однако успехом увенчался лишь проект — «Единая Россия», реализовывавшийся на фоне значительного увеличения ресурсов федерального центра и, что не менее важно, при поддержке региональных властей.

Создание «партий власти» в России и Мексике было подчинено сходным задачам обеспечения передачи власти, контроля над региональными элитами и снижения неопределенности электорального процесса. Логика функционирования доминирующих партий в России и Мексике была наиболее полно и последовательно представлена в статье В. Гельмана, в которой выделяется несколько специфических черт мексиканской «партии власти»⁹⁶. Во-первых, это подчиненная роль партии по отношению к руководству страны, прежде всего президенту. Несмотря на то, что формально кандидатуры на все выборные посты в Мексике представляла ИРП, реально президент полностью контролировал партию, назначая на все посты своих ставленников, в том числе, определяя своего преемника. Во-вторых, это сращивание партии

⁹⁵Reuter, O.J. The Politics of Dominant Party Formation: United Russia and Russia's Governors. — Europe-Asia Studies, 2010, № 62(2).

⁹⁶Гельман В. Перспективы доминирующей партии в России. — Pro et Contra. 2006. № 4.

с административным аппаратом и как следствие отсутствие четкой идеологии. Наконец, это организационная структура, при которой партия была разделена на несколько иерархически устроенных секторов — трудовой, крестьянский, военный (впоследствии упраздненный) и «народный», в который входили представители среднего класса и бюрократия. Все это позволяло поддерживать единство мексиканской элиты и контролировать государственный и партийный аппарат с помощью стратегии «разделяй и властвуй». Одним из наиболее важных эффектов функционирования партии власти в Мексике стало повышение политической и административной централизации, достигнутое на основе ограничения влияния губернаторов и местных лидеров на управление партией и страной. В контексте данного исследования этот сюжет является основным.⁹⁷

«Подлинное право выбора, нет перевыборам!» Этот лозунг, во многом определивший всю политическую жизнь Мексике XX века, впервые прозвучал в начале 1870 годов из уст боровшегося за власть молодого генерала Порфирио Диаса. Когда Диас власть получил, он постепенно пересмотрел свои взгляды, и установил в Мексике диктатуру, став на более чем 30-летний период «единственным избирателем» на регулярно проводившихся выборах. Диас переизбирался на президентский пост в общей сложности 8 раз, однако, в конце концов, был свергнут. Его свержение послужило прологом к революции и гражданской войны в Мексике.

После окончания революции 1910—1917 годов Мексика представляла собой экстремальный случай авторитарной децентрализации, регионы управлялись местными вождями «касиками», которые были полностью независимыми по отношению к центру. В 1921 году президентом страны стал лидер вооруженных формирований одного из северо-западных штатов Альваро Обрегон, опиравшейся на рыхлую коалицию других военных региональных лидеров. В результате революции в конституции был закреплен принцип, запрещающий переизбрание в каком-либо виде, поэтому в 1924 году Обрегон был вынужден передать власть

⁹⁷Для анализа данного аспекта необходимо более детального обратиться к истории создания, расцвета и упадка Институционно-революционной партии Мексики, то есть мексиканской политической истории XX века. На русском языке политическая история Мексики блестяще изложена в статье А. Гомберга «Эволюция в условиях диктатуры». Опираясь на данную «летопись» я покажу основные принципы функционирования ИРП и влияние федерализма на политический режим.

преемнику, которым стал Плутарко Кальес. Как пишет Гомберг, «скорее всего, предполагалось установление попеременного президентства двух генералов, и, действительно, в 1928 году Обрегон был вновь избран президентом — и тут же убит». ⁹⁸ Для преодоления политического кризиса и кризиса государства вообще в 1929 году Кальес, не имевший формального права занять пост президента, «кнутом и пряником» установил в стране политическую монополию. Инструментом для управления политическим процессом Кальес сделал «Партию национальной революции», получившую впоследствии название «Институционно-революционная партия» (ИРП). Партия взяла под контроль государственный аппарат и стала ареной для согласования интересов между сегментами политической элиты Мексики.

Наивысший расцвет партии связан с периодом президентства Лазаро Карденаса (1934—1940), наиболее популярного лидера в истории Мексики. Карденасу удалось обеспечить четкую организацию партии и эффективный массовый патронаж. В партию были инкорпорированы чиновники всех уровней, профсоюзы, социальные организации, все, кто зависел от перераспределения бюджета. Проведение радикальных социально-экономических реформ упрочило позиции правящего класса, а принцип непереборности, превращенный в «священную корову», обеспечил стабильность режима. Монополия поддерживалась почти 70 лет с помощью институционального устройства ИРП, создававшего стимулы для лояльности всех участников политического процесса, и не в последнюю очередь региональных властей. Однако, как показало исследование соотношения демократии и федерализма в Латинской Америке, именно актуализация институтов мексиканского федерализма, выразившаяся во введении в 1977 году прямых выборов губернаторов штатов, стала одним из ключевых факторов демократизации режима, в результате которой в 2000 году ИРП окончательно потеряла власть. С введением выборности губернаторов арен политической конкуренции стало значительно больше и доминирующей партии становилось все труднее управлять электоральными процессами. С течением времени оппозиция смогла получить контроль над несколькими штатами, которые в дальнейшем стали основой для борьбы за федеральный центр. Таким образом, федерализм, выраженный в высоком уров-

⁹⁸Гомберг А. Эволюция в условиях диктатуры. — Pro et Contra, 2008, № 1. С 49.

не политической децентрализации стал в разные периоды мексиканской истории фактором «рождения» доминирующей партии и ее «заката». Почему это произошло?

Соотношение федерализма и партийных систем является серьезной теоретической и эмпирической проблемой политической науки. У. Райкер⁹⁹ определил, что именно политические партии выступают аренами взаимодействия между Центром и периферией в федеративном торге. При этом исследования показывают, что федеративное государственное устройство ослабляет партии и партийную систему государства в целом¹⁰⁰. Кроме того, высокий уровень политической децентрализации в условиях слабой партийной системы ведет к преобладанию неформальных институтов, росту клиентелизма.

Большой вклад в изучение взаимного влияния федерализма и партийной системы внесла работа М. Филиппова, П. Ордешука и О. Швецово¹⁰¹, в которой предложена теория интегрированных партийных систем как следствия федеративного торга. Интегрированные партийные системы характеризуются, прежде всего, значительной организационной автономией уровней и взаимозависимостью электоральных результатов на них. При этом региональные и местные выборы имеют большое значение, поскольку победа на них позволяет контролировать значительные политические и экономические ресурсы, и соответственно, влиять на проведение политики на национальном уровне.

В России становление партийной системы проходило параллельно с федеративным торгом.¹⁰² Советский федерализм, существовавший во многом как формальность, выступил в процессе трансформации режима как комплекс «подрывных институтов»,¹⁰³ обеспечивших политическую мобилизацию, которая, в свою очередь, внесла большой вклад в распад государства. Институциональная инерция распада и низкий уровень административного потенциала государства определили становление сильных региональных

⁹⁹Riker, W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. — Boston, 1964.

¹⁰⁰Бусыгина И. Политические партии и федерализм в России // *Федерализм и этническое разнообразие в России*: Сб. ст. под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. — М. РОССПЭН, 2010.

¹⁰¹Fillipov, M., Ordeshook, P., Shvetsova, O. *Designing federalism: a theory of self-sustainable federal institutions*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

¹⁰²Бусыгина И. Указ. соч.

¹⁰³Bunce, V. *Subversive Institutions: The Design and the Destruction of Socialism and The State*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

акторов, поддержка которых стала критически важной для контроля над федеральным центром. В результате, в постсоветский период федеративные отношения использовались как ресурс борьбы за власть: сначала между Ельциным и Верховным Советом, затем против коммунистов во время электорального цикла 1995—1996 годов. На парламентских выборах 1999 года региональное измерение политики играло ключевую роль, поскольку в игру вступили две партии власти — «Единство» — проект федерального центра и «Отечество — Вся Россия», основным ресурсом которого были политические машины региональных лидеров. Победа «Единства» и высокая популярность нового президента обусловили становление системы с доминирующей партией «Единая Россия», которая стала механизмом консолидации политической элиты и интеграции региональных режимов в общенациональную систему. Проведение серии федеративных реформ усилило ресурсное доминирование Центра и, соответственно, политическую зависимость региональных лидеров. Кульминацией процесса стала отмена прямых выборов губернаторов в 2004 году. Г. Голосов убедительно показал, что основной причиной, побудившей федеральный центр отменить выборы губернаторов, стали неудачи ЕР на выборах региональных законодательных собраний в 2004 — первой половине 2005 гг., когда средняя доля голосов за «партию власти» резко уменьшилась.¹⁰⁴ Это произошло потому, что региональные лидеры стремились диверсифицировать портфель своих политических активов и поддерживали на выборах в легислатуры разные партии и региональные блоки. Для Центра такая стратегия губернаторов оказалась чревата политическими рисками, поэтому посредством электоральной инженерии и прямого вмешательства в политический процесс Кремль заставил региональных лидеров от нее отказаться.

На региональных лидеров были возложены обязанности организации выборов и обеспечения нужных результатов на них. Федеративный торг — лояльность в обмен на невмешательство и ресурсы, уступил место простой системе сигналов, которыми обмениваются федеральный центр и региональные власти. Главным сигналом являются результаты на выборах, что объясняет массовые фальсификации во многих регионах стремлением улучшить свою позицию на бюрократическом поле.

¹⁰⁴Голосов Г Электоральный авторитаризм в России — Pro et Contra, 2008, № 1.

Сущностной чертой режимов электорального авторитаризма в Мексике с 1929 года по 2000 год и в современной России является то, что они основываются на внутриэлитном равновесии, обеспечиваемом «партией власти». Массовые фальсификации на выборах, высокие запретительные барьеры на политическом рынке, контроль над СМИ являются важными, но не определяющими характеристиками этих режимов. Как показала Б. Геддес, авторитарные режимы, основанные на господстве одной партии, более стабильны, чем военные хунты или режимы личной власти, поскольку «партия власти» лишает различные группировки элиты стимулов к изменению своего положения.¹⁰⁵ Возникает авторитарное равновесие, при котором представителям элиты просто не выгодно отклоняться от демонстрации лояльности. В российской политике лучшим примером авторитарного равновесия служит случай губернатора Архангельской области Ю. Евдокимова, который «добровольно ушел в отставку» в результате критики «Единой России».

Б. Магалони, развивая исследование авторитарного равновесия, показала, почему обычные граждане голосуют за авторитаризм, представленный «партией власти».¹⁰⁶ По ее мнению, граждане понимают, что «партия власти» в случае «неправильных» исходов голосования сможет включить «режим наказания», то есть сократить бюджетные средства, передаваемые в регионы. Этот механизм особенно актуален для федеративных государств, в которых перераспределение трансфертов из федерального центра подчинено логике политической борьбы. В России, где подавляющее большинство регионов являются дотационными, механизм перераспределения по политическим основаниям также не раз включался в постсоветский период. При этом в выигрыше оказывались наиболее лояльные регионы, которые вознаграждались, а также, что интересно, самые оппозиционные, лояльность которых пытались купить. После отмены выборов губернаторов необходимость в экономическом стимулировании практически отпала, поскольку был создан механизм прямой политической ответственности: провинившихся в глазах власти

¹⁰⁵Geddes, B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. — Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press, 2003.

¹⁰⁶Magaloni, B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. — New York: Cambridge University Press, 2006.

региональных лидеров можно просто снять. Учитывая значение такого политического ресурса, нетрудно понять резко критическое отношение к идее возвращения прямых выборов губернаторов всех представителей федеральной власти, включая президента Дмитрия Медведева.

Возникает вопрос, а для чего авторитарные режимы вообще проводят выборы? Магалони выделяет четыре основные причины. Выборы — это, во-первых, средство получения информации о сторонниках и противниках режима, во-вторых, механизм распределения политических ресурсов внутри правящей группы, в-третьих, способ демонстрации силы и, наконец, выражение стратегии «разделяй и властвуй» по отношению к оппозиции. В этом контексте интересно посмотреть на соотношение федерального и партийного строительства в Мексике и России.

Создание доминирующих партий в этих странах было подчинено сходным целям. Во-первых, это обеспечение передачи власти преемнику. В Мексике начала 1920 годов П. Кальес, не имевший права занимать президентский пост, нашел в партии средство сохранения личной власти путем ее формальной передачи марионеточным президентам. В России в 1999 г. также остро стояла проблема «престолонаследия». Правящей группе необходимо было создать максимально благоприятные условия для передачи власти от потерявшего политический капитал Бориса Ельцина к малоизвестному преемнику Владимиру Путину. В целях обеспечения преемственности власти создавался блок «Единство», ставший впоследствии основой для российской «партии власти».

Вторым принципиальным моментом является конфликт по линии Центр — регионы. И Мексика в начале 1920-х гг. и Россия на 1999 г. представляли собой экстремальные случаи авторитарной децентрализации. В обоих случаях Центр не контролировал политические процессы в регионах, и, кроме того, зависел от поддержки региональных боссов во время выборов. Соответственно Центру для собственного политического выживания было необходимо обеспечить приемлемый уровень лояльности региональных лидеров. ИРП и ЕР стали механизмами решения этих задач.

Отношения между Центром и периферией сыграли важную роль в поддержании стабильности однопартийного режима в Мексике и консолидации недемократического политического режима в России. Динамика федеративного торга определила в

обоих случаях становление авторитарного равновесия на основе «партии власти», обеспечивающей лояльность региональных элит с помощью негативных (невмешательство и угроза подавления) и позитивных (трансферты и продвижение в федеральную власть (в Мексике)) стимулов. Однако в Мексике, «проснувшийся» федерализм, выступил на определенном этапе стимулом демократизации, тогда как в России именно децентрализация во многом определила неудачу перехода к демократии в 1990-е гг. На момент введения выборов на региональном уровне в Мексике функционировали сильные интегрированные оппозиционные партии, например «Партия национального действия», стабильно участвовавшая в заведомо проигрышных для нее выборах почти 60 лет. В России, напротив, как показывают многочисленные исследования, в региональных политических процессах отсутствовали как спрос на партии, так и партийное предложение.¹⁰⁷ В результате, можно сделать вывод, что слабая партийная система и динамика центр — периферийных отношений определили установление авторитарного равновесия в России.

¹⁰⁷Goloso, G. *Political Parties in the Regions of Russia: Democracy Unclaimed*. — Boulder: Lynne Rienner, 2004; Hale, H. *Why not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006; Stoner-Weiss, K. *Resisting the State: Reform and Retrenchment in Post-Soviet Russia*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

2. МЕСТО ПАРТИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Михалева Г.М.

РОЛЬ ОППОЗИЦИИ И ПСЕВДООППОЗИЦИИ В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Современное государство, обеспечивающее благосостояние и безопасность граждан, высокий уровень и динамику экономического развития, не может существовать без эффективно работающей политической системы, позволяющей гражданам влиять по политические и экономические решения. Эта система основана на горизонтальном и вертикальном разделении властей, правовом государстве, конкурентных выборах и институциональных гарантиях соблюдения прав и свобод граждан.

Важнейшим механизмом, обеспечивающим функционирование системы, способной противостоять внешним и внутренним вызовам, является существование политической оппозиции, предлагающей стратегические и тактические альтернативы и готовой в результате победы на выборах их реализовывать.

В широком смысле политическая оппозиция — это политическая сила, борющаяся за то, чтобы самой придти к власти или принудить правящую группу учитывать её интересы. Оппозиция — противостоящая правящей группе легитимная сила¹. Конечно, в разных системах — парламентских, президентских, смешанных — оппозиция играет разную роль. Разные функции и у парламентской и непарламентской оппозиции. Особняком стоит несистемная оппозиция, использующая стратегии, которые разрушают существующую систему.

При этом понятие «оппозиция» применимо только к демократическим системам. В условиях автократий оно может использоваться лишь со значительными оговорками: при отсутствии конкурентных выборов возможности групп, предлагающих альтернативные стратегии развития, минимальны.

На первом этапе трансформации в России становление

¹Euchner, W. Opposition // Mickel W. (Hrsg.) Handlexikon zur Politikwissenschaft. Bundeszentrale fuer politische Bildung. Band 237. — Bonn, 1986. S. 322–325.

партий шло по обычному образцу — через появление широкой оппозиционной демократической коалиции, включающей реформаторов-«либерализаторов», старую политическую элиту и гражданские группы, которым противостояла партийно-государственная машина старого режима.

Но уже после смены режима, помимо сохранявшейся, хотя и модифицировавшейся конфликтной линии «реформаторы—реставраторы», поддерживающих и критикующих рыночные реформы, всё большее значение приобретал конфликт «центр—регионы», достигший своего пика в 1999 году с образованием оппозиционной партии, представлявшей интересы региональных элит. Для группы, завоевавшей власть в ходе первого этапа трансформации, выбор демократических институтов был экзистенциальным, но временным, инструментальным решением. Но именно этот выбор стимулировал возникновение и институционализацию оппозиции в России.

А образование административных и псевдооппозиционных имитационных партий вообще не было связано с социальными конфликтами.

Современная политическая система России имеет закрытый, клановый характер, ключевые позиции в бизнесе и власти монополизированы правящей группой. Возможности влияния граждан и групп интересов на решения властей всех уровней минимизированы. Доступ к власти для них практически закрыт. Партии в свою очередь не выполняют важнейших функций, связанных с представительством интересов социальных групп, формулированием альтернативных политических курсов и обеспечением взаимодействия общества и власти.

Несмотря на то, что окончательного отказа от демократических институтов не произошло, смена власти легальным путем, открывающая возможность для проведения альтернативной политики, стала практически невозможной.

Вопреки декларациям о необходимости либерализации сделаны лишь минимальные шаги для ослабления давления правящей группы на институты гражданского общества, избирательную и партийную систему.

Наиболее удобной для правящей группы оказалась система ограниченной многопартийности (во многом имитационная), где подавляющее большинство партий поддерживает политику власти, системная оппозиция различными способами вытесняется с

легального политического поля, а несистемная оппозиция маргинализируется.

ЧТО ТАКОЕ ПАРТИЯ?

Как отмечает один из самых известных исследователей партий Ричард Кац, политические институты и практики, составляющие сущность демократического правления, не только созданы политическими партиями, но и были бы без них немыслимы².

Природа партий в автократиях носит совершенно иной характер: партия является «квинтэссенцией» государства, неразрывно связанной с органами госбезопасности, машиной контроля над всеми сферами общественной жизни. Для тоталитарных режимов характерно существование только одной вождистской партии. Авторитарные режимы, помимо основной, «государствообразующей», партии, являющейся инструментом организации правящей элиты, допускают существование и других партий, играющих заведомо минимальную роль и выполняющих задачи имитации демократических институтов. Это и есть псевдооппозиционные партии.

В российском случае нелегко определить, какие организации можно считать партиями, а какие нет. С одной стороны, законодательство закрепляет название «партии» только за политическими организациями, соответствующими достаточно жестким требованиям, и обязывает их участвовать в выборах. Но существуют и политические организации, использующие т.н. «подрывные стратегии». Практически делегализуясь, теряя статус формальных партий, они тем не менее остаются на политической арене, продолжают называть себя партиями и нередко даже играют важную роль. Сегодняшняя ситуация отчасти напоминает первый этап становления многопартийности перестроечного периода, когда законодательной базы для деятельности партий еще не существовало, и помимо по-прежнему государствообразующих КПСС и КП РСФСР «партиями» именовали себя небольшие группы, не имеющие даже фиксированного членства.

На протяжении всего постсоветского периода практически во всех вариантах законов о партиях, общественных организациях и выборах законодатели, а вслед за ними и партии в своих уставах по инерции воспроизводили советские принципы.

²Katz, R. A Theory of Parties and Electoral Systems. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.

Главная задача партии тоталитарного типа — контроль над собственными членами и, через подконтрольные общественные организации, над всеми гражданами, которые не только должны подчиняться власти, но и регулярно демонстрировать ей свою любовь и массовую поддержку — на парадах физкультурников, праздничных демонстрациях, профсоюзных и партийных собраниях. При этом осуществление текущих задач сопровождается максимальной бюрократизацией, минимизирующей возможности рядовых членов организации влиять на решения руководства. Отсюда — формы партийных собраний: с президиумом, кворумом, предписываемой регулярностью, от одной мысли о которых у нормального человека начинается приступ зевоты.

Наши законодатели практически навязали современным партиям, живущим во многом уже по законам современных картельных партий, требования, предъявляемые массовым партиям конца XIX — первой половины XX века — и по части численности, и по части внутренней организации. При этом требования эти оказываются выгодными только «партиям власти», точнее административным партиям, использующим административные ресурсы и бюджетные деньги.

Но и сами партии, прошедшие за постсоветское время путь от вспомогательных инструментов завоевания власти до системообразующего элемента политической системы, продолжают использовать старые формы, до деталей совпадающие с традициями КПСС. Причем это касается не только КПРФ, но и других партий, включая оппозиционные. Парадоксальным образом даже провозглашение «Единой Россией» задачи превращения в «партию нового типа» должно означать возвращение к принципам КПСС, только в еще более жесткой форме: отчетность функционеров, партийные чистки, не две, а даже три рекомендации для вступления в партию³.

Конечно, современные партии, причём не только в демократических, но даже и не вполне демократических странах, устроены совсем по-другому. Их особенности таковы.

Это небольшие «картельные» партии профессиональных политиков, работающих со своими сторонниками и избирателями,

³Нагорных И. «Единая Россия» станет партией нового типа. — Коммерсант, 23.05.2008.

в основном, через средства массовой информации. Руководящие органы таких партий формируют профессиональные политики, зачастую не обладающие качествами «вождей», ведущих за собой массы.

Эти партии представляют собой важнейшую политическую подсистему, они финансируются из государственного бюджета, даже если просто участвуют в выборах, не побеждая на них.

В условиях консолидированных демократий программы таких партий мало отличаются друг от друга, а в ходе избирательных кампаний на первый план выходят актуальные темы и пути решения текущих проблем, а не альтернативные взгляды на экономическое, политическое и социальное развитие страны.

В гибридных системах, сочетающих элементы автократий и демократий, и системах автократических главный водораздел между партиями напрямую связан с альтернативными политическими курсами: они либо поддерживают власть, объединяют и организуют представителей правящей группы, либо в зависимости от жесткости системы являются оппозицией — системной и конструктивной, либо — внесистемной и даже нелегальной и подпольной.

ИСКУССТВЕННАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И РОЛЬ ПСЕВДООППОЗИЦИИ

В результате изменения законодательных норм, подзаконных актов и административной практики в стране уже практически создана искусственная многопартийность. Подавляющее большинство партий, зарегистрированных Минюстом и имеющих право участвовать в выборах, абсолютно лояльны и подконтрольны правящей группе.

В зависимости от ситуации они используют любые идеологии: от радикального либерализма до социализма, от умеренного национализма до открытой ксенофобии, поддерживая Путина (теперь уже премьер-министра) и его курс, продолжаемый новым президентом Дмитрием Медведевым. Эти партии взаимозаменяемы, их легко разъединить или объединить, назначить им новых или убрать старых начальников. Очевидна цель подобного партстроительства — выстраивание партийной системы наподобие ГДРовской или болгарской времён Варшавского договора, с одной заведомо «правящей» партией и партиями-сателлитами, изначально обреченными на получение несравнимо меньшего числа мест во властных структурах.

Эта партийная система выполняет только одну задачу — самоорганизации тех, кто уже находится у рычагов власти, сохранения и упрочения их позиций.

Общее у всех этих партий, как бы они ни назывались — «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Правое дело» (до этого — «Гражданская сила», Демократическая партия России), «Патриоты России», — одно: они не представляют интересы граждан и не предлагают альтернативных политических курсов.

История создания псевдоопозиционных партий и движений начинается в 1988—1989 годах, с учреждения организаций, альтернативных «Мемориалу».

Уже в 1991 году, сразу после отмены 6-й статьи Конституции, была сконструирована ЛДПСС — во главе с ветераном нашей многопартийности Владимиром Жириновским, ставшая весьма успешным бизнес-проектом одного лидера. Эта партия (с 1992 г. — ЛДПР) выполняла и продолжает выполнять следующие задачи: имитация радикальной оппозиции при одновременной поддержке в ключевых голосованиях президента и правительства; тестирование границ дозволенного, готовности общественного мнения принять новые позиции; создание видимости угрозы прихода к власти националистов, на фоне которых правящая группа выглядит вполне цивилизованно в глазах западных партнеров.

Во втором избирательном цикле был создан **Блок Ивана Рыбкина**, безуспешно пытавшийся сыграть роль «левого» (по отношению к «партии власти» — НДР) крыла.

В кампании 2003 года Кремлем начинают активно задействоваться искусственно сконструированные псевдоопозиционные партии («спойлеры»), направленные против оппозиции:

— националистическая и антиолигархическая «**Родина**» с харизматичным лидером Д. Рогозиным (9% голосов по пропорциональной системе), блок **Партии пенсионеров** и **Партии социальной справедливости** (3%) — против КПРФ;

— «**Кедр**» (0,4%), **СЛОН** (0,2%) — против «**ЯБЛОКА**».

В 2007 году задачи правящей группы состояли в том, чтобы, обеспечивая доминирование ЕР, создать видимость конкурентных выборов и многопартийности. Незаменимым инструментом в этом стала псевдоопозиция. Были созданы виртуальные «демократические» партии «**Гражданская сила**» (1,05%) и **ДПР** (0,13%), работавшие против «**ЯБЛОКА**» (1,6%) и **СПС** (0,96%).

Партия социальной справедливости (0,2%) и Патриоты России (0,89%)⁴ должны были ослаблять КПРФ.

Новым феноменом стало появление «Справедливой России» (СР) — административной партии во главе со вторым лицом в государстве — председателем Совета Федерации Сергеем Мироновым, называющей себя оппозицией, но открыто поддерживающей президента. Она критиковала доминирующую партию, но одобряла в Совете Федерации все законопроекты правительства и Администрации Президента. СР получила положенный минимум, с небольшим запасом преодолев 7%-процентный барьер (7,7%). «По сути, мы уже сейчас являемся оппозицией так называемой партии власти — «Единой России». Но при этом мы четко обозначаем, что мы приверженцы курса президента»⁵, — заявлял в 2006 году Сергей Миронов накануне «слияния» в «Справедливую Россию» ставшей неудобной из-за решившегося на протестные акции Д. Рогозина «Родины», нежизнеспособной Партии жизни и набиравшей популярность, и поэтому ставшей опасной Партии пенсионеров.

Демиургов партийной системы из кремлевской администрации не пугали повторение неудачного опыта с созданием подконтрольных партий и связанные с этим опасности. Скроенная накануне нового избирательного цикла из совершенно разнородных частей «Справедливая Россия» (СР) была призвана создавать видимость политической конкуренции, не выходя за рамки поддержки президента (или его преемника) и проводимого ими политического курса.

В то же время возможности СР искусственно ограничены: любое изменение интонации вызывает жесткую критику и обвинения в «предательстве» со стороны спарринг-партнера — «Единой России». В ответ на мягкую критику С. Миронова в адрес премьер-министра в программе «Познер» (Первый канал) лидеры ЕР обвинили спикера СФ в предательстве, после чего СР была вынуждена заключить соглашение о взаимодействии и сотрудничестве с ЕР.

Любое мало-мальски похожее на оппозиционное высказывание грозит «Справедливой России» потерей юридического статуса, о чем ей постоянно напоминают лидеры доминирующей

⁴В этом тексте подробно не рассматривается партия «Патриоты России» Г. Семигина, практически «спящая» на федеральном уровне.

⁵Выступление председателя Российской партии жизни С.Миронова на радиостанции «Маяк» 27.07.2009 // На пути к справедливости. — М., 2007. С. 19.

партии⁶. Серьезной угрозой для ЕР «запасная» административная партия могла бы стать лишь в том случае, если бы она превратилась в инструмент одной из конкурирующих внутрикремлевских групп. А этого не произошло. Более того, после того как Владимир Путин возглавил «Единую Россию», позиции «Справедливой», ранее заявлявшей о безоговорочной поддержке его курса и борьбе с «Единой Россией», стали выглядеть совершенно абсурдными, а сама она — своего рода пятым колесом в административно-партийной телеге.

Эта конструкция имеет мало отношения к потребностям граждан и интересам страны. Однако «Единой России», как показали последние выборы и ряд конфликтов в регионах, СР способна доставить массу неприятностей.

Союз правых сил, сделав накануне выборов 2007 г. заявку на жесткую оппозиционность и приняв участие в акциях несистемной оппозиции, долго не мог определиться, поддерживать ли власть (с оговорками, как и раньше) или уходить в несистемную оппозицию. В итоге Никита Белых вместо должности председателя либеральной оппозиционной партии, не имеющей шансов на прохождение в парламент, получил место губернатора Кировской области. СПС был «слит» с двумя кремлевскими партийными проектами — ДПР и «Гражданская сила». В результате возникло странное образование **«Правое дело»** — с тремя сопредседателями, один из которых (Борис Титов) называл партию нежизнеспособным проектом и заявлял о своих симпатиях к «ЯБЛОКУ» и даже о намерении вступить в эту партию.⁷

Итак, к 2009 году две из четырех представленных в ГД партий — ЛДПР и «Справедливая Россия» — носили очевидно псевдоопозиционный характер. Среди трех зарегистрированных, но не представленных в Думе партий к той же категории можно отнести две — «Правое дело» и «Патриоты России».

⁶См., например: Террариум единомышленников. — Время новостей, 31.03.2010. Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2010/53/4/250582.html>

⁷Аргументы недели 10 июня 2010: <http://www.argumenti.ru/politics/2010/06/63770>; Аргументы недели, 10.06.2010. Режим доступа: <http://www.argumenti.ru/politics/2010/06/63770/>

ОППОЗИЦИЯ В ПОДКОНТРОЛЬНОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ

Кремлевская администрация и подконтрольное ей парламентское большинство последовательно создавали условия, максимально благоприятные для партии, призванной стать «доминирующей»⁸, и максимально неблагоприятные — для всех остальных⁹. В декабре 2006 года думское большинство приняло поправки к закону о партиях, еще больше осложнившие и без того нелегкие условия их существования и сделавшие практически невозможным создание новых, независимых от Кремля, партий¹⁰. К партиям, по сути, начали предъявляться требования, которым могут отвечать, разве что государственные учреждения с их непрерывно работающим бюрократическим аппаратом.

Вследствие этого помимо «Единой России» и партий, которым власти предписали роль дублера или спойлера, выжили лишь те, кто смог обеспечить себе необходимую документацию и твердую членскую базу. В конце 2006 года ЦИК официально объявил, что проверку прошли 19 партий, в то время как 16 партий признаны не соответствующими требованиям законодательства¹¹. К 2007 году осталось лишь 14 зарегистрированных партий, а к 2008-му — только 7. При этом из четырех парламентских партий и трех непарламентских только две, участвующие в выборах с 1993 года, можно признать оппозиционными — КПРФ и «ЯБЛОКО». Как и вся современная российская политика, обе эти партии вынуждены существовать в стиле «постмодерн», сочетая не сочетаемые (не только с точки зрения действующей Конституции, но и здравого смысла) элементы. Парламентская партия коммунистов пишет на своих знаменах имя Сталина и фактически призывает к демонтажу существующего строя. Пытаясь сохранить старых избирателей и привлечь новых, КПРФ вынуждена отказываться от резкой персональной критики представителей власти. Коммунисты стоят перед выбором: отказаться от традицион-

⁸Сурков потребовал от «Единой России» обеспечить доминирование партии на 15 лет. — Lenta.ru. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/02/27/dominate>

⁹См. об этом: Гельман В. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка // Российские элиты в условиях консолидации власти. — Пермь, 2006. С. 27—47.

¹⁰Ст. 5272. — СЗРФ, 2004, № 52.

¹¹В России только 19 партий допускают до выборов. — Подробности.ua. Режим доступа: <http://www.podrobnosti.ua/power/elections/2006/10/26/361333.html>

ных национал-коммунистических позиций и потерять идентичность или — обновиться и потерять традиционный электорат.

«ЯБЛОКО», апеллируя к Конституции, выступает за мирный демонтаж существующей системы и использует «подрывные стратегии». Перед партией тоже стоит выбор: с заведомо минимальным результатом участвовать в выборах, которые она считает нелегитимными, или отказаться от статуса партии и перейти в разряд несистемной оппозиции.

КПРФ — дояльные сталинисты

КПРФ, возникшая на обломках КПСС, сохранила старую стилистику и отчасти программу, но ее имидж приобрел отчетливый националистический оттенок. Это, в частности, отразилось в создаваемых ею союзах (НПСР и др.). Пик популярности коммунистов пришелся на 1995—1996 гг., когда партия в союзе с аграриями и одномандатниками из «Народовластия» не только получила возможность блокировать в Госдуме правительственные инициативы, но и добилась значительного успеха на президентских выборах, а также обзавелась собственными («красными») губернаторами и взяла под свой контроль ряд региональных собраний. В дальнейшем число голосов, полученных КПРФ как на федеральных, так и на региональных и местных выборах, только снижалось.

Принятый в 2001 году Закон о партиях наделил КПРФ существенными преимуществами по сравнению с непарламентскими партиями, самое главное из которых состояло в отсутствии необходимости собирать подписи при подготовке к очередной избирательной кампании. В то же время, программные лозунги КПРФ не менялись с 1993 года, причем партия все чаще использует для мобилизации избирателей образ Сталина. Акценты делаются на критике «антинародного» режима; апелляции к победам в Октябрьской революции и Великой Отечественной войне, призывах к национализации нефтяной и газовой отраслей, критике Запада. Программа «построения социализма» также осталась неизменной. Стержнем политической позиции КПРФ сегодня является лозунг «Вперед в СССР!»

Такая партия не мешает, а скорее помогает существующему режиму. Позиции КПРФ во многом совпадают с позициями ЕР и ее руководителей. С другой стороны, коммунисты выполняют полезную для режима функцию, показывая Западу и российским

гражданам, что в случае прихода КПРФ к власти ситуация в стране может стать значительно хуже.

Одним из главных «коньков» коммунистической пропаганды в 2008—2009 гг. стал тезис о позитивной роли Сталина в советской истории. Был проведен ряд конференций, объявлен «сталинский призыв» в партию. Г. Зюганов опубликовал книгу «Сталин и современность». Всплеск «сталинофилии» выгоден для правящей группы тем, что, во-первых, на фоне массовых репрессий 30-х гг. современная Россия уже не выглядит жесткой автократией, а, во-вторых, КПРФ берет на себя роль инициатора общественной дискуссии на тему прошлого, оставляя властям возможность выступить в роли хранителя памяти жертв репрессий.

КПРФ одобрила ряд действий власти в сфере внешней политики. В частности, в 2008 году она поддержала военные действия России против Грузии и признание независимости Южной Осетии и Абхазии. 8 июля 2009 года на встрече с президентом США Барак Обама Зюганов заявил, что у возглавляемой им партии «есть разногласия с действующей в России властью по внутренней политике, но что касается внешней, то здесь совпадение мнений почти полное — КПРФ выступает категорически против расширения НАТО, против размещения американской ПРО в странах Восточной Европы»¹².

При этом нужно учитывать, что в последнее время критика коммунистами исполнительной власти либо носит слишком общий характер, либо направлена против отдельных лиц и групп внутри правительства. В октябре 2009 года в постановлении IV пленума ЦК КПРФ говорилось: «Правящая группировка России ...больше всего озабочена спасением своей классовой опоры — финансовой олигархии. На развитие обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, на поддержку науки, образования, здравоохранения и культуры выделяются явно недостаточные средства. Власть продолжает политику трёх „де“ — деиндустриализации, депопуляции и дебилизации нашей страны»¹³. Геннадий Зюганов заявил: «Правительство, которое возглавляет

¹²«Интерфакс»: Зюганов доволен результатами встречи с Обамой. Режим доступа: <http://kprf.ru/international/68779.html>; Г.А. Зюганов о встрече с президентом Обамой: Коммунисты твердо отстаивают национально-государственные интересы и безопасность страны. Режим доступа: <http://kprf.ru/international/68711.html>

¹³Постановление IV (октябрьского) Пленума ЦК КПРФ «О защите прав трудящихся и усилении политического влияния КПРФ». Режим доступа: <http://kprf.ru/party-live/72689.html>

Путин, не соответствует сложности проблем, возникших в ходе кризиса. Там очень много „огрызков“ от ельцинской команды, приверженцев либерального экономического курса»¹⁴.

Критика власти с коммунистических позиций и неприемлемый для большинства населения курс на возврат к социализму безопасны для правящей группы и «Единой России».

Оставаясь в предписанной властью электоральной нише, КПРФ выполняет еще одну важную функцию, особенно заметную в условиях финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов: участвуя в протестных акциях, она уводит их в относительно безопасное для властей и собственников русло.

Именно поэтому КПРФ, как правило, получает «выделенный» ей процент на выборах разных уровней.

Неудивительно, что доля «отведенных» Компартии голосов на выборах в Государственную Думу в декабре 2007 года составила 11,57%, реализовавшиеся в 57 мандатов, которые, впрочем, никак не могут повлиять на результаты голосований в нижней палате. На президентских выборах 2008 года Геннадий Зюганов получил 17,72 % голосов. На региональных выборах результаты коммунистов варьируются от 3% и меньше в субъектах РФ с абсолютно управляемым электоратом (Кемеровская область, Чеченская республика, весна 2009 г.) до 15% и больше в среднем по стране.

Массовые фальсификации и использование административного ресурса на выборах в Московскую городскую думу в 2010 г. привели к тому, что туда попали только 3 коммуниста и 32 члена доминирующей партии «Единая Россия». В знак протеста депутаты от КПРФ, вместе с представителями двух других парламентских партий, рассчитывавших получить места в МГД, демонстративно покинули зал заседаний Госдумы. Это был первый демарш такого рода за последние 10 лет.

В 2009 году КПРФ имела региональные отделения в 80 субъектах федерации¹⁵. Каждое региональное отделение управляется региональным (областным, городским и т.д.) комитетом во главе с первым секретарем. В партии запрещено создание

¹⁴Г.А. Зюганов: Нельзя, чтобы жизнь нашей страны сводилась к одному-двум трагическим годам, которые бывают в истории любого государства. Режим доступа: <http://kprf.ru/rus-soc/72550.html>

¹⁵Сайт Министерства юстиции РФ. Режим доступа: <http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/partii/Kommun>

фракций, что не предотвращает регулярно повторяющихся попыток раскола.

Учитывая, что среди членов КПРФ много пенсионеров, сокращение членской базы партии не выглядит удивительным. Если в 1999 г. в ней состояло примерно полмиллиона членов, то на июньском (2006) пленуме ЦК Геннадий Зюганов констатировал, что КПРФ насчитывает лишь 184 тысячи членов, объединённых в 14,7 тысячи первичных и 2,4 тысячи местных отделений. При этом партийцев старше 60 лет оказалось 48%, в возрасте от 30 до 60 лет — 43% и только 7% было моложе 30 лет. Лидеры партии признают, что основными задачами партии являются пополнение партийных рядов, их омоложение и подготовка кадрового резерва.

КПРФ, находясь в сложном положении оппозиции, которая не может перейти дозволенной черты и обязана соблюдать ожидаемую властью и, тем самым, необходимую долю лояльности, вынуждена жестко обходиться со своими региональными организациями, готовыми перейти такую черту, в том числе при организации акций протеста, контактах с либеральной или несистемной оппозицией. С 2007 года началась борьба верхушки руководства партии, прежде всего Г. Зюганова, с нелояльными организациями, претендующими на укрепление позиций и расширение полномочий, — петербургской и московской. Она велась под ностальгическим лозунгом борьбы с «неотроцкистами». Последние, к которым относился перспективный молодой политик Илья Пономарев, впоследствии вынуждены были покинуть партию. Осенью 2008 года на конференции Санкт-Петербургской городской организации КПРФ член Президиума ЦК С. Сокол не был избран членом горкома и делегатом 13 съезда партии, а также не был рекомендован в ЦК. После этого Центральная контрольно-ревизионная комиссия КПРФ обвинила руководство горкома в формировании фракционной идеологии и нарушении норм устава КПРФ и предложила Президиуму ЦК распустить горком и отменить полномочия делегатов съезда от СПбРО. Восемью голосами против шести Президиум ЦК поддержал это решение. Впервые за всю историю партии, начиная со времён РСДРП(б), делегаты от Санкт-Петербурга не попали на съезд¹⁶.

Летом 2009 года инициативу питерцев подхватили москвичи

¹⁶Кашин Б.С. Номенклатурный передел. — Сайт коммунистов Санкт-Петербурга. Режим доступа: <http://www.com-piter.ru/2266.htm>

— они обратились к региональным организациям с письмом, в котором утверждалось, что партия оторвана от трудящихся, а партийная номенклатура не несет ответственности перед рядовыми членами. Московские коммунисты призывали провести внеочередной съезд и переизбрать руководство. Больше всего претензий было к председателю КПРФ Геннадию Зюганову. Письмо нашло поддержку у ряда региональных отделений. Зюганов в свою очередь обрушился с жесткой критикой на «раскольников», ведущих «антипартийную политику»¹⁷, и предпринял соответствующие организационные меры. В итоге к лету 2010 года были «переформатированы» три «оппозиционных» региональных отделения: Московское, Санкт-Петербургское и Челябинское.

Незарегистрированные коммунистические и леворадикальные группы (АКМ, НБП, РКРП-РПК, КПСС и недавно созданный «РОТ Фронт»), участвуя в организуемых КПРФ массовых акциях, критически относятся к лояльным, с их точки зрения, зюгановцам. «Не потому мы с КПРФ отношения строим с трудом, что они нам не нравятся — мы бы только приветствовали, если бы КПРФ проводила коммунистическую линию. Нет, дело в том, что она вписалась в нынешнюю систему, ушла сейчас далеко вправо и работает на стабилизацию нынешней системы. КПРФ уже много лет сидит в Думе. А что эта партия сделала для народа? Она вольно или невольно, но работает на стабилизацию режима и, к тому же, удерживает людей от борьбы», — такова, например, официальная позиция объединенной Российской коммунистической партии — Российской партии коммунистов¹⁸.

Несмотря на видные невооруженным глазом последствия кризиса, коснувшиеся, правда, только отдельных российских регионов, КПРФ так и не смогла реализовать декларируемые цели — добиться «организации протестных масс трудящихся» и осуществить «поворот к социализму». Партия давно встроена в полностью подконтрольную Кремлю политическую систему и выполняет важные для последней политические функции: канализирует политический протест в «мирное русло» и запугивает ориентированных на рынок граждан возвратом в социалистическое

¹⁷См.: Введенская А. Красные диссиденты выходят из тени. — Независимая газета, 17.11.2009. Режим доступа: <http://www.ng.ru/politics/2009-11-17/1-dissidenty.html>

¹⁸За что борется РКРП-РПК. — Трудовая Россия, № 184-185. Режим доступа: <http://www.tr.rkrp-rpk.ru/get.php?150>; <http://www.tr.rkrp-rpk.ru/get.php?169>

прошлое. Сохраняя антизападные позиции, восхваляя Ленина и Сталина, коммунисты вполне «компартибельные» по отношению к нынешнему российскому режиму.

В случае консервации ситуации политическая ниша коммунистов в среднесрочной перспективе сохранится, но будет сокращаться. В случае либерализации («новой перестройки», второй волны демократизации), КПРФ будет вынуждена либо отказаться от своей двойной, «красно-коричневой», самоидентификации, либо уйти с политической арены.

«ЯБЛОКО»: легальная антисистемная оппозиция¹⁹

Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», созданная в качестве демократической альтернативы ельцинским реформам 90-х годов, по мере деформации системы и усиления авторитарных тенденций теряла свои позиции: число голосующих за неё избирателей снизилось с 7,86% в 1993 г. до 5,9% в 1999 г. Основатель и первый председатель партии Григорий Явлинский получил 7,36% на президентских выборах 1996 г. и 5,79% в 2000 г.

С момента основания партия не меняла свои программные позиции, оставаясь социально-либеральной, демократической гражданской партией европейской ориентации, критиковавшей криминальную приватизацию и предлагавшей альтернативы политического развития страны.

Именно поэтому по мере разворачивания процесса дедемократизации возможности ее влияния на принятие властных решений становились все меньше. Однако, парадоксальным образом, несмотря на отсутствие фракции в Государственной Думе (с 2004 г.), сокращение числа и, к 2010 г., полное исчезновение фракций в региональных парламентах, отказы в регистрации на выборах в ряде регионов (Карелия, Санкт-Петербург, Калужская и Свердловская области) партия, в отличие от соседей по «демократическому полю» (Республиканской, Социал-демократической и др. партий), не потеряла регистрации и не была «перформативирована» в подконтрольный Кремлю проект (как СПС).

Можно лишь гадать, какую роль эта единственная имеющая регистрацию демократическая оппозиционная партия играет в

¹⁹См. текущую информацию на сайте РОДП «ЯБЛОКО» (<http://www.yabloko.ru>).

планах кремлевской администрации, но ей удалось сохранить официальный статус, несмотря на отсутствие выхода в СМИ. Всё это время партия была в «черном списке» Первого и второго каналов телевидения, о ее деятельности можно было узнавать только по радио, в ряде печатных СМИ и Интернете.

В самой партии не прекращались дискуссии о возможности дальнейшего существования в легальном поле и сотрудничества с несистемной оппозицией («Другая Россия», «Солидарность») и с СПС — до расформирования последнего. Деятельность партии «ЯБЛОКО» трансформировалась в следующих направлениях:

- активизация сотрудничества с гражданским обществом;
- разработка альтернативных программных стратегий;
- изменение внутренней структуры, включая смену председателя;
- участие в выборах (там, где это было возможно);
- проведение уличных акций, в т.ч. несанкционированных.

В 2006 г., после вступления в «ЯБЛОКО» значительной части актива (включая знаковые фигуры) несостоявшейся партии «Зеленая Россия», организации «Солдатские матери» и правозащитников, в партии, в т.ч. на базе ее молодежного и гендерного объединений, были созданы фракции, получившие существенную автономию. Объединенная партия взяла курс на активное взаимодействие с общественными организациями и защиту интересов инициативных групп граждан.

К 2010 году в партии действовали восемь фракций, включая социал-демократическую, предпринимателей и пенсионеров (последняя не пыталась создать собственную партию, а, напротив, осталась на обочине при «переформатировании» Российской партии пенсионеров в «Справедливую Россию»). Фракции стали вполне эффективными инструментами взаимодействия с существующими НКО и инструментами аккумуляции интересов и представительства активных общественных групп. Часть из них действовала по принципам «персональной унии». Так, С. Ковалев, сопредседатель фракции правозащитников является председателем Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»; А. Яблоков, председатель фракции «Зеленая Россия» — ведущий российский эколог, лидер одноименного движения; Г. Михалева, председатель Гендерной фракции — сопредседатель Совета по консолидации женского движения России.

Новым направлением деятельности партии начиная с 2007 г.

стала работа с инициативными группами граждан, защищающими свои интересы, — помощь в формулировании их требований, организации общественных кампаний, акций протеста и представительства их интересов в органах власти. В значительном числе случаев такая работа давала эффект даже несмотря на отсутствие административного ресурса. Только в Москве партии удалось остановить более 100 уплотнительных застроек²⁰. Среди наиболее резонансных кампаний — борьба со строительством «газоскреба» в Санкт-Петербурге, с продлением срока полномочий Думы и президента, работой ЦБК на Байкале, поправками в закон о ФСБ, касающихся борьбы с экстремизмом.

Основные линии внутрипартийных конфликтов были связаны с алгоритмами взаимодействия сначала с СПС, затем с политическими НКО — не зарегистрированными политическими партиями. Основные претензии руководства и большинства членов партии «ЯБЛОКО» к «Другой России», «Национальной ассамблее» и «Солидарности», в которой участвовали лидеры ряда региональных отделений партии, сводились к тому, что эти организации:

- активно сотрудничали с НБП Э. Лимонова, идеология которой несовместима с социально-либеральной;
- вели в отношении партии кампанию критики;
- пытались осуществить «рейдерский захват» региональных организаций;
- придерживались тактики постоянной протестной активности при отсутствии стратегии развития;
- уклонялись от оценки политики 90-х, в том числе криминальной приватизации (последнее касается в том числе и РНДС М. Касьянова).

В то же время как внутри партии (в Санкт-Петербургской и Калужской региональных организациях, у ряда членов Бюро), так и среди части ее сторонников сохранялось представление о целесообразности объединения с СПС (до его самороспуска) и организациями несистемной демократической оппозиции.

В 2009 году на XV съезде была изменена структура партии, создан Политический комитет, куда, помимо Г. Явлинского, вошли известные политики и общественные деятели — И. Артемьев, Е. Дубровина, С. Иваненко, С. Ковалев, А. Яблоков и др. Председателем

²⁰Город удобный для жизни. Отчет и программа РОДП «ЯБЛОКО» на выборах в Московскую городскую думу. — М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2009. С. 75–76.

партии был избран С. Митрохин, ранее — зампреда, руководитель Московской организации партии и депутат Мосгордумы.

После съезда «внутренняя оппозиция» направила свою критику не только против позиции большинства, но и против нового председателя, который эту позицию персонифицировал.

На втором этапе того же съезда зимой 2009 года партией был принята резолюция «О двойном членстве», обязывавшая членов партии, состоящих в других политических организациях (имелась в виду прежде всего «Солидарность»), в течение трех месяцев выйти из них, объявив об этом публично; в противном случае они лишались членства. Подавляющее большинство, включая актив Санкт-Петербургской организации, выбрало последний вариант.

Не потеряв регистрацию, партия, вместе с тем не имеет возможности полноценного участия в электоральном процессе (за исключением выборов муниципального уровня) и действует как общественная организация, все чаще используя акции протеста, в том числе несанкционированные.

Усиливается силовое давление на наиболее активных членов партии. В 2007 году во время избирательной кампании был убит лидер Дагестанского отделения партии Фарид Бабаев. Тюремные сроки по фальсифицированным обвинениям получили председатели Ульяновского и Пензенского отделений. На семь лет условно за жесткую критику главы региона был осужден член Политического комитета партии В. Попов (Карелия), пять лет условно получил зампред Московской организации И. Большаков, которого обвинили в сопротивлении милиции во время акции против уплотнительной застройки. Ряд активистов молодежной организации партии включены в списки экстремистов (Пенза, Омск). Аналогичное обвинение было предъявлено Саратовской и Краснодарской организациям за распространение ими партийной литературы. Все более жесткими методами проводится задержание активистов на митингах и пикетах.

В то же самое время часть руководства партии занимает важные государственные посты: И. Артемьев — глава Федеральной антимонопольной службы (по статусу сходной с министерством), Е. Дубровина — член ЦИК, Е. Бунимович — уполномоченный по правам человека в г. Москве. Партия сохраняет тесные связи с одним из ее основателей — Уполномоченным по правам человека РФ В.П. Лукиным. Время от времени проходят встречи руководства партии с президентом РФ, председателя партии «ЯБЛОКО»

С. Митрохина приглашают для выступлений на заседания Госсовета. Весной 2010 г. впервые после долгого перерыва Г. Явлинский был приглашен на передачу Первого канала «Познер».

В случае частичной либерализации, в первую очередь отмены подписей и допуска в СМИ, у партии «ЯБЛОКО» появятся шансы сохранить статус партии. В случае ужесточения режима партия окажется перед необходимостью отказа от участия в выборах и юридического статуса.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НКО, ИНИЦИАТИВНЫЕ ГРУППЫ ГРАЖДАН И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОППОЗИЦИЕЙ

После ужесточения условий работы третьего сектора (как следствия принятия нового закона о некоммерческих организациях) возник целый пласт политических НКО — организаций и движений, которые в «нормальных» условиях, пусть и с некоторыми ограничениями, были бы заняты участием в выборах, формулированием политических альтернатив и попытками овладеть властными позициями, т.е. выполняли бы партийные функции. Сейчас же все они превратились в несистемную оппозицию, сосредоточив усилия на противостоянии режиму посредством организации несанкционированных протестных акций.

В этой группе оказались даже, казалось бы, относительно умеренные и ранее встроенные во власть лидеры (Б. Немцов, М. Касьянов).

Во взаимодействии общественных организаций и оппозиционных партий существовало несколько разных направлений:

1) Попытки правозащитных организаций создать собственные партии — «Единая народная партия солдатских матерей», «Зеленая Россия», правозащитники (инициатива Л. Пономарева). Все эти попытки закончились безуспешно и прекратились после ужесточения законодательства. При этом часть упомянутых групп — солдатские матери, экологи и правозащитники — вступили в «ЯБЛОКО», образовав там собственные фракции.

2) Создание широких коалиций, включающих не только правозащитные организации, но и партии, общественные движения, известных политиков. По инициативе неформальной ассоциации «За право выбора» (в нее вошел ряд влиятельных НКО, участвовавших в совместной подготовке судебных исков по результатам выборов 2003 г., включая МХГ и ассоциацию «Голос»), в декабре 2004 г. был созван Всероссийский гражданский конгресс

(ВГК), «политическим крылом» которого должна была стать «Другая Россия». ДР была учреждена летом 2006 года и объединила как правых, так и левых радикальных оппозиционеров. После фактического развала обоих объединений в начале 2008 года примерно в том же составе была создана «Национальная ассамблея», также быстро прекратившая свое существование. Наконец, в 2008 году было создано движение «Солидарность», объединившее либерально ориентированные организации, а также бывших членов РОДП «ЯБЛОКО» и СПС.

3) Попытки представителей НКО стать посредниками в деле «объединения демократической оппозиции» — сначала в рамках «Комитета—2008», затем ВГК. Из-за попыток ряда лидеров (Г. Каспаров, Л. Пономарев) использовать их в качестве политического ресурса эти проекты также потерпели неудачу.

4) Поиск партиями союзников среди НКО и использование их сетей для организации массовых мероприятий (марши в защиту свободы слова, антифашистские марши, митинги, пикеты). При этом КПРФ и «ЯБЛОКО» объявили это направление своей стратегической задачей уже в 2004 году. СПС стал развивать усилия в данном направлении только в 2006 году, спонсируя антифашистские и правозащитные мероприятия, а в 2007—2008 году участвуя в «маршах несогласных» (это имело для партии фатальные последствия — ее принудили к самороспуску и объединению в новую административную псевдооппозиционную партию).

С введением ограничений на массовые мероприятия политические организации всех направлений все чаще прибегают к несанкционированным акциям, на которые власти отвечают выборочным применением насилия, с одной стороны, и активизацией уличной активности прокремлевских молодежных объединений, с другой.

Противоречивость и непрозрачность этих процессов напоминают массовые зонтичные объединения периода перестройки (1987—1990 гг.). Как и тогда, взаимодействие организаций в значительной степени определяется позициями лидеров и неформальным характером сотрудничества. Как и тогда, неизбежны конфликты и расколы, обусловленные разнонаправленностью интересов индивидуальных акторов и отсутствием институционального регулирования в этой сфере.

Реакцией власти на рост несанкционированной активности стало создание «сверху» массовых молодежных движений, выполняющих одновременно несколько функций:

- превентивная мобилизация сил против возможной «оранжевой угрозы»;
- демонстрация массовой поддержки президенту и его премьернику;
- профилактика роста оппозиционных настроений среди молодежи.

Подобные движения создавались не только федеральной («Наши», «Молодая гвардия Единой России», «Новые люди»), но и региональной властью («Местные», Московская область). «Побочные эффекты» этих проектов были осознаны на рубеже 2007—2008 гг. Движения действовали бесконтрольно, все чаще прибегая к насилию. Кроме того, стало очевидно, что «оранжевая опасность» сильно преувеличена. Финансирование движения «Наши» было сокращено, а само оно практически расформировано. Но в 2009—2010 гг. — видимо, в связи с участвовавшими протестными акциями социального и политического характера (в т.ч. в защиту 31 статьи Конституции, гарантирующей свободу собраний) «Молодая гвардия» и ее клоны активизировали деятельность. Были, в частности, проведены пикет у квартиры правозащитника и журналиста Александра Подрабиника, акции, приуроченные ко Дню Победы и т.п.

Однако от самой идеи создания подконтрольных организаций власти не отказались. Более того, для удобства управления как уже существующими, так и вновь создаваемыми организациями сформирована управленческая вертикаль общественных палат в центре и на местах.

В отношении НКО, выражающих оппозиционные настроения или участвующих в оппозиционных объединениях, помимо законодательных ограничений все активнее применяются несколько стратегий:

- давление на лидеров, вплоть до судебных преследований по основаниям, не имеющим политического характера (уклонение от налогов, попытки подкупа, клевета, хулиганство и т.д.);
- дискредитация движений и их лидеров в наиболее популярных СМИ, в первую очередь на федеральных телеканалах, по двум основным направлениям — зависимость от Запада вообще и от беглых олигархов, честности и неспособность сделать что-то общественно значимое.

При этом у представителей оппозиционно настроенных организаций остается возможность выступать в малотиражных СМИ, в Интернете и на радио.

СТРАТЕГИЯ ВЛАСТИ И СУДЬБА ОППОЗИЦИИ И ПСЕВДООППОЗИЦИИ

Противоречивость, разновекторность политического курса, проводимого властью в преддверии предстоящего федерального избирательного цикла 2011–2012 гг., позволяет лишь «сценарно» прогнозировать будущее российской оппозиции и псевдооппозиции.

Осуществление сценария «Свобода лучше, чем несвобода» (лозунг, озвученный президентом Д. Медведевым) будет означать ослабление институционального и неинституционального давления на системную и несистемную оппозицию: дальнейшее, а не имитационное смягчение избирательного законодательства и закона о политических партиях, в первую очередь отмена сбора подписей для партий, не представленных в парламенте, и допуск непарламентской оппозиции на основные телеканалы. Сюда же относится смягчение (отказ от ужесточения) норм, связанных с ограничением форм гражданских протестов. Неинституциональные изменения будут означать отказ региональных и местных властей от давления на оппозицию и преследования гражданских активистов, готовность к диалогу с ними как представителями общества, организацию своего рода «круглых столов» власти и общества.

Возможные последствия этого сценария:

- утрата «Единой Россией» доминирующих позиций;
- эмансипация псевдооппозиции;
- увеличение шансов для оппозиционных партий;
- активизация оппозиционных политических движений.

Продолжение политики «ручного режима», сочетающей «кнул и пряник», приведет к тем же политическим последствиям. Если же авторитарные тенденции будут усиливаться, места для независимой оппозиции в российской политике не останется. Вместе с тем увеличатся риски для правящей группы, а именно:

- существенно радикализируются политические движения, усилится использование ими «подрывных стратегий»;
- радикально политизируются гражданские инициативы;
- возрастет применение ответного насилия со стороны граждан и оппозиционных организаций.

Для решения задач модернизации и создания современного государства необходимы существенные изменения в политической системе, прежде всего возвращение к конституционным нормам, включая выборность и реальную, а не искусственную многопартийность. Это позволит оппозиции выполнять свои функции в легальном политическом поле.

Попова О.В.

ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ

В российской политической науке пристальное внимание уделяется проблеме взаимодействия власти и оппозиционных сил²¹. Основное внимание исследователей привлекают такие темы, как особенности становления оппозиционных партий и политических движений²², технологии, используемые оппозицией для приобретения сторонников²³, опыт становления оппозиционных блоков в 1990 — начале 2000-х годов²⁴. И, хотя Интернет-блоги и сай-

²¹Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. — М.: Росспэн, 1995; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (к «совершеннолетию» российской оппозиции). — Власть, 2007, № 4. С. 3-9; Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ: Теория, история, методология. Автореферат докт. дис. — М., 2005; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникация и ее генеральная пара: власть и оппозиция // Теория и практика общественно-научной информации. — М., 2005. Вып. 19. С. 134-145; Чуланов Ю.Г. Власть и политическая оппозиция в современной России. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 1999.

²²Архангельский А. Есть ли будущее у оппозиции в России? — Знамя, 2008, № 11. С. 142-151; Борисенко А.В. Становление и развитие политической оппозиции в современной России: общефедеральные черты и региональные особенности. Автореферат канд. дис. — Ставрополь, 2008; Мусина Л.М. Политическая оппозиция в постсоветской России: этапы и особенности становления. Автореф. канд. дис. — Уфа, 2005.

²³Вожеватов М. В. Социально-политические особенности деятельности субъектов оппозиции в регионах современной России: на примере Южного Федерального округа. Автореферат канд. дис. — М., 2006; Воскресенский А.Е. Политическая оппозиция после выборов 2003-2004 гг.: новые вызовы — М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004; Громов Д.В. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения. — Этнографическое обозрение, 2008, № 1. С. 19-29; Саенко Г.В. Оппозиционная деятельность в России: технологии и механизмы реализации (90-е годы XX века). — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2006.

²⁴Дадияни Л.Я. О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил, 1989-1996 гг. — М.: Изд-во Ин-та социологии, 1997; Жуков А.А. Левоцентристская многопартийная оппозиция в России в 1991—1997 гг. — М.: МИИТ, 1999; Жуков А.А. Формирование, развитие и деятельность российской многопартийной политической оппозиции в 1991-1997 гг. — М., 1999; Змановский Г.Р. Политическая оппозиция в современной России: теоретический анализ. Автореферат канд. дис. — Екатеринбург, 2003; Исаков А.И. Политическая оппозиция в современной России.

ты оппозиционных политических объединений пестрят информацией о деятельности неофициальной оппозиции, собственно научных публикаций по этой теме, которые исчерпывающе объясняли бы тенденции развития политической оппозиции как компонента формирования политически плюралистического государства, явно недостаточно. Лишь некоторых авторов волнует тема формирования несистемной политической оппозиции в нашей стране²⁵. И очень немногие политологи затрагивают те или иные аспекты деятельности институтов власти в отношении оппозиции, рассматривая их с точки зрения оценки стратегий действия сторон²⁶. Если проблема отношения «власть — официальная парламентская и непарламентская оппозиция» исследуется достаточно подробно²⁷, то тема отношения власти к оппозиции несистемной является, по мнению российских политологов, либо слишком очевидной и не требующей внимания, либо табуированной. Таким образом, актуальным является вопрос об определении характеристик несистемной оппозиции.

Является ли характеристика «несистемная» признаком, фиксирующим крайне негативное отношение этих организаций к существующему политическому режиму, или это — лишь свидетельство того, что относящиеся к ней структуры не вписаны в систему представительства интересов и не могут принимать участие в выработке государственных политических решений или влиять на них? Считать ли несистемную оппозицию иллегальной или нелегальной? Проблема осложняется и тем, что к ней относятся и партии, не прошедшие государственную регистрацию типа НБП, и общественные организации типа «Солидарности»,

Автореферат канд. дисс. — Кострома, 2000. Фоменков А.А. Процесс формирования российской объединенной право-левой оппозиции в первой половине 1990-х гг. — Вестник Нижегород. ун-та. Сер.: «История. Политология. Междунар. отношения», 2005, вып. 1. С. 270—280.

²⁵Симаков М.Ю. Внесистемная оппозиция. — М.: б. и., 2006.

²⁶Кузьминых Н.В. Участие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в защите прав и свобод субъектов оппозиционной деятельности. — Современное право, 2007, № 11. С. 31—36; Кузьминых Н.В. Оппозиционная деятельность в Российской Федерации: к вопросу о принятии федерального закона. — Современное право, 2007, № 6. С. 37—46.

²⁷Метлушенко М.В. Детерминанты политических конфликтов оппозиционных структур и властных элит в современном гражданском обществе России. Автореферат канд. дис. — Ростов-на-Дону, 2009; Сергеев С.А. Политическая оппозиция в современной России: Федеральный и региональный аспекты. Автореферат докт. диссертации. — Казань, 2005.

которые по сути являются политическими, однако на статус партии не претендуют и в выборах не участвуют.

Современная российская несистемная оппозиция представляет собой набор из нескольких десятков очень разнородных с точки зрения политических идей небольших групп — от правых радикалов-националистов и весьма умеренной либеральной оппозиции до левых национал-большевиков. Эти группы объективно играют различные роли в отношении существующего политического режима. Но если радикальные левые и правые националистические группы не могут устраивать действующую политическую власть, то либеральные организации и движения, которые объективно представляют интересы примерно 15% жителей крупных городов и 7–8% населения страны в целом, обладающих либеральными ценностями и установками, вполне могут быть вписаны в системную парламентскую оппозицию.

Вместе с тем в отношении всей несистемной оппозиции проводится политика прямого или косвенного преследования безотносительно того, представляет ли та или иная структура (организация, движение) реальную опасность для стабильности политического режима и безопасности страны. Оговоримся, что действия силовых структур в отношении участников двух несанкционированных акций, представляющих левую и либеральную несистемную оппозицию, в Санкт-Петербурге в мае 2010 года, не являются показательными²⁸. Официальный политический дискурс в России (см., например, текст беседы Д. А. Медведева с руководителями трех основных федеральных телеканалов об итогах года от 24 декабря 2009 г.) свидетельствует о признании значительности личностей некоторых лидеров несистемной оппозиции при полном игнорировании требований и программных установок этих организаций.

В целом набор возможных тактик властных институтов можно свести к пяти вариантам:

1. Игнорирование несистемной оппозиции. Эта стратегия считается проявлением сильной позиции власти. Она направлена на снижение статуса оппозиционеров: «то, о чем не говорят

²⁸В одном случае несанкционированный митинг был разогнан, в другом случае разогнали лишь представителей НБП, позволив представителям либеральных групп спокойно пройти от Дворцовой площади к Медному всаднику и там провести акцию. Однако на основании одного случая нет никаких оснований делать вывод об изменении отношения власти к несистемным либералам.

СМИ, не существует». Власть предпочитает стратегию игнорирования несистемной оппозиции в тех СМИ, которые имеют миллионную аудиторию, но в отношении реальных массовых действий такая стратегия рассматривается как попустительская и не только не приветствуется, но почти не встречается на практике (достаточно посмотреть на статистику арестованных в ходе так называемых несанкционированных акций, в том числе в «Маршах несогласных» и «Русских маршах»).

2. Переадресовка требований в другие властные структуры. Эта стратегия предполагает некоторое снижение статуса института власти и, более того, допускает совместное участие в акциях. Совершенно очевидно, что такую стратегию теоретически могли бы использовать парламентские оппозиционные партии, но никак не органы власти.

3. Согласительная тактика: установление диалога, привлечение политических противников к переговорам, участию в совместных проектах и принятие требований оппозиции с целью урегулирования конфликта.

4. Насильственные действия. Эта стратегия жесткой конфронтации, использования силового воздействия на оппозицию, прежде всего, организаторов протестной акции. Она считается наиболее предпочтительной при наличии у властных институтов значительных ресурсов.

5. Агитационные кампании, в которых проявляется стратегия «сохранение status-quo», которая предполагает затягивание переговоров, убеждение, обещания, разъяснения.

Если проводить оценку приемов властных институтов, применяемых в отношении несистемной оппозиции, то следует признать их значительное однообразие. Ставка делается преимущественно на комбинацию двух стратегий — замалчивания и силового воздействия. Однако очень многое, если не все, зависит от «ручного управления» ситуацией, осуществляемого «первыми лицами» государства. Например, через два дня после показанной по всем телеканалам 29 мая 2010 г. встречи национального лидера в Михайловском театре, когда в ответ на вопрос Шевчука В. В. Путин крайне неопределенно ответил, будут ли разгоняться «несогласные», в Москве задержали 150 участников акции протеста, в Санкт-Петербурге — 50²⁹. В Кемерово участников мар-

²⁹Диалоги о свободе. — Русский Newsweek, 2010, № 24. С. 4.

ша разогнали, а в Ростове-на-Дону и Владивостоке — нет³⁰. Подобная ситуация довольно типична, достаточно проследить динамику задержания представителей несистемной оппозиции на акциях протеста в последние годы только в Москве (табл. 1).

Таблица 1
Количество участников маршей протеста в Москве*

Дата	Название марша (место проведения — Москва)	Политическая ориентация оппозиции	Количество участников	Количество задержанных
4 ноября 2005 г.	«Русский марш»	Националисты	4000	3
4 ноября 2006 г.	«Русский марш»	Националисты	3000	300
16 декабря 2006 г.	«Марш несогласных»	Либералы +НБП	2500	300
14 апреля 2007 г.	«Марш несогласных»	Либералы +НБП	2500	250
11 июня 2007 г.	«Марш несогласных»	Либералы +НБП	1500	10
7 октября 2007 г.	«Марш несогласных»	Либералы +НБП	1500	0
4 ноября 2007 г.	«Русский марш»	Националисты	5000	0
24 ноября 2007 г.	«Марш несогласных»	Либералы +НБП	1000	40
3 марта 2008 г.	«Марш несогласных»	Либералы +НБП	150	40
4 ноября 2008 г.	«Русский марш»	Националисты	1500	500
14 декабря 2008 г. ³¹	«Марш несогласных»	Либералы («Другая Россия») НБП	200 30	всего 90

* Источник: Националистов разогнали за несогласие // Коммерсант-власть. 2008. №44 (798). 10 ноября. С. 22.

Со стороны федеральной власти практически отсутствует демонстрация хотя бы ритуального внимания к мнению, выражаемому несистемной оппозицией, — политика игнорирования

³⁰Камышев Д. Видишь ли, Юра... — Коммерсантъ-Власть, 2010, № 22 (876). С. 25.

³¹В Санкт-Петербурге марш несогласных был разрешен без флагов и лозунгов (нонсенс!!!). Естественно, лозунги были. В результате из сотни участников акции задержали 60 человек. Как видно из приведенных в таблице данных, стало чуть ли ни традицией арестовывать около трети манифестантов.

в данном случае рассматривается институтами власти, и небезосновательно, как демонстрация собственной силы.

Фактическое отсутствие дифференцированной политики федеральных и региональных институтов исполнительной власти по отношению к несистемной оппозиции определяется следующими факторами:

а) резким снижением политической конкуренции в политической жизни страны в последнее десятилетие;

б) принципиальным изменением законодательства таким образом, что в разряд несистемных попадают практически все структуры, в легитимном существовании которых не заинтересована исполнительная власть;

в) специфическими характеристиками самих несистемных организаций.

Российское выборное законодательство ориентировано на ограничение числа участников электорального процесса, стабилизацию списка партий—системных игроков, фактическую невозможность превращения несистемной оппозиции в системную без прямой санкции высших органов власти. Отказ оппозиционной структуры «играть по установленным правилам» политической системы фактически влечет за собой маргинализацию организации и достаточно часто проявляется в склонности к радикальным действиям.

Практика прямого запрета и преследований в отношении этих движений/организаций является явно избыточной, поскольку вероятность усиления несистемной оппозиции в современной России фактически нулевая. Это объясняется как внешними обстоятельствами (сохранение стабильности исполнительной власти в условиях экономического кризиса; ориентированность социально активных групп на реализацию своих интересов в рамках существующей системы и легитимных практик; акции протеста зимой—весной 2010 г. с политическими требованиями в силу отсутствия значительного общественного резонанса), так и ее собственными характеристиками. Среди общих, наиболее существенных признаков несистемной оппозиции в современной России следует отметить следующие.

Во-первых, наличие более четкой идеологической позиции на шкале «правые—левые», чем у парламентских партийных организаций;

Во-вторых, присутствие в ее структуре «оппозиционной но-

менклатуры», которая используется властью для демонстрации демократичности российского политического режима;

В-третьих, осознание самими представителями несистемной оппозиции явной недостаточности материальных, социальных и политических ресурсов и, как следствие, подчас отсутствие реального стремления получить власть, ограничение своих притязаний уровнем морального лидерства в какой-либо политической субкультуре; отсутствие реальной политической ответственности, ведущее к тому, что лидеры несистемной оппозиции оказываются заинтересованными в сохранении существующего статуса;

В-четвертых, постепенное снижение как общего числа сторонников, так и участников отдельных акций вследствие ставки лидеров несистемной оппозиции на узкий слой политических активистов, а не на активных в социальном плане людей;

В-пятых, низкий уровень доверия к несистемной оппозиции со стороны граждан;

В-шестых, карнавальный, подчас фарсовый характер политических акций (например, арт-проекты Коммунистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, направленные на критику концертов Мадонны, цветной версии «17 мгновений весны», вечеринки «Русского пионера» на крейсере «Аврора» и т. д.), информация о которых размещается преимущественно в блогах и редко посещаемых сайтах в Интернете. Виртуализация политической активности несистемной оппозиции;

В-седьмых преувеличенные политические амбиции политических лидеров, препятствующие объединению политических инициативных групп, движений, несистемных партий. Исключения лишь подтверждают общее правило. Например, так называемый «Пакт 8 июня», подписанный в июне 2008 г. на конференции «Новый политический национализм» незарегистрированной партией «Великая Россия», известным уличными акциями Движением против нелегальной иммиграции (ДПНИ), русским освободительным движением «Народ» и Русским общественным движением, к реальным изменениям в стратегии действий правых групп не привел.

В-восьмых, отсутствие реальной территориальной привязки «точек роста» активности, поскольку ставка делается преимущественно на разовые выступления либо в крупных городах в центре РФ, либо в виртуальном пространстве.

В-девятых, общая системная деградация, превращающая организации в движения «одного интереса».

Отсутствие реальной политической ответственности у этих групп ведет к тому, что лидеры несистемной оппозиции оказываются подчас заинтересованными в сохранении существующего положения дел. В результате низкого уровня доверия к несистемной оппозиции со стороны граждан наблюдается постепенное снижение как общего числа сторонников, так и участников отдельных акций («Марш несогласных», «День народного гнева», «Русский марш» и т. д.). Направленность их действий имеет подчас деструктивный характер, совместные акции проходят обычно под лозунгами «против». Отсутствие привлекательной программы «за» уже не отвечает потребностям российского общества — подобная ситуация вполне хорошо вписывалась в политические реалии начала 1990-х годов, но никак не в политическую ситуацию 2010-х годов, когда в политику постепенно вливается новое поколение.

Вследствие «политики самоцензуры» в СМИ информация о несистемной оппозиции значительно ограничивается, а сведения о ее акциях размещается преимущественно в сегментах Интернета с невысокой долей пользователей. Ставка делается преимущественно на разовые выступления в крупных городах в центре РФ. Фактически единственным эффективным для несистемной оппозиции способом стать ньюсмейкером и привлечь внимание масс на сегодняшний день остается участие в несанкционированных акциях протеста, которые привлекают внимание журналистов. Попытки легального политического участия хотя бы в выборном процессе оказываются невозможными вследствие использования предвыборных юридических технологий «снятия с дистанции по суду».

Политика преследования осуществляется как с помощью прямых методов, например, систематических запретов на проведение массовых акций протеста, так и косвенных, например, невозможности получить поддержку несистемными политическими организациями со стороны легальных оппозиционных партий. Последнее определяется тем, что одно из наиболее жестких табу для парламентской оппозиции — контакты, совместные проекты, неформальные политические практики с оппозицией несистемной (например, отказ от участия в «Марше несогласных» представителей парламентской оппозиции, недопущение участия в акциях протеста, организованных КПРФ, представителей движения «Солидарность»). Неразвитость контактов и связей меж-

ду парламенскими и оппозиционными непарламентскими структурами в настоящее время объясняется тем, что первые позиционируют себя не только и не столько как оппозицию, сколько преимущественно как системную и конструктивную политическую силу.

Отсутствие реальных попыток объединения несистемной либеральной оппозиции с системной отчасти связано с тем, что оппозиционные парламентские и непарламентские партии фактически не имеют самостоятельных ресурсов для увеличения «политического веса» в партийной системе³². Скрытой, но важной темой конкуренции оппозиционных системных и несистемных политических организаций является усиление социальной базы или увеличение устойчивого электората. Ни одна из них не может претендовать на то, чтобы «откусить» часть группы поддержки у «партии власти»³³. Возникает парадоксальная ситуация, когда и у коммунистического, и у либерального электората перспектива почти однозначная — голосовать за КПРФ и «Правое дело», даже если эти партии не устраивают избирателей с точки зрения адекватности представительства их интересов. Или превращаться в стойких абсентеистов, сочувственно относящихся к несистемной оппозиции соответствующего политического «окраса».

Вместе с тем реального внимания властей требуют националистические группы, которые делают ставку на рост числа сто-

³²Дорожкин Ю.Н., Мусина Л.М., Шкель С.Н. Политическая оппозиция в постсоветской России. — Уфа: БАГСУ, 2007; Кара-Мурза С.Г. Оппозиция как теневая власть. — М.: Алгоритм, 2006; Кара-Мурза С.Г. Оппозиция: выбор есть. — М.: Алгоритм, 2006; Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2009; Россия Путина: руины и ростки оппозиции. — М.: Панорама, 2005; Танова А.Г. Легальная оппозиция в политическом процессе современного российского общества. Автореферат канд. дис. — СПб., 2003; Кислицын С.А., Кривчук И.А. Демократическая и коммунистическая оппозиции в России как субъекты формирующегося гражданского общества. — Социология власти, 2008, № 4. С. 201—208; Курбанов А.Р. Оппозиция как субъект политического процесса: на примере России. Автореферат канд. дис. — М., 2009; Сергеев С.А. Готовность к протесту: массовая политическая оппозиционность в общественном мнении // Современные тенденции общественно-политического развития Российской Федерации. — Казань, 2006. С. 89—99.

³³Малугин С.Б. Политическое позиционирование коммунистической оппозиции в России в электоральных циклах 1999-2008 годов. Автореферат канд. дис. — М., 2009; Черняховский С.Ф. Коммунистическая оппозиция в современной России: генезис, противоречивость, перспективы. Автореферат докт. дис. — М., 2007; Черняховский С.Ф. Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. — М.: Изд-во МНЭПУ, 2003; Эйдман И. Оппозиция в России может быть только новой и левой. — Коммунист, 2008, № 2. С. 102—109.

ронников, прямую агитацию и игнорируют легальные методы политической борьбы, реально подрывая легитимность политического режима и политическую стабильность в стране. Можно назвать Национал-державную партию России (НДПР) (Александр Севастьянов, Станислав Терехов), Национал-социалистическое движение «Славянский союз» (СС), Народно-национальную партию России (ННПР), Партию свободы (ПС), Русский общенациональный союз (РОНС), Русское национальное единство (РНЕ) (Лалочкиных), Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) (Александр Поткин (Белов), Национал-социалистическое общество (НСО). Большинство из них организовано по «сетевому» принципу, опробованному некоторыми ультраправыми объединениями в ряде зарубежных стран. По оценкам экспертов, «власть беспокоится за свой авторитет и реагирует на эпизоды ультраправого террора в большинстве случаев уже постфактум, не успевая и фактически не проводя профилактических мер борьбы с ростом ксенофобных преступлений»³⁴.

Опасность заключается в том, что со временем идеологический, интеллектуальный и образовательный уровень участников и, прежде всего, руководителей подобных организаций возрастает. Существует опасность перевода их акций в плоскость политического террора, носящего все более жестокий и демонстративный характер, сопровождающийся политическими провокациями, а подчас и спланированными и подготовленными убийствами.

Вероятно, более дифференцированный подход к несистемной оппозиции позволит, с одной стороны, обеспечить стабильность политическому режиму в современной России, с другой стороны, сделает представительство интересов более полным.

³⁴Кузьмин А.Г. Ультраправые скинхеды в современной России: эволюция политической идеологии и практики. — Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2010, Т. 6, № 1. С. 160.

Римский В.Л.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И СТРАТЕГИИ НИСХОДЯЩЕГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Граждане современной России относятся к политическим партиям как к социальному институту скорее негативно, чем позитивно. В частности, в опросе населения, проведенном фондом «Общественное мнение» в 2007 году (респондентам были заданы открытые вопросы, на которые те могли дать собственные ответы), на вопрос, в чем заключается польза, приносимая нашей стране политическими партиями, 60% опрошенных затруднились ответить, а ещё 20% уверенно заявили, что никакой пользы политические партии не приносят. Другая половина ответов вообще относилась не к политическим партиям, а к органам исполнительной и законодательной власти, от деятельности которых респонденты ожидали позитивных для общества результатов, либо описывала формальные характеристики того, что политические партии что-то делают («заседают», «что-то пытаются» и т.п.). И лишь немногие участники опроса указывали, что польза от политических партий заключается в их влиянии на политическую систему страны, в частности, в поддержке плюрализма мнений (2%), межпартийной конкуренции (2%), в возможности принятия объективных решений по итогам межпартийных споров (1%), в наличии у избирателей выбора (1%), в том, что партии поддерживают демократию (1%) и т.д.³⁵

На второй вопрос — в чём заключается наносимый партиями вред — затруднились с ответом 51% респондентов и лишь 2% заявили, что вреда от партий нет. Остальные респонденты обвиняли

³⁵Политические партии в жизни России. Фонд «Общественное мнение», опрос населения, 05.04.2007. Опрос населения проводился в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 31 марта - 1 апреля 2007 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424>

политические партии в бездействии и неэффективности (11%), в паразитизме и расточительстве бюджетных денег (7%), в безразличии к людям (6%), в корыстолюбии (6%), в лживости (3%) и т.д. При этом примерно 8% респондентов отмечали как негатив стремление партий к власти, их постоянное участие в межпартийной борьбе за власть³⁶.

К сожалению, после 2007 года фонд «Общественное мнение» либо не проводил аналогичные опросы, либо их результаты не были выложены в открытый доступ. Но по результатам опроса 2007 года³⁷ можно сделать вывод, что большинство граждан не следят за деятельностью партий, не разбираются в специфике их роли и места в политической системе. Именно поэтому большинство респондентов затруднялись с ответами. Однако то явное меньшинство граждан, которые находили возможным ответить на эти вопросы, фактически подтвердило низкую значимость политических партий в системе принятия политических и государственных решений, а также их ориентацию на решение собственных проблем в конкуренции друг с другом, а не на решение проблем государства и общества.

Российские граждане не всегда могут рационально объяснить такое отношение к политическим партиям, но большинство из них, основываясь на здравом смысле и интуиции, отмечают действительно значимые тенденции в деятельности политических партий. В частности, современные российские политические партии своей деятельностью способствуют скорее не решению социальных проблем, а их углублению, не подъёму российской экономики, а её упадку. И для такого вывода существуют объективные основания.

В современной российской экономике формируется постиндустриальный сектор, позволяющий существенно повысить эффективность индустриального и аграрного секторов. Такому развитию способствует довольно высокий уровень открытости экономики, определяемый её сырьевой направленностью, а, следовательно, необходимостью высокого уровня импорта товаров массового спроса или привлечения иностранных производителей на территорию России. Доходы российского государственного бюджета во многом определяются объёмом экспорта сырьевых

³⁶Там же.

³⁷Там же.

товаров, который обеспечивает привлечение в нашу страну иностранных валют и формирование золотовалютных резервов государства. Поэтому ограничение открытости российской экономики не соответствовало бы сегодня интересам ни органов власти, ни элитных групп, которые за счёт экспорта сырьевых товаров поддерживают довольно высокий уровень жизни, во многом соответствующий развитым странам мира.

Открытость российской экономики способствует развитию в ней как производства постиндустриальных продуктов, в первую очередь информационных, так и различных услуг, потребителями которых становятся не только материально обеспеченные социальные группы, но, постепенно, и менее обеспеченные слои граждан.

В современной России развиваются такие постиндустриальные отрасли, как туризм, рекреационный и ресторанный бизнес, бизнес в сфере дизайна и моды, логистический бизнес, аудит, маркетинг и консалтинг, предоставление услуг на рынках ценных бумаг, информационные технологии и мобильная связь. Эти отрасли экономики поддерживают развитие связанных с ними социальных групп — как непосредственно занятых в данных отраслях, так и тех, которые постоянно пользуются их продуктами и услугами.

Развитие постиндустриальных секторов существенно отличается от развития индустриального и аграрного секторов. Социальные группы производителей постиндустриальных продуктов и услуг, как правило, являются и владельцами средств соответствующих производств. Особенно это заметно в сфере информационных технологий, где производство обеспечивается использованием небольшого числа компьютеров с доступом в интернет. В постиндустриальных отраслях в силу высокого уровня автоматизации производства и низкой стоимости копирования образцов не требуются большие производственные площади, сложные станки и оборудование, высокие затраты энергии. При минимуме затрат постиндустриальное производство позволяет получать огромное число копий, удовлетворяя постоянно растущий потребительский спрос. В постиндустриальном производстве производители вынуждены вкладывать наибольшие интеллектуальные, финансовые и другие ресурсы в создание образцов для копирования или тиражирования. Поэтому в постиндустриальных отраслях экономики столь велико значение таких нематериальных

активов, как научные знания, основанные на них технологии, репутации и бренды производителей, без которых невозможно создать новый образец, а потом продать его копии в высококонкурентной среде. Именно поэтому для успеха в постиндустриальных секторах необходимо владеть правами на созданный образец и средствами его копирования или тиражирования. И именно поэтому производители постиндустриальных продуктов и услуг почти всегда являются и обладателями прав на эти продукты и лицензий на предоставление таких услуг. А вследствие сравнительно небольших затрат на тиражирование и распространение образцов постиндустриальные производства приносят существенно более высокие прибыли, чем индустриальные и тем более аграрные.

Но данные особенности постиндустриальных отраслей экономики существенно снижают количество занятых в производстве людей. Образцы создают очень немногие высококвалифицированные специалисты. Именно они имеют наибольшие возможности для самореализации, превращающейся в одну из наиболее значимых, но мало доступной для большинства его членом ценностей современного российского общества. Причина в том, что для автоматизированного копирования или тиражирования образцов не нужно много наёмных работников, а их квалификация не обязательно должна быть высокой. И это при том, что ценность самореализации постоянно пропагандируется в средствах массовой информации (особенно на телевидении и в интернете) демонстрацией образа жизни и успешных карьер представителей элиты.

В условиях роста автоматизации занятость и возможности самореализации снижаются и на индустриальных производствах. На таких производствах уже не требуется высокая квалификация, а потому всё ниже потребности в воспроизводстве ответственных и квалифицированных работников. В постсоветский период эта тенденция привела практически к полной ликвидации профессионально-технических училищ, реализовывавших данную функцию в советский период. Только в последние годы этот тип средних учебных заведений стал поддерживаться государством и выпускать в небольших количествах квалифицированных рабочих, что, вполне возможно, соответствует уровню потребности в них в индустриальных отраслях российской экономики. На занятость в них негативно влияет и постоянное сниже-

ние зарплаты работников, поскольку становится выгодным нанимать малоквалифицированных мигрантов из бывших республик Советского Союза и стран Юго-Восточной Азии. Занятость снижается и вследствие вывода индустриальных производств в Китай и другие страны Юго-Восточной Азии, где рабочая сила существенно дешевле, а права собственности защищены намного лучше, чем в России. В экономиках развитых стран мира действуют схожие тенденции.

Одним из способов компенсации постоянно снижающейся занятости в российской экономике является расширение государственного аппарата, аппарата муниципальных органов власти и социальных служб. Таким образом государство даёт гражданам возможность легально получать доходы и приобретать социальный статус, а также создаёт видимость общественной пользы их деятельности. Но такой способ поддержания занятости близок к исчерпанию, потому что нынешняя система государственного и муниципального управления уже неспособна развивать постиндустриальный сектор, который позволил бы повысить эффективность российской экономики и её конкурентоспособность на мировом рынке.

Постиндустриальные тенденции в российской экономике выразились и в том, что, несмотря на постоянные декларации российских властей о том, что все социальные обязательства государства выполняются и будут выполняться, на практике уже происходит отказ от принципов социального государства. Экономические реалии современной России таковы, что эти принципы объективно не могут быть реализованы, для этого не существует больше ни мотивации со стороны органов власти и представителей частного бизнеса, ни необходимых общественных ресурсов.

Снижение потребности в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы позволило органам власти и частному бизнесу исключить из оплаты труда наёмных работников воспроизводственную составляющую. Ни органам власти, ни частному бизнесу не нужны в большом количестве специалисты с высшим и средним образованием. Поэтому, как уже говорилось выше, в сфере среднего образования очень низка доля закончивших профессионально-технические училища. А в сфере высшего образования органы государственной власти последовательно реализуют концепцию коммерциализации: бесплатное, т.е. оплачиваемое

государством, высшее образование постепенно, но неуклонно, сокращается, а система частных образовательных учреждений постоянно расширяется — всё больше выпускников вузов обучаются на коммерческих основаниях.

Коммерциализация высшего образования в стране приводит к снижению его качества. Для выпускников высшей школы самым важным становится получить соответствующий диплом, лучше всего государственного образца. А уровень их знаний сравнительно мало интересует как самих выпускников, так и их работодателей, поскольку они без больших затрат обеспечивают обучение молодых специалистов на рабочих местах. Ведь большинству занятых в современной экономике, как в индустриальных, так и в постиндустриальных отраслях, высокой квалификации уже не требуется. А небольшое число высококвалифицированных специалистов может подготовить система элитных университетов и вузов. По-видимому, именно такая реформа готовится в Министерстве образования и науки РФ.

Снижение образовательного уровня молодежи и других социальных групп уменьшает возможности их самореализации, осуществления творческой деятельности, разработки и внедрения инноваций и обеспечения рационального и оптимального поведения в меняющихся экономических и социальных условиях. Только высокообеспеченные, но очень узкие социальные группы смогут сохранять возможности качественного образования, позволяющего избавиться от конкуренции с иными группами и избежать вовлечения в решение их проблем. Социальное расслоение в обществе существенно усилится, а ресурсы для его смягчения существенно уменьшатся.

Вместе с тем в сознании большинства российских граждан всё ещё сохраняются ценности социального обеспечения, характерные для индустриального общества, существовавшего в нашей стране в советские времена. Во многом именно поэтому многие люди среднего и старшего возраста хотели бы вернуться к советскому типу социального обеспечения. Но в современной российской экономике пропадает мотивация к труду в расчёте на будущие пенсии и пособия. Низкая зарплата и высокая конкуренция на рынке труда заставляет наёмных работников соглашаться на условия, обеспечивающие почти исключительно текущее потребление, но не достойную жизнь в работоспособном возрасте и уж тем более после выхода на пенсию.

Пенсионная реформа, реформы здравоохранения и социального обеспечения способствовали снижению продолжительности и качества жизни для большинства граждан страны. В концепцию этих реформ заложено представление о низкой значимости пенсионеров для экономического развития России. Однако эта концепция представляется неверной, поскольку люди старшего возраста, в том числе пенсионеры, во-первых, выполняют функцию передачи социального и производственного опыта, во-вторых, они поддерживают социальную стабильность в обществе, а в-третьих, именно эти категории граждан традиционно являются потребителями отечественных продуктов и товаров, а потому могли бы стать внутренними инвесторами для индустриальных и даже некоторых постиндустриальных отраслей экономики.

При всех своих негативных тенденциях в условиях современного мира постиндустриальное развитие представляется более предпочтительным для России. Ведь существенная часть страны расположена в северных широтах и других местах с тяжёлыми условиями проживания и ведения сельского хозяйства. В большинстве регионов России более затратно строить здания, сооружения, обеспечивать транспортные перевозки, чем в США, Западной Европе и странах Юго-Восточной Азии, лидирующих сегодня в экономическом развитии. Это снижает конкурентоспособность России в индустриальном и аграрном секторах. Но относительно высокий уровень образованности российских граждан и научных разработок позволяет надеяться на определённые успехи в постиндустриальном развитии — при условии своевременного решения возникающих в его ходе проблем и урегулирования неизбежно возникающих социальных конфликтов.

Тем не менее в сложившейся ситуации ни у органов власти, ни у проправительственных, ни у оппозиционных политических партий нет концепции построения нового социального порядка, который соответствовал бы особенностям сегодняшнего этапа развития экономики. Поэтому новая социальная структура формируется стихийно, как результат неформальных и нередко коррупционных взаимодействий органов власти и различных социальных групп.

Вместо решения важнейших проблем постиндустриального развития основным содержанием постсоветской политики было обеспечение вхождения России в число развитых стран мира. На уровне внешней политики эта установка выразалась во включе-

нии России в состав 8 и 20 ведущих стран мира. Но в сфере внутренней политики органы власти и проправительственные партии — начиная от «Выбора России» и Партии российского единства и согласия» в 1993 г. и заканчивая «Единой России» сегодня — действовали в противоположном направлении, отказываясь тратить ресурсы на достижение в ближайшей или среднесрочной перспективе уровня экономического развития и благосостояния, характерных для 7 наиболее развитых стран мира. Выбор российской элитой, органами государственного управления и политическими партиями стратегии догоняющего развития существенно сократил возможности успеха России в мировой политической и экономической конкуренции, где наибольшие преимущества получают страны, далее других продвинувшиеся в постиндустриальном развитии. При догоняющем развитии никаких преимуществ в такой конкуренции просто не остаётся. Поэтому постсоветская Россия довольно быстро стала не развитой, а развивающейся страной.

Ни проправительственные, ни оппозиционные политические партии не принимают никакого участия в разрешении конфликтов и в поиске стратегии общественного развития для расширения постиндустриального сектора экономики. В своей пропагандистской деятельности они не придают существенного значения постиндустриальным тенденциям в развитии экономики и общества, ориентируют граждан и лиц, принимающих политические и государственные решения, на ценности индустриального общества, формируют и поддерживают у них устаревшие стереотипы мышления.

Национально ориентированная оппозиция, к которой в 1992–1993 гг. можно было отнести Фронт национального спасения, в 1995–1996 гг. — Конгресс русских общин, в 2003 г. — «Родину» и которая сегодня фактически проиграла проправительственным силам, в постсоветский период боролась за включение России в состав развитых стран мира. Так называемая системная оппозиция, которую с 1993 г. составляют Коммунистическая партия РФ и Либерально-демократическая партия России, всё это время выступала за отказ от вхождения России в состав развитых стран, но требовала повышения уровня жизни граждан. Позиция этих партий устраивала органы власти и проправительственные партии, поскольку их идеи не могли быть реализованы, но отвлекали внимание крупных социальных групп от

последствий отказа от содействия постиндустриальному развитию страны.

Следовательно, все политические партии отстаивали то или иное решение проблемы включения России в состав развитых стран мира или отказа от него. Сегодня любое решение этой проблемы малозначимо для обеспечения важнейших приоритетов общества и интересов крупных социальных групп.

В современной России участие политических партий в принятии государственных решений минимально. Даже доминирующая в партийной системе «Единая Россия», наиболее крупная и влиятельная среди всех партий, скорее соглашается со стратегиями и программами правительства РФ, чем определяет положения этих стратегий и программ. И тем не менее политические партии являются значимыми социальными институтами легитимации решений органов государственной власти современной России — наряду с публичными выступлениями руководителей страны, ключевых министерств и ведомств, а также работающих по их заказам экспертов.

Все без исключения российские политические партии заняты в первую очередь борьбой за удержание позиций своих лидеров или за их приход в политику, а не разработкой и содействием реализации реальных стратегий развития страны и регионов. И зарегистрированные, и незарегистрированные оппозиционные партии в этом отношении не очень существенно отличаются от партий, поддерживающих политику президента и правительства РФ.

Политические партии устранились от процедур институционализации социальных конфликтов, почти полностью отдав реализацию этой функции органам государственной и муниципальной власти. И практически все партии представляют ведущим общественным конфликтом современной России конфликт между органами власти и крупными социальными группами³⁸, вместо формулирования приоритетов и привлечения внимания к конфликтам, возникающим в процессе развития нашей страны в направлении постиндустриального общества и экономики.

В официальных документах политических партий, их программах и программных заявлениях нет адекватного анализа ситуации в экономике, политике и социальной сфере. В своей про-

³⁸Римский В. Л. Общественные размежевания и политические партии в России. — Политическая наука, 2004, № 4. С. 157.

пагандистской деятельности, ориентированной на крупные социальные группы, политические партии не придают существенного значения постиндустриальным тенденциям, ориентируют граждан на ценности индустриального общества. Такая ориентация формирует стереотипы мышления не только большинства граждан, но и многих должностных лиц как в государственном и муниципальном управлении, так и в частном бизнесе. В частности, партии содействуют формированию в общественном сознании сверхценности высокого уровня занятости, общественной стабильности, высокого уровня пенсий и социального обеспечения, сверхценности материального производства, тиражирующего однотипные образцы, например, обуви, одежды, автомобилей, самолётов и т.п. Реальные тенденции постиндустриального развития, в частности, снижение занятости, социальной стабильности, пенсий и социальных гарантий, необходимость дотирования из государственного бюджета сельскохозяйственного производства, автомобильной и авиационной промышленности представляются партиями случайными отклонениями от нормы. Все российские партии утверждают, что такого рода отклонения прекратятся, если будут созданы определённые условия. Для оппозиционных партий это включение их лидеров в государственное управление, а для партий, поддерживающих руководство страны, — если будут приниматься эффективные решения, уничтожена коррупция и т.п.

При этом политические партии монополизировали легальное представительство в органах власти приоритетов и интересов социальных групп, не позволяя самодеятельным инициативам граждан и незарегистрированным объединениям вырабатывать и предлагать решения стратегических проблем страны. А они естественны, поскольку последствия постиндустриального развития не всегда позитивны. Постиндустриальное развитие снижает социальную стабильность, занятость, востребованность высококвалифицированных исполнителей, но повышает спрос на творцов новых проектов. Активность граждан в прогнозировании и оценке тенденций развития страны могла бы способствовать сближению реализуемого сценария с наиболее желаемым, при котором постиндустриальные тенденции могли бы обеспечить России конкурентоспособность в мире. Но деятельность политических партий существенно ограничивает возможности граждан и их объединений в поисках решений проблем постин-

дустриального развития страны, вариантов разрешения возникающих социальных конфликтов, в реализации новых проектов. Это существенно препятствует использованию преимуществ постиндустриальной социальной системы и экономики. Поэтому постиндустриальные инициативы в России реализуются с трудом, а зачастую и просто случайно. Нередко наши граждане реализуют такие инициативы за рубежом, повышая конкурентоспособность других стран.

Блокирование партиями активности граждан в поиске вариантов снижения рисков таких негативных последствий и противодействия возможным угрозам постиндустриального развития существенно снижает конкурентоспособность нашего общества, экономики и государства. В результате деятельность политических партий способствует снижению конкурентоспособности России, закрепляя сырьевую специализацию нашей экономики и препятствуя получению преимуществ от постиндустриального развития. Другими словами, политические партии содействуют нисходящему развитию нашей страны, повышая вероятность того, что в ближайшем будущем в России не сформируется постиндустриальная экономика, как в развитых странах, а деградирует современная.

Толпыгина О.А.

МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОГРАММАХ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

После распада Советского Союза перед Россией, как и перед другими обретшими независимость постсоветскими государствами, остро встала проблема самоопределения — причем эти вопросы касались как внешнего устройства политики (новый формат границ, принципы взаимодействия и характер отношения с ближним и дальним зарубежьем, новый статус в мировом сообществе), так и внутреннего ее содержания (характер политического режима, механизмов его организации, основы социальной коммуникации внутри сообщества, принципы национальной солидарности и организации). В начальный период своего президентства В. Путин объявил в числе приоритетных задачи консолидации государства и создания привлекательного образа сообщества, который бы содержал в себе интегративный и мобилизационный потенциал.

Государство, безусловно, является главным субъектом построения модели национальной идентичности и выработки механизмов идентификации на общенациональном уровне. Однако, как отмечают Р. Брубекер и Ф. Купер, «государство не единственный значимый “идентификатор”»³⁹; в качестве других влиятельных акторов идентификации авторы называют политические элиты, в том числе лидеров общественных движений и политических партий. Разумеется, роль партий в этом процессе зависит от позиции, которую она занимает в структуре власти, и от ресурсов, которыми партия обладает.

Особый статус партии «Единая Россия» в партийном спектре и во всем политическом пространстве современной России не нуждается в обосновании и пояснении⁴⁰. В связи с этим модель

³⁹Брубекер Р., Купер Ф. За пределами идентичности. — *Ab Imperio* (Казань), 2002, № 3. С. 87.

⁴⁰Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен. — *Политическая наука*, 2006, № 1; Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Структурирование партийного спектра России в преддверии парламентских и президентских выборов 2007–2008 гг. — *Россия и современный мир*, 2007, № 2.

национальной идентичности, предлагаемая Единой Россией, обладает большой социально-политической значимостью.

В нашей работе мы рассмотрели модели национальной идентичности, раскрываемые в программной риторике партии⁴¹ с 2003 г., когда был создан первый программный документ ЕР, до 2009 г. — периода его последней версии⁴².

Исследование проводилось с помощью контент-анализа и традиционного анализа текстов⁴³.

1. МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анализируя модели национальной идентичности, мы исходили из традиционной в исследованиях проблематики национального строительства дихотомии нации как преимущественно гражданского или этнического сообщества⁴⁴. На этой основе мы

⁴¹Необходимость изучения программных документов партий объясняется многими факторами — во-первых, тем, что программы являются первичным средством партийной самоидентификации, во-вторых, программы, вне зависимости от условий их создания и авторства, неизбежно отражают проблемные зоны периода их создания. Кроме того, эти документы транслируют контекстуальную специфику среды, в которой протекает партийное взаимодействие. Подробнее о роли программных документов см.: Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. Государство, нация и политический режим в программах российских политических партий («Единая Россия» и ЛДПР). — Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. Ред.-сост. Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. — М.: ИНИОН РАН, 2009.

⁴²Программные документы по своей структуре и логике делятся, во-первых, на собственно программы, которые создаются при возникновении партии и в которых отражаются базовые идеологические комплексы, транслируемые партией. Во-вторых, это предвыборные программы, для которых характерна большая инструментальная направленность — ориентация на решение актуальных проблем сегодняшнего дня. Однако в обоих текстах, как правило, присутствует в разных соотношениях «идейная» и «тактическая» части. В нашем исследовании мы учитываем данное различие, но не считаем его принципиальным. В работе анализировались следующие программные документы ЕР: Программа Политической партии «Единая Россия». Утверждена 20 сентября 2003 г. на III Съезде Всероссийской политической партии «ЕДИНСТВО и ОТЕЧЕСТВО» — «Единая Россия»; «Россия, которую мы выбираем». Программное заявление партии «Единая Россия», Утверждено 2.12.2006 г. на VII съезде партии «Единая Россия»; Предвыборная Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» «План Путина — достойное будущее великой страны». Принята VIII Съездом Всероссийской политической партии «Единая Россия» 1 октября 2007 года (г. Москва); Программный документ партии «Единая Россия» «Россия: Сохраним и приумножим!». Принята на XI съезде партии «Единая Россия» 21 ноября 2009 г. (г. Санкт-Петербург) (www.edinros.ru).

⁴³Контент-анализ, при всех его видимых недостатках — формализме и невнимании к контексту документа — позволяет, во-первых, наглядно представить результаты исследования, а во-вторых, выявить и проследить динамику изменений изучаемого объекта. Качественный же анализ помогает рассмотреть смысловое наполнение данных, полученных с помощью контент-анализа, а также более глубоко исследовать текстовый контекст и содержательные акценты документа.

⁴⁴Впервые эта дихотомия была предложена Гансом Коном в середине XX века в

выделили гражданскую и этно-культурную разновидности политической идентичности. Безусловно, данное противопоставление носит идеалтипический характер и в политической практике нациестроительства модели идентичности всех государств сочетают оба элемента. Однако нас интересовало, во-первых, количественное и качественное соотношение обеих составляющих в программной риторике ЕР, а во-вторых, их содержательное наполнение.

Гражданская идентичность понимается нами как разновидность национальной идентичности, базирующаяся на субъективном осознании членами политики своего гражданского статуса, что подразумевает а) компетентность индивида в отношении своих социальных и политических прав и полномочий, а также институциональных механизмов их достижения и отстаивания, б) активность в использовании данных прав и институтов.

В нашем исследовании с помощью контент-анализа проводился подсчет количества упоминаний:

- социальных и политических прав и полномочий, которыми обладают индивиды (напр., право на труд, на жилье, на свободу получаемой информации, выражения своих интересов и т.д.).⁴⁵
- институтов представительства и защиты социальных и политических прав (напр., закон, институт выборов, система разделения властей, институты гражданского общества: политические партии, общественные организации и т.д.);
- договорных, диалогических практик, способствующих до-

его работе «Национализм: его смысл и история» (Kohn, H. *Nationalism: Its meaning and history*. — Princeton, NJ: D. Van Nostrand Inc., 1955), где он описывал два вида национализма и причины их возникновения. Далее эти два варианта понимания нации представлены, в частности, у Ю.Хабермаса, который выделял нацию-как-народ (основанную на единстве происхождения, культуры и истории, а также общности языка), дополитическое образование, и нацию-сообщество-граждан (основанную на обладании юридическими полномочиями), представляющую собой политическое образование. См.: Хабермас Ю. *Нации и национализм*. — М.: Праксис, 2002. О том же говорил К.Калхун, когда анализировал два стиля национализма в отношении культурного наследия: в первом случае присутствует стремление заменить традиционные идентичности, выковывая современные нации, во второй национальная идентичность и суверенитет строятся именно на основе этничности. В качестве классических примеров этого различия принято противопоставлять опыт Франции и Германии. См.: Calhoun, C. *Nations matter. Culture, history, and the cosmopolitan dream*. — L.; N.Y.: Routledge, 2007.

⁴⁵Как отмечал Э. Паин, «Права — то, что отличает подданного от гражданина». См.: Паин Э. *Россия между империей и нацией. Концепции национально-государственного устройства в условиях кризиса гражданской идентичности*. — *Pro et Contra*, М., 2007, № 3. С. 27.

стижению консенсуса (напр., договоры, консультации и сотрудничество, осуществляемые на разных уровнях — международном, между различными ветвями власти, между гражданами и органами власти; между бизнесом и общественными организациями, с одной стороны, с представителями власти с другой и т.д.).

Данные, полученные в рамках контент-анализа, проверялись с помощью традиционного анализа текстов, что позволило раскрыть содержательное наполнение понятие «гражданственность». В частности проводился анализ позиции, которую занимает индивид в системе властных отношений⁴⁶. Если в тексте активно описываются гражданские права и институты, но индивид при этом занимает объектную позицию, в таком случае отсылки к гражданской идентичности носят формальный характер и не наполнены реальным гражданским содержанием.

Этно-культурная идентичность рассматривалась как разновидность национальной идентичности, основанная на этно-культурной идентификации членов политики. Она предполагает осознание своего государства, прежде всего, как этнической общности, функционирующей внутри исторически обусловленных границ.

Этно-культурная идентичность предполагает замыкание, обособление (или декларируемое стремление к ним) в рамках границ этнической общности (или государственных границ, если они совпадают) с целью сохранения своего культурно-исторического наследия. Часто в модели этнической идентичности делается акцент на «исконной» для данного этноса религии как основном институте воспроизводства и трансляции культурных норм.

Этно-культурная модель выделялась в исследовании, во-первых, через апелляцию к русскому этносу и использование эпитета «русский» в отношении различных явлений (русский вопрос, русская проблема, русская душа и т.д.). Во-вторых, через частоту упоминаний этнически маркированных атрибутов этноса: языка, истории, традиций, культуры, религии и территории (например, проблема статуса русского языка, возрождение русских тра-

⁴⁶Индикаторами выступали, во-первых, синтаксическая структура предложения (о субъектной позиции индивида свидетельствует статус подлежащего в предложении, об объектной — дополнения). Во-вторых, глаголы, используемые в отношении индивида (субъектная позиция демонстрируется через: а) отсутствие страдательных залогов и возвратных форм глаголов, б) глаголы действия, прежде всего, переходные глаголы; объектная позиция, напротив, через страдательные залогов и возвратные форма глаголов, непереходные глаголы, отглагольные существительные).

диций и культуры, история русского народа, традиции, культура и история народов России и т.д.).

Однако, как показало исследование, двух выделенных типов оказалось недостаточно, чтобы охарактеризовать модель национальной идентичности, презентуемую программными документами ЕР. И тогда мы дополнили эту схему еще одним типом — имперской идентичностью. Имперская идентичность была выделена нами в связи с тем, что имперская составляющая, как отмечают исследователи⁴⁷, наглядно проявляется в современных российских политических нарративах (в политических текстах разных жанров, создаваемых исполнительной властью, в медийном дискурсе, в риторике политической элиты, в общественных дискуссиях различной тематики).

Определяя специфику имперской идентичности, мы отталкивались не от определения понятия «империя». Как отмечает А. Миллер, «никакого общепринятого определения империи не существует»⁴⁸. Мы разделяем точку зрения О.Ю. Малиновой о том, что продуктивнее для целей анализа было бы не использование определения империи, а выделение ее сущностных свойств. Сущностные свойства империи, при многообразии литературы по этому поводу, на наш взгляд лучше всего раскрыты Д. Ливеном⁴⁹. Закljučая обзор характеристик империи, он отмечал: «самые значимые империи — те империи, которые воплощают собой и распространяют некоторую потенциально универсальную высокую культуру, религию или идеологию»⁵⁰. Данная черта отра-

⁴⁷См., например, Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Наследие империй и будущее России. — М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2008. В этой работе освещаются различные интерпретации понятия «империя», а также суть научных и публицистических дискуссий по данной теме. Кроме того, «имперской» проблематике был посвящен 3-й номер «Политической науки» за 2004 г. (Политическая наука: «Современные империи». — М.: ИНИОН, 2004).

⁴⁸Миллер А. Империя и современный мир — некоторые парадоксы и заблуждения. — Политическая наука, 2004, № 3. С. 4.

⁴⁹В работе «Новая имперская история» Д. Ливен выделял следующие признаки империи: «Во-первых, империя должна быть обширной — поскольку управление значительными пространствами, распространение власти на большие расстояния всегда было одной из самых сложных проблем, которые приходилось решать империи. Во-вторых, империя включает в себя многие народы — поскольку проблема управления разными этносами часто вставала перед империей. Эта проблема причиняет больше всего неприятностей империям в современную нам эпоху национализма и суверенитета. В-третьих, как мне кажется, империя не строится с простого согласия ее подданных. Повторим: этот аспект приобрел значение лишь в современную эпоху, поскольку, поскольку очень многие государственные образования древности, средне-

жается и в общественном сознании жителей империи, для которого характерно осознание высокого статуса «своей культуры, религии или идеологии».

На этом основании мы определяем имперскую идентичность как вид национальной идентичности, при котором члены политики воспринимают свое государство как обладающее «особым» статусом среди других государств, а себя — как часть «особого» сообщества (нации, народа), чья «особость» обосновывается наличием культурно-исторической миссии⁵¹. Миссия может определяться различными способами, например, культурно-историческим наследием («Москва — третий Рим»), геополитическим положением (Россия — «мост» между Европой и Азией), или миссия может возникать при переживании какого-либо символического события (например, Великой Отечественной войны, Великой Октябрьской социалистической революции и т.д.).

Выделяя черты имперской идентичности в партийной риторике, мы взяли за основу «семантическую карту понятия «империя» в российском политическом дискурсе», предложенную О. Малиновой⁵². В настоящей работе использованы следующие элементы «семантической карты»⁵³.

«**Многосоставность**⁵⁴ империи как политического образования, включающего много разнокачественных элементов, которые могут выделяться по разным основаниям («народы», «нации», «национальности», «этноты», «политические организмы», «разнокультурные земли» и др.).

Наличие «универсальной объединяющей идеи», некоего глобального цивилизационного проекта, во имя которого империя вбирает в собственное «тело» и в орбиту своего влияния народы

вековья и раннего нового времени строились на основе такого согласия. Наконец, самое важное — империя должна обладать большим могуществом, играть ключевую роль в региональной или глобальной политике своего времени». См.: Liven, D. *New imperial history*. — *Ab Imperio* (Казань), 2005, № 1. С. 93.

⁵⁰Там же. С. 93.

⁵¹Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что члены каждой политики воспринимают свое государство как «особое», только основания этой «особости» будут разными. Именно поэтому мы делаем акцент на мессианской интерпретации особости.

⁵²Малинова О.Ю. Дискуссии и государство и нации в постсоветской России и идеологема «империи». — *Политическая наука*, 2004, № 3. С. 31–58; Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах. С. 59–102.

⁵³Малинова О.Ю. Дискуссии и государство и нации в постсоветской России и идеологема «империи». С. 34–35.

⁵⁴Выделение шрифта — в оригинале.

⁵⁵О.Малинова выделяет еще две характеристики империи. Первая — «Наличие

и территории. «Империя» при таком понимании выступает не просто как способ организации власти, но как воплощение некоего мессианского проекта...

Влияние на международной арене/ стремление подчинить этому влиянию другие государства без утраты ими самостоятельного государственного статуса. В этом значении «империя» — это, прежде всего «великая держава», в полной мере реализующая свой потенциал влияния...»⁵⁵.

Многосоставность, которая интерпретируется О.Ю. Малиновой как наличие и артикуляция в тексте многообразия «разнокачественных элементов», составляющих политическую систему общества, мы анализировали через выделение категорий, подчеркивающих множественность тех частей, которые формируют «тело политики»: «нации», «народы», «этноты», «земли», «территории», «культуры», «религии» и т.д. В имперской модели идентичности будет присутствовать образ «старшего брата» — это та общность (она может выделяться по различным основаниям — этническим, политическим, классовым), которая в силу разных причин занимает доминирующий статус по отношению к другим группам⁵⁶. Существуют сложности с разграничением имперской и этно-культурной моделей. Они вызваны тем, что обе модели в той или иной мере апеллируют к истории и культуре. В качестве фронта между моделями мы использовали объект высказывания. Т.е. нас интересовало, какая именно общность характеризуется через ее историю и культуру. В этно-культурной модели объектом будет выступать этническая группа, в имперской — совокупность общностей («народы нашей страны», «все национальности, входящие в состав России», «весь многонациональный народ России» и т.д.).

центра и периферии (метрополии и колоний), отношения между которыми имеют асимметричный и неравноправный характер. Нередко подчеркивается насильственный характер «удержания» периферии, а также несправедливый обмен ресурсами в пользу центра. В этом качестве «империя» противостоит, с одной стороны, федерации, где отношения между федеральным центром и субъектами федерации строятся на началах равноправия, а с другой стороны — унитарному государству, в котором нет столь явного противопоставления центра и периферии» (Там же. С. 34). Вторая — «Автократический способ интеграции территорий и общества «сверху». Т.е. вертикальный характер политических связей в империи в противоположность комбинации связей горизонтальных и вертикальных, характерных для национального государства» (Там же. С. 34).

⁵⁶Этот статус будет подчеркиваться более частым упоминанием доминирующей общности в тексте, первенством при перечислении социальных групп и общностей, а также приемом, который П. Серно назвал «сочинение» — с помощью сочинительного союза выстраивается гомологичный ряд понятий, которые, по сути, являются разно-

Наличие «универсальной объединяющей идеи» проявляется через использование лексики «миссия», «цивилизация», «Европа», «Азия», «Запад», «Восток», «великий», «уникальный». Обоснования универсальной идеи могут лежать в разных плоскостях. Эта идея обосновывает претензии на статусность и особую роль данного государства в международном сообществе. Эта же идея легитимирует имперское стремление к экспансии за пределы границ политики — культурной, экономической, политической.

Маркерами стремления к влиянию на мировой арене являются слова «лидерство», «мощь», «сила», «держава», а также повышенное внимание к вооруженным силам, их влиянию и статусу в обществе.

Модель национальной идентичности содержит в себе представление о критериях членства в сообществе. Мы рассматривали критерии членства, предлагаемые программной риторикой ЕР, через анализ наименования членов политики, присутствующие в текстах.

Также в исследовании проводился анализ интерпретаций сообщества, образующего политику. Здесь также традиционно выделяются три варианта: во-первых, сообщество как совокупность различных социальных групп, во-вторых, как совокупность индивидов и личностей, и в-третьих, как единая общность, все члены которой разделяют одинаковые или сходные интересы. В первом случае большое место в тексте программных документов будет занимать наименование групп, будут прописаны механизмы их социально-политического представительства; во втором акцент будет делаться на индивиде (личности, человеке), т.е. сообщество будет пониматься как совокупность отдельных акторов, наделенных субъектной волей и инициативой; и в третьем случае партия будет вести речь от имени «единого народа», «единой нации» (хотя и многонациональной, многокультурной и многоэтнической), акцент будет делаться на сходстве свойств, качеств и приоритетов данной общности.

порядковыми и не тождественными друг другу. Такое формальное равенство еще больше подчеркивает неравнозначность статусов объектов (напр., «русский и другие народы нашей страны»). Более высокая статусная позиция «старшего брата» компенсируется (или напротив — еще более подчеркивается) патерналистским отношением к другим общностям, которые выступают объектами защиты, поддержки, просвещения.

2. МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ЕР

Исследуя критерии членства в политическом сообществе на основе анализа наименования членов политики, можно сделать вывод, что доминирующими в программах «Единой России» выступают гражданские критерии членства (о чем, собственно, заявляется в программах). Обращение «граждане» является основным во всех программных документах (табл. 1).

Таблица 1

Наименования членов политики в программных документах ЕР (в процентах⁵⁷)

Наименования	2003 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
граждане	22,0	23,8	21,2	12,2
люди	9,0	12,8	15,2	4,1
население	8,0	6,9	4,7	3,4
народ (российский)	1,5	7,9	5,9	2,7
нация (российская)	—	3,0	1,2	0,7
народы (России)	0,5	2,0	2,4	2,0
россияне	—	3,0	1,2	2,0
личность	—	—	—	1,4

Не все из приведенных в таблице 1 наименований раскрывают критерии членства⁵⁸, однако они помогают интерпретировать, каким образом ЕР воспринимает сообщество. Например, понятие «личность» появляется только в программном документе 2009 г., а слово «индивид» не встречается ни разу. На этом основании мы можем сделать вывод, что партия не воспринимает членов политики как автономных личностей, что противоречит заявленным гражданским критериям членства. Данный факт косвенно подтверждается высказываниями лидеров организации, например председателя Высшего совета ЕР Бориса Грызлова на XI съезде партии: «Если мы заботимся о людях — они помогут во всех начинаниях, не будем заботиться — отвернутся навсегда!»⁵⁹. Здесь

⁵⁷Проценты высчитывались — количество упоминаний на количества строк текста.

⁵⁸Например, номинацию «люди» мы рассматриваем как нейтральное понятие, не характеризующее критерии членства в политике, а «население» представляет собой социально-демографическую группу.

⁵⁹Грызлов Б. Наша идеология — идеология стабильности и развития. В Программном документе Партии будет четко обозначена наша идеология — российский консерватизм. — Выступление председателя Высшего совета Всероссийской полити-

«люди» выступают объектами заботы и патернализма со стороны ЕР и не воспринимаются как субъекты политического и социального процесса.

Ни в одном из программных документов «граждане» не обладают субъектной позицией, а их упоминание сопровождается пассивными оборотами («наша задача — обеспечение качества жизни граждан» (2009 г.); «государство... отвечает на ожидания большинства наших граждан» (2006 г.); «Государственная машина» призвана обслуживать своих граждан, предоставлять им достойные условия для жизни и работы» (2003 г.)⁶⁰.

И хотя в программном заявлении 2006 г. субъектность атрибутируется («Мы намерены всемерно поддерживать и стимулировать самостоятельность и инициативу каждого россиянина. Его жизненный успех должен стать прямым следствием его таланта, честного труда, гражданской активности и законопослушания», 2006 г.), она институционально не закрепляется. Также показателен выбор сопровождающих глаголов: поддерживать и стимулировать.

Рассматривая социальные группы и общности, к которым адресно обращается партия, можно сделать вывод, что ЕР апеллирует только к тем из них, которые нуждаются в покровительстве и заботе. Это пенсионеры («К 2020 году пенсионные накопления и резервы негосударственных пенсионных фондов увеличатся в 20 раз» (2009 г.), инвалиды («улучшение социальной защиты инвалидов» (2006 г.), семья и дети («Государственная забота о детях должна начинаться с реальной заботы о семье» (2003 г.), молодежь («В молодежной политике партии акцент будет сделан на создание равных условий для самореализации каждого молодого человека» (2007 г.).

Иные — не патерналистские — механизмы оформления групповых интересов рассматриваются партией как угроза обществен-

ческой партии «Единая Россия», председателя Государственной Думы Бориса Грызлова на XI съезде Партии. 21.11.2009. Режим доступа: <http://www.edinros.ru/text.shtml?10/9267,110041>

⁶⁰Хотя надо отметить, что в Программе 2003 г. — единственной из всех программных документов — дважды у граждан появляется «выбор» («Сегодняшний выбор гораздо важнее: у граждан России появился реальный шанс выбрать успешное будущее для себя и для всей страны»; «ЕР видит свою задачу в том, чтобы каждый гражданин России имел возможность свободного выбора сферы деятельности и региона проживания»), причем в первом случае «будущее» ассоциируется с ЕР и, соответственно, речь идет о выборе партии. Эти два примера — единственное свидетельство субъектности граждан в анализируемых документах.

ному согласию: «Мы не противопоставляем социальные группы, национальности, религии. Считаем недопустимыми действия, подразумевающие успех одной части общества за счет других. Мы выступаем за укрепление общественного согласия» (2009 г.).

В программных документах ЕР главным субъектом действия выступает сама партия, а также власть, которую она представляет. Партия воспринимает сообщество, населяющее политику, как единую и неделимую общность и выступает от ее имени («Мы создали сильную массовую партию, защищающую интересы народа» (2003 г.); «Мы последовательно выполняем то, что обещали народу» (2006 г.); «идеология Партии — российский консерватизм. ...Это идеология успеха нашего народа» (2009 г.).

Модель национальной идентичности, предлагаемая Единой Россией, как и предполагалось, содержит черты всех трех типов идентичностей, причем их соотношение в программных документах разных лет существенно меняется (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Первоначально, после своего возникновения, ЕР заявляла о своей принципиальной «неидеологичности», что находит отражение в программах 2003 и 2006 гг. Эти документы представляют собой набор тактико-стратегических мер по модернизации

управления в стране. Тексты апеллируют к закону — главному и наиболее упоминаемому из всех демократических институтов, правам и свободам граждан. Т.к. вопросы стратегического характера, к которым относятся поиски «национальной идеи», а также проблематика национального строительства в целом, были вынесены за скобки в силу их очевидной идеологичности, удельный вес маркеров гражданской идентичности в этих документах значительно преобладает.

Однако в программе 2007 г. происходят кардинальные изменения. Возможно, идеологи ЕР осознали, что, как пишет Мартыянов В.С., «отсутствие общих ценностей, тех аксиом и принципов, которые не позволяют прерывать общественную самореференцию, чревато постановкой оснований под вопрос»⁶¹. Партия провозглашает ориентацию на формирование политической нации: «Россия — общая Родина для всех россиян, где полноценно развиваются национальные культуры и языки, уважаются национальные и религиозные чувства каждого человека, искореняются любые проявления ксенофобии и национализма, создаются благоприятные условия для сбережения и развития народов, укрепления российской нации» (2007 г.). При этом постулируется равноправие всех народов страны, партия заявляет о намерении формирования в России гражданской идентичности («Утверждение общероссийской гражданской идентичности, формирование общей системы духовно-нравственных ориентиров при сохранении культурной самобытности народов России, развитии национальных языков, обычаев и традиций — приоритет «Единой России»» (2007 г.).

При этом заявленная общегражданская идентичность критериев собственно гражданственности не предполагает: среди путей и способов формирования нации фигурируют лишь этнокультурные механизмы и процессы («формирование общей системы духовно-нравственных ориентиров», «упор будет сделан на развитие русского языка, обеспечивающего единство культурного и информационного пространства России»; «особое внимание будет уделяться развитию образования как фундамента культуры») (2007). Отсутствует понимание значимости политических

⁶¹Мартыянов В.С. Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ. — ПОЛИТЭКС, 2007, № 1. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/322/30>

механизмов, гарантирующих гражданские права, возможность влияния граждан на политический процесс, представительство различных интересов как механизмов интеграции нации. Как уже отмечалось, граждане, социальные общности и институты политического представительства не рассматриваются как партнеры государства по взаимодействию, соответственно не прописываются способы достижения социального и политического консенсуса, а в качестве главного инструмента национальной консолидации называется государство («государство должно стать средством общенациональной консолидации») (2007 г.).

Очень своеобразно идея гражданственности понимается в программном документе 2009 г. В документе говорится о «содействии в формировании гражданского общества», о необходимости гражданского диалога и гражданских институтов, в том числе многопартийности. В то же время границы этого диалога четко очерчиваются: «мы намерены добиваться, чтобы все влиятельные политические силы страны придерживались согласия по поводу общенациональных ценностей» (2009 г.). И в следующем предложении определяется статус тех, кто по каким-то причинам не вписывается в обозначенные рамки: «Мы будем жестко противодействовать любым попыткам проникновения экстремистов в отечественную политику. Это — фундаментальные основы российской суверенной демократии» (2009 г.).

Таким образом, заявленная общегражданская модель лишается своего «гражданского» наполнения. При этом в качестве основ для формирования национальной идентичности отмечаются «традиции российской цивилизации» (не случайно здесь присутствует слово «цивилизация»), «исторический опыт России», «пример предков, создавших великую державу».

Показательно, что среди характеристик идеального образа России у ЕР на первом месте стоит не способность государства обеспечить права и свободы человека, достойную жизнь гражданам и проч., а ее готовность защитить территориальные границы: «Мы хорошо представляем себе образ страны, которую строим. Это — сильное эффективное государство, обладающее мобильными и боеспособными Вооруженными Силами, способное защитить свой суверенитет и территориальную целостность от любых посягательств...» (2006 г.).

В этно-культурной составляющей национальной идентичности акцент сделан, безусловно, на культурном аспекте. Собствен-

но этническая среда раскрывается через использование эпитета «русский», а также через упоминание «национальных» свойств, таких атрибутов «народов России», как языки, культуры, история. Так прилагательное «русский» используется только два раза в программе 2007 г. и относится к русскому языку, который является средством, «обеспечивающим единство культурного и информационного пространства России» (2007 г.), т.е. выступает в качестве института стандартизации внутреннего политического пространства. «Народы России» («наши народы», «народы нашей страны») составляют часть национальной общности и сохранение их самобытности выступает в качестве условия развития нации («Самобытное развитие всех народов России в рамках единого культурного и геополитического пространства — основа жизнестойкости российского общества» (2009 г.)). Основой консолидации народов выступают культурные ценности, которые являются примордиальными свойствами всех национальных культур, населяющих Россию («Именно в приверженности народа моральным и духовным ценностям мы видим одно из важнейших конкурентных преимуществ России» (2007 г.); «Основу духовности российского народа испокон веков составляла идея общего мира — общего для людей различных национальностей и конфессий» (2009 г.)).

Этно-культурная составляющая значительно (почти на 10%) увеличивается в программном заявлении 2009 г. в сравнении с предвыборной программой 2007 г. Впервые в этом программном документе наглядно проявляется акцент на религию как на средство сохранения и трансляции культурных норм («Традиционные религии являются хранителями мудрости и опыта поколений, необходимых для осмысления и решения актуальных социальных проблем», 2009). Усиление этно-культурной составляющей связано, видимо, с новым идеологическим курсом ЕР, который партия обозначила как «новый консерватизм» («Это идеология успеха нашего народа, сохранения и модернизации России на основе собственной истории, культуры, духовности» (2009 г.)).

Имперская идентичность всегда присутствовала в программных документах ЕР. В моделях национальной идентичности документов 2007 и 2009 гг. имперская составляющая занимает значительное место, однако, в сравнении с программным заявлением 2009 г., документ 2007 г. содержит гораздо больше «имперской лексики» (табл. 2).

Таблица 2

Количество упоминаний «имперских» понятий в программных документах 2007 и 2009 гг. (в абсолютном выражении и в процентах)

Понятия	2007	2009	2007 %	2009 %
Держава	4	2	4,7	1,4
Цивилизация	3	—	3,5	—
Великий (народ, государство, государственность, Родина)	7	4	8,2	2,7
Уникальный (народ, государство, государственность, Родина)	4	1	4,7	0,7

Учитывая историю создания этих документов⁶², их сравнение является интересным.

Особость, которая в нашей работе маркирует имперскую идентичность, обосновывается историко-культурными факторами: «Наша стратегическая цель — строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации» (2007 г.). Имперская идентичность выражает направленность государства вовне, стремление к достижению лидирующих позиций в мире в приоритетных областях («Наша стратегическая цель — лидерство России в ключевых направлениях мирового технологического прогресса» (2007 г.).

Имперские амбиции, по логике, противоречат этно-культурной модели идентичности, которая стремится к замыканию и развитию в своих собственных границах. Однако в программной риторике ЕР (точно так же, как и всех других российских партий) эти два элемента национальной идентичности сосуществуют.

⁶²Предвыборная Программа 2007 г. явилась результатом обобщения ключевых положений Ежегодных посланий Президента В.В. Путина Федеральному собранию, а Программное заявление 2009 г. создано на основе статьи Д. Медведева «Россия, вперед!». Предвыборная программа 2007 г. представляет, во многом, «имперский проект» В.Путина, а программный документ 2009 г. — «консервативный проект» Д. Медведева. Однако одних программных документов недостаточно, чтобы сделать выводы об эволюции политической стратегии государства, но сопоставление данных в любом случае любопытно.

* * *

Проведенный анализ позволяет заключить, что представления авторов программ «Единой России» о российской нации и мерах по ее формированию довольно противоречивы. С одной стороны, при заявленном стремлении к строительству гражданской нации собственно гражданские механизмы и институты ее формирования и консолидации не прописываются; постулируется необходимость диалога и консенсуса, но при этом предъявляется категоричное требование согласия всех политических игроков по поводу «общенациональных ценностей». Обращение «граждане» никак не ассоциируется с его личностным, субъективным наполнением: понятия личность и индивид в текстах практически не употребляются. Социальные группы и общности не воспринимаются как партнеры по политическому и социальному процессу, а выражение различных интересов интерпретируется как фактор дестабилизации общества. Требование снижения чувства социального патернализма (программное заявление 2009 г.) сочетается с покровительственным отношением к гражданам и социальным группам. Кроме того, в модели идентичности этно-культурная и имперская составляющая не только не противоречат друг другу, но сосуществуют и взаимодополняют друг друга, имперская особость определяется через этно-культурный, культурно-исторический фактор.

Значительные имперские коннотации в программных текстах, на наш взгляд, можно интерпретировать с точки зрения общего для всех современных политических российских акторов (и для политической системы в целом) имперского опыта, имперской истории Советского Союза. Кроме того, имперская логика в настоящее время выступает новым средством легитимации политического режима и основ воображаемого сообщества.

Данные особенности позволяют усомниться в том, что у авторов программ «Единой России» существует понимание нации как политического тела современного государства, равноправного субъекта политических отношений, и они рассматривают задачу формирования такого сообщества в качестве приоритетной для России.

Горина С.Е.

ФЕНОМЕН ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Многие из ежедневно принимаемых политических решений являются продуктом политического маркетинга. В силу того, что главными акторами политического рынка являются партии, представляется актуальным рассмотреть некоторые проблемы функционирования «Единой России», по многим параметрам являющейся «первой скрипкой» в партийно-политической системе страны.

Можно ли сегодня говорить о феномене позиционирования партии «Единая Россия» и если да, то в чем он состоит? В поиске ответа на поставленный вопрос автором были проанализированы результаты всероссийских опросов общественного мнения, в разное время проведенных такими авторитетными исследовательскими организациями, как ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр», ИСПИ РАН и др.

Прежде всего, дадим определение, что такое общественное мнение, так как именно оно является одним из главных компонентов в планировании стратегии позиционирования. Российские ученые Е. Егорова-Гантман и К. Плешаков понимают под общественным мнением «особое состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение людей к событиям и фактам социальной действительности»: «Общественное мнение возникает как продукт осознания назревших и требующих решения социальных проблем и проявляется в сопоставлении, а иногда и столкновении различных взглядов и позиций по обсуждаемому вопросу, в одобрении, поддержке или; наоборот, отрицании, осуждении тех или иных действий, поступков или линий поведения людей»⁶³.

По определению В. Федорова (ВЦИОМ) целью опросов общественного мнения является выявление точек зрения различных

⁶³Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Политическая реклама. — М. Никколо-Медиа, 2002. С. 8.

групп населения на наиболее актуальные вопросы либо на те вопросы, которые широко не дискутируются, но по тем или иным причинам интересны определенным группам заказчиков. В. Федоров, в частности, пишет: «Предположим, ...готовится законопроект, есть ряд спорных пунктов, соответственно имеется потребность обратиться к населению и узнать, а что же все-таки люди, те, кому придется считаться с этим законом, когда он войдет в действие, жить по этому закону, что они думают о той или иной норме. Либо если заказчиком выступает не государство, а какая-то коммерческая компания, здесь тоже понятно, что прежде чем выводить на рынок какой-то продукт, прежде чем делать большие вложения, инвестиции в свой бизнес, стоит понять, а как же потенциальный потребитель будет относиться к тому или иному продукту, к той или иной бизнес-программе»⁶⁴. Из этого следует, что в одном случае опрос общественного мнения реализует функцию политического маркетинга, в другом — маркетинга коммерческого, каждый из которых направлен на изучение спроса на продукт или услугу у потенциальных потребителей.

Научной основой данной работы стала теория политического маркетинга, одной из разновидностей которого является партийно-политический маркетинг, т.е. маркетинг, используемый политическими партиями для продвижения своих интересов не только во время избирательной кампании, но и в самом широком политическом контексте. Ключевым для автора является также использование концепта «позиционирование», под которым подразумевается поиск такой рыночной позиции, которая будет выгодно отличать продукт или услугу от предлагаемых конкурентами⁶⁵. Задача позиционирования решается в рамках именно партийно-политического, а не электорального маркетинга. Позиционирование — задача стратегическая, а не тактическая. Для ее создания необходимо время, которым не располагают участники краткосрочной избирательной кампании.

Важная особенность позиционирования, отмеченная Э. Райсом и Дж. Траутом, состоит в том, что оно осуществляется в сознании потребителей⁶⁶. Позиционирование — это то, что потре-

⁶⁴Политика и жизнь, 17.09.2007. Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single8794.html?no-cache=1&cHash=7b314745bc>

⁶⁵Хулей Г. Дж. Позиционирование // Маркетинг. Энциклопедия. — СПб., 2002.

⁶⁶Траут Дж., Райс Эл. Позиционирование: битва за умы. — СПб: Питер, 2006. С.35.

битель думает об организации, продукции или услуге на основании их реальных и виртуальных (имиджевых) качеств. Решающее значение имеет то, что в перспективе позиция должна быть определена потребителем, а не производителем.

В этой связи следует особо отметить, что позиционирование осуществляется в проблемном поле наиболее актуальной маркетинговой концепции — «маркетинга взаимодействия» или «коммуникационного маркетинга». Для современного маркетинга характерно глобальное преобразование способа взаимодействия с потребителем: на смену традиционному маркетингу, нацеленному на решение краткосрочных задач, пришла стратегия, в центре внимания которой находится установление долговременных взаимоотношений с потребителем. Как пишет Р. Линч, доминирующий в нынешней политике «маркетинг взаимодействия» направлен на «достижение целей политического актора (государства, партии, политика) посредством максимально полного удовлетворения нужд граждан (в формулировке самих граждан) на основе управления доверительными отношениями участников политической трансакции»⁶⁷.

Специалисты по политическому маркетингу справедливо указывают, что использование в условиях современных рынков традиционных концепций приводит к порочному кругу: «агрессивный маркетинг — снижение уровня доверия партиям — отчуждение граждан от политики — демассификация партий — повышение капиталоемкости кампаний и финансовой зависимости партий от государства — мутация функций партий — еще большее снижение уровня доверия к институту выборов» и т.д. В постиндустриальном обществе именно «построение доверия», а не «продажа кандидатов» должно определять стратегию выживания политических партий⁶⁸.

Д.В. Ольшанский, рассуждая о роли позиционирования в политике, приходит к радикальному выводу: по его мнению, эффективность политики стала определяться не реализованными свер-

⁶⁷Lynch, R. Long-term performance of political parties: towards a competitive resourcebased perspective. — *Journal of political marketing*, 2006, vol. 5 (3); Grönroos, C. *Service management and marketing*. — Chichester: Wiley, 2000; Declan, P.B. *Relationship marketing and the political process*. — *Journal of political marketing*, 2005, vol. 4 (2/3).

⁶⁸Недяк И.Л. Актуальность применения метафоры политического маркетинга для изучения и прогнозирования политического процесса. Режим доступ: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/nedyak.pdf>

шениями, а мнениями людей; решающим оказывается то, что и как они воспринимают, какие выводы из этого делают⁶⁹. Ис этим согласны очень многие: в политике, по мнению Джона Линдсея, «восприятие и есть реальность»⁷⁰.

Не впадая в крайности, отметим, что доверие граждан к партии определяется в том числе конкретными результатами ее политики, социально-экономическим положением страны. Что касается России, то, как установлено исследованиями, на протяжении последних 15 лет у нас не происходит необратимых изменений к лучшему: главной заботой для большинства граждан приблизительно на том же уровне, что и 4 года назад, остается дороговизна жизни⁷¹; непреходящую тревогу вызывают сообщения о повышении тарифов на услуги ЖКХ (45%); усилилось беспокойство по поводу роста преступности (с 36 до 40%), ухудшения экологической ситуации (с 31 до 36%), падения нравов и культуры (с 5 до 30%)⁷².

Проанализируем, как оценивают граждане России деятельность партии «Единая Россия» и роль ее лидеров. По данным исследований ФОМ, в 2004–2009 гг. от 58 до 65% опрошенных оценивали роль партии как «незаметную». Точные данные представлены в таблице 1.

Сопоставим эти цифры с выводами известных экспертов о доверии/недоверии граждан к политическим партиям страны. Низкий рейтинг большинства политических партий во многом свидетельствует о недоверии к ним со стороны граждан, все более убеждающихся в социальной неэффективности российской партийно-политической элиты, в том, что отстаивает исключительно собственные интересы. На наш взгляд, было бы неверным возлагать основную ответственность за социально-экономические провалы государства на партии, не имеющие согласно Конституции права формировать правительство и отправлять его в отставку, но доля вины, безусловно, лежит и на них.

Устав «Единой России» упоминает в числе задач партии «представление интересов граждан в органах государственной

⁶⁹Ольшанский Д.В. Политический PR. — СПб, 2003. С.13.

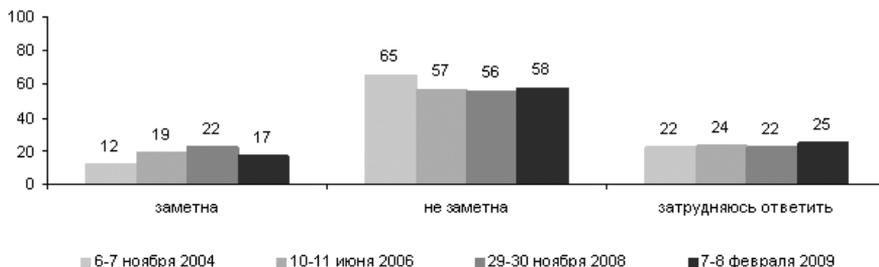
⁷⁰Траут Дж., Райс Эл. Позиционирование: битва за умы. — СПб: Питер, 2006. С. 35.

⁷¹В качестве источника использованы данные отдела стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

⁷²Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000-2006). — М., 2007. С. 476.

Таблица 1

«На Ваш взгляд, в нашем городе (селе) заметна или не заметна деятельность партии “Единая Россия”».

власти и органах местного самоуправления», «выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности, органов государственной власти и органов местного самоуправления»⁷⁴. Но выполняются ли эти задачи на самом деле? И есть ли вообще в России партии, реально отражающие мнения своих избирателей?

Генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров дает на этот вопрос отрицательный ответ⁷⁵. Данные опросов ФОМ и «Левада-центра» также свидетельствуют о весьма критичном отношении россиян к политическим партиям и партийной системе России в целом.

Заместитель директора «Левада-центра» Алексей Гражданкин на основании проведенных исследований делает вывод: «По мнению большинства респондентов, политические партии не являются влиятельными политическими институтами в России. Политические партии, существующие сегодня в России, оказывают, по мнению большей части наших сограждан, еще меньшее влияние на политическую жизнь страны, чем губернаторы и Госдума в целом»⁷⁶.

Низок уровень доверия и к парламенту, не исключая Госдуму нынешнего созыва, в которой доминирует «Единая Россия». Формально Дума имеет право на утверждение кандидатуры пре-

⁷³Деятельность партии «Единая Россия» в ситуации экономического кризиса. Опрос населения 12.02.2009. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0906/d090612>

⁷⁴Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия». Режим доступа: <http://www.edinros.ru/rubr.shtml?110102#1>

⁷⁵Федоров В. Партии на вырост. — Российская газета, 21.07.2006.

⁷⁶Россияне о выборном законодательстве (губернаторы, парламент, партии). 15.02.2010. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010021502.html>

мьер-министра, но на деле не влияет на кадровые назначения в правительстве, не определяет проводимый им политический курс, не имеет ряда других функций, характерных для развитых демократических систем. Как писал по этому поводу В. Гельман, «генезис “партии власти” обрекал ее на подчиненную роль в процессе выработки и реализации политического курса; предельно огрубляя, Кремль нуждался в ЕР как в послушных исполнителях, а не как в автономных партнерах».⁷⁷

Правда, это не сказывается на привлекательности партийного билета ЕР для значительной части социально активных и амбициозных граждан: 23 мая 2008 г., накануне исчезновения с партийного сайта счетчика, отслеживающего рост численности «Единой России», там фигурировала цифра 2 000 020 человек⁷⁸. Так что отсутствие реальной власти у представительных органов не останавливает приток в партию новых членов, мотивированных не в последнюю очередь желанием примкнуть к «большинству», сделать при поддержке партии политическую или административную карьеру и т.д.

В то же время в глазах обычных граждан «Единая Россия» все больше предстает в виде «монстра», мало отличающегося от своего предшественника — по данным на 1986 г. в КПСС состояло 19 миллионов членов или примерно 10% взрослого населения СССР⁷⁹. В перспективе эта позиция не сулит ничего хорошего. Это видно хотя бы из опросов ВЦИОМ (см. таблицу 2): несмотря на то что в масштабную перспективу ЕР верят 32% опрошенных, у 11% граждан сохраняется мнение что в перспективе возможен возврат к «новой КПСС»; кроме того они не исключают, что ЕР может потерять голоса избирателей — доля таковых, с учётом тех, кто считает, что со сменой власти «Единая Россия» развалится, составляет уже 36%.

«“Единая Россия”, судя по всему, пребывает в растерянности, — резюмирует гендиректор ВЦИОМа В. Федоров. — Ее идейно-политические позиции выглядят предельно аморфно, диапазон представленных в ней течений начинает напоминать КПСС

⁷⁷Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии. Электоральное пространство современной России. — Политическая наука: Ежегодник 2008. Российская ассоциация политической науки. — М. РОССПЭН, 2009. С.37.

⁷⁸«Единая Россия» снялась со счетчика. — Коммерсантъ, 27.05.2008. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=896501>

⁷⁹Коммунистическая партия Советского Союза. Материал из Википедии. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>

Таблица 2

«Какими Вы видите перспективы “Единой России”?»⁸⁰ (в процентах)

Перспективы «Единой России»	%
Ее роль будет возрастать, со временем она станет «новой КПСС»	11
Она будет оставаться крупной партией, такой же, какой является сейчас	32
«Единая Россия» со временем потеряет поддержку общества	14
Эта партия создавалась под В. Путина, придет другая власть и «Единая Россия» развалится	22
Затрудняюсь ответить	21

горбачевских времен — от левых социалистов до либералов правого толка при доминировании всеядной “партийной массы”. Высокий уровень электоральной поддержки не должен вводить в заблуждение. В значительной степени он связан с конформистским желанием многих людей присоединится к партии, располагающей властным ресурсом»⁸¹.

Примечательно в этой связи мнение Е.М. Примакова: «Имея поддержку власти, “Единая Россия” приводит в свои ряды многих из тех, кто рассчитывает на нее как трамплин к занятию тех или иных должностей в законодательной и исполнительной ветвях власти всех уровней. Но не будем забывать, как в одночасье рухнула КПСС, в члены которой тоже многие вступали по аналогичным соображениям»⁸². Добавим сюда также мнение С.М. Миронова: «Опасность заключается в том, что внутри самой ЕР, видимо, крепнет убеждение, что никакой второй и тем более третьей партии стране не надо... Я вижу тенденцию к формированию партии-государства, к моноцентризму, по сути — к реинкарнации руководящей и направляющей»⁸³.

Опасения председателя Совета Федерации вполне обоснованны. По контрасту с КПСС, представлявшей собой «партию-

⁸⁰Федоров В. Партии в России: общественный запрос на перемены. — РИА «Новости», 22.03.05. Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1143.html?no-cache=1&cHash=0ecc25912a>

⁸¹Там же

⁸²Примаков Е. Нам нужна стабильность и безопасность. — Российская газета, 13.01.2006. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/01/19/primakov-itoki.html>

⁸³Миронов С. Сколько партий нужно? — Литературная газета, 2—8.11.2005.

государство»⁸⁴, доминирование ЕР правильнее охарактеризовать как «государство-партию»⁸⁵. Однако современные партстроители не считаются ни с научным анализом природы политических партий, ни с печальным опытом самой России. Не считаются они и с тем, что преобладающей тенденцией в мировом масштабе является не абсолютизация бюрократически-структурированных политических партий, а развитие гражданского общества⁸⁶. Как подметил Ю.Г. Коргунюк, на закате однопартийного режима КПСС обладала еще более мощными инструментами воздействия на общество, однако с какого-то момента «эти инструменты начали работать против владельца»⁸⁷.

По мнению экспертов, этот процесс зреет и в недрах нынешней «партии власти», хотя на поверхность партийной жизни он пока не пробивается.

Выступив в свое время с инициативой перехода к чисто пропорциональной системе выборов в Госдуму и к смешанной избирательной системе на региональном уровне, политическое руководство страны предполагало усилить роль парламента и повысить значимость партий в политической системе. Однако ожидания не оправдались. Пропорциональная система сразу же стала давать сбои, а конкурентная борьба развернулась не между различными партиями и не между членами одной партии по подобию американских «праймериз», а между региональными группами влияния (кланами, клиентелами, бизнес-группами).

Члены других партий при первой же возможности переходят в «партию власти», а федеральный центр стремится включать в списки «Единой России» «любых победителей любых выборов, кем бы они ни были до выборов»⁸⁸. Некоторые исследователи выдвинули предположение о трансформации межпартийной конкуренции в сегодняшней России во внутрипартийную. Однако внутрипартийная борьба в ЕР больше походит на бой без пра-

⁸⁴Geddes, B. *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. — Ann Arbor: MI: University of Michigan Press, 2003.

⁸⁵Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии... С. 38.

⁸⁶Карапетян Л.М. Политические партии в судьбе России. — СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С. 112.

⁸⁷Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. — М., Фонд ИНДЕМ. Московский городской педагогический университет, 2007. С. 435.

⁸⁸Кынев А.В. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. — М., 2009. С.16.

вил: её основными участниками являются «авторитетные» люди и персонально ориентированные «команды», в которых связи носят вертикальный характер и строятся по принципу личной лояльности, тяготея к превращению в патрон-клиенские или вассальные.

Неудивительно, что такие действия не находят понимания у граждан, для которых совершенно теряется смысл основополагающего тезиса Конституции РФ, согласно которому «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», а право граждан избирать и быть избранными (ст. 32 Конституции РФ) всё больше и больше девальвируется.

Недавнее исследование ИСПИ РАН показало, что, по мнению подавляющего большинства респондентов, «власть в стране контролируется экономической и политической элитой и не принадлежит народу»⁸⁹. Практически все экспертное сообщество едино в том, что партийно-политическая система России в настоящее время перестала отражать интересы различных групп и слоев общества, произошел разрыв, который необходимо срочно ликвидировать — на что, собственно, и направлен политический маркетинг и его стратегии.

При всей немощи российской партийной системы, анемичности большинства партий, как поддерживающих власть, так и оппонировавших ей, колоссальный отрыв «Единой России» от своих конкурентов не может быть подвергнут сомнению. В соответствии с теорией позиционирования это означает, что в сознании потребителей данного «политического продукта» все же сложилось определенное представление о занимаемой партией позиции, об особенностях ее политического «предложения». В ходе опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2008 г. (см. таблицу 3), утвердительный ответ на вопрос о популярности «Единой России» дали 71% респондентов⁹⁰. По мнению исследователей ФОМа, эта ситуация объясняется в первую очередь высоким уровнем общественной поддержки лично В.В. Путина (24%), которая автоматически распространяется и на руководимую им партию.

Другая причина стабильного рейтинга «Единой России»⁹¹

⁸⁹Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000-2006). — М., 2007. С. 493.

⁹⁰«Единая Россия»: кто и почему вступает в партийные ряды. Опрос населения. 29.05.2008. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0821/d082122>

⁹¹Кынев А.В. Выборы парламентов российских регионов 2003-2009... С.32.

Таблица 3

«Как Вам кажется, почему, по каким причинам партия “Единая Россия” популярна среди россиян?»⁹² (в % от числа опрошенных)

Партию поддерживает В. Путин, он ее возглавил	24
«Авторитет Путина помогает»; «влияние Путина обеспечивает популярность этой партии»; «ее возглавляет Путин»; «в ней наш бывший президент, ему доверяют»; «в ней состоялся бывший президент»; «видят люди, что Путин много для них сделал, старался, ему доверяют, он возглавил партию»; «ее поддерживает всеми любимый бывший президент»; «Путин — авторитет»; «Путин — звезда».	
Партия власти, президентская партия	7
«Власти предрержащие»; «вся власть у них»; «много руководителей в ней»; «она — правящая партия»; «партия правительства»; «поддержка государства»; «правительственная»; «слов нет, чиновники все там»; «там во главе — все руководство страны»; «потому что большинство людей, занимающих высокие должности, из “Единой России”»: Путин и Медведев из нее»; «в ней состоит Медведев»; «из-за поддержки президента»; «партия президента»; «президентская партия».	
Партия известна людям, о ней много информации в СМИ, много рекламы, пропаганды	6
«Благодаря средствам массовой информации, все говорят о “Единой России”»; «более разрекламированные»; «большая пропаганда»; «влияние СМИ»; «все за нее агитируют...»; «говорят о ней много»; «очень грамотный пиар»; «рекламу хорошую делает»; «самая известная».	
Партия хорошо работает, видны результаты ее работы	5
«Больше всего сделала для нашей страны»; «видны успехи ее деятельности»; «выполнение поставленных целей»; «ее дела заметны в нашей стране»; «есть реальные действия этой партии по улучшению жизни в нашей стране»; «за ее дела население ее поддерживает»; «заслужила своей работой».	
Партия победила на выборах, за нее многие голосовали, ее поддерживает большинство, ей доверяют	4
«Большинство голосовали за нее»; «весь народ за нее»; «все выбирают»; «выиграла выборы»; «количество голосов за них больше»; «народ голосует — значит, популярна»; «по голосованиям людей»; «поддерживают ее люди»; «больше доверяют»; «в нее верит народ»; «многие верят в эту партию».	

⁹²Там же.

связана с сокращением электората других партий, включая коммунистов (в силу естественных возрастных причин).

Но так ли все просто с рейтингом «Единой России»? Несмотря на то что о популярности ЕР заявили 71% опрошенных, выявлен интересный момент: большинство опрошенных не хотят идентифицировать себя с партией. Согласно исследованию ВЦИО-Ма (см. таблицу 4), лишь 15% респондентов в 2008 г. допускали для себя возможность вступления в «Единую Россию», тогда как 78% заявляли об отсутствии такого желания⁹³. Схожие цифры приводит и ФОМ. По результатам его опросов (2008), число граждан, не стремящихся вступить в ЕР, составляет от 66% до 79%⁹⁴.

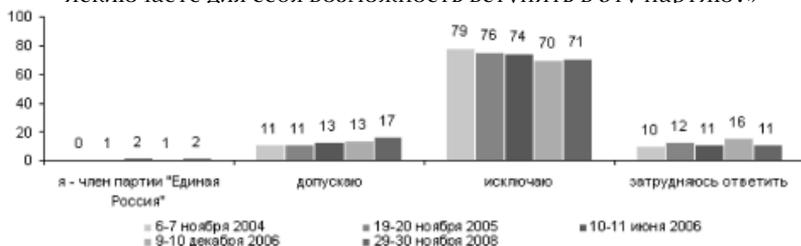
Таблица 4

Скажите, пожалуйста, Вы хотели бы или не хотели бы вступить в партию «Единая Россия»? (Ответы всех респондентов, кроме заявивших, что они члены «Единой России», — 98% от всех опрошенных.)

	Население в целом	Пол		Возраст		Образование			Доход			Тип населен. пункта							
		мужской	женский	18 - 35 лет	36 - 54 лет	55 лет и старше	ниже среднего	среднее общее	среднее спец.	высшее	3000 руб. и менее	3001 — 6000 руб.	более 6000 руб.	Москва	мегаполис	большой город	малый город	село	
Доли групп	100	46	54	36	36	28	11	34	35	19	19	38	29	8	12	17	37	25	26
хотел(-а) бы	7	7	7	9	6	4	3	6	6	12	7	7	7	5	6	4	8	8	7
не хотел(-а) бы	70	69	71	66	69	77	79	69	70	67	68	71	71	75	77	66	70	68	71
затрудняюсь ответить	21	23	20	23	22	17	17	23	23	17	23	20	19	19	16	28	20	21	19

График 1

«Если Вы не являетесь членом «Единой России», то Вы допускаете или исключаете для себя возможность вступить в эту партию?»⁹⁵

⁹³http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii_arkhiv/item/single/10759.html.

⁹⁴«Единая Россия»: кто и почему вступает в партийные ряды...

⁹⁵Впечатления о съезде партии «Единая Россия». Опрос населения. 04.12.2008. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/pol-par/er/d084822>

В графике 1 приводится динамика ответов на вопрос о готовности вступить в «Единую Россию» (2004–2008 гг.): от 71 до 79% опрошенных исключают для себя такую возможность.

В чем же причина столь удивительной раздвоенности сознания? Думается, в том, что основная часть российских граждан далека не только от активного политического участия, но и от социально-экономического благополучия; их ощущения, оценки и мнения не позволяют им идентифицировать себя с «Единой Россией», которая не отражает и не защищает в полной мере их интересов.

Что мешает партии сделать это? Одна из причин касается кадровой политики. Несмотря на то что в качестве главных задач ЕР заявлены поиск и привлечение лидеров, подготовка партийного кадрового резерва для выдвижения на руководящие должности в региональных, местных и первичных структурах партии, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления⁹⁶, на протяжении многих лет мы видим в руководстве партии одни и те же лица (за исключением В.В. Путина). Не стала «Единая Россия» и ключевым каналом рекрутирования в административную элиту, в состав которой попадают скорее по каналам патрон-клиентских связей, чем по партийной линии⁹⁷.

Как точно подметил Н.В. Петров, проблема ЕР заключается в том, что, называясь «партией власти», она тем не менее не может принимать решения, учитывающие мнения и позиция основных групп интересов, в том числе региональных⁹⁸. На практике «Единая Россия» не обладает автономией, необходимой для проведения собственного политического курса, до сих пор лишена сколько-нибудь содержательной идеологии и служит лишь электро-ральным и законодательным придатком исполнительной власти⁹⁹.

Ни административный аппарат, ни политическое руководство страны не проявляют заинтересованности в превращении ЕР в самостоятельного политического актора. Выгоднее, очевидно, поддерживать нынешний механизм взаимоотношений между

⁹⁶Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия». <http://www.edinros.ru/rubr>.

⁹⁷Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии. — Полис, 2008, № 5.

⁹⁸Путин прислонил Россию к теплой стенке. — Свободная пресса, 26.03.2010. Режим доступа: <http://svpressa.ru/politic/article/23027>

⁹⁹Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии. — Полис. 2008. № 5.

государством и партией, в котором управленческий аппарат играет роль ведущего, а партия — ведомого¹⁰⁰.

Упорное насаждение псевдопартийной системы не привело и не могло привести к возникновению стабильного пула сильных партий — игроков, цивилизованно конкурирующих между собой на ухоженном поле политического рынка. Вместо межпартийной конкуренции мы получили внутривнутрипартийную борьбу за мандаты, должности, привилегии между «избранными» самой властью. «Вертикальный» принцип сохранился и здесь, равно как и напряженность между «партией власти» и государственной бюрократией, которая не спешит делиться властными полномочиями даже с собственным детищем. Позиционирование «Единой России» в отечественном политическом процессе представляет собой весьма оригинальный феномен, в котором массовое устойчивое недоверие граждан к политическим партиям соседствует со столь же массовой поддержкой ЕР, а явные симпатии и доверие граждан к партии оригинально сочетаются с дружным нежеланием состоять в ее рядах.

И все-таки пока большинство россиян (от 50 до 62%, согласно исследованиям ФОМа, см. график 2) утверждают, что они хорошо относятся к «Единой России», у нее остаются возможности для работы над ошибками и сохранения влияния в обществе посредством более убедительного и, главное, самостоятельного позиционирования¹⁰¹.

Основательно продуманные и испытанные на практике позиции обладают большим запасом прочности, устойчивы к неожиданностям политического процесса, защищены от внезапных атак конкурентов и содержат потенциал для будущего развития. Залогом

График 2
«Как Вы в целом относитесь к партии “Единая Россия” — положительно или отрицательно?»

¹⁰⁰Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-традиция, 2004.

¹⁰¹«Единая Россия»: кто и почему вступает в партийные ряды. <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0821/d082122>

успеха любой партии является завоевание конкурентной позиции на политическом рынке, в отсутствии же таковой можно уверенно прогнозировать, что ее политическая судьба будет недолговечной. При этом партия должна четко представлять себе, кто её «потребитель» (избиратель), почему он предпочитает эту политическую партию, с кем и по каким направлениям она конкурирует.

Расширение конкурентного пространства в политике жизненно необходимо не только для маргинальных партийных образований. Оно важно и для самой «Единой России», углубленное позиционирование которой невозможно без публичной дискуссии с оппонентами, без наличия противоборствующих политических идеологий, программ, проектов.

Поэтому, по нашему мнению, ЕР нельзя «почивать на лаврах». Б. Дубин в докладе на конференции «События и тенденции 2009 года в общественном мнении» («Левада-центр», 19 января 2010 г.) отметил, что причина массовой поддержки гражданами нынешнего режима — в его безальтернативности: «Деятельность первых лиц, подвластных им медиа и тех элит, которые подыгрывают власти, той свиты, которая “играет короля”, установили, по крайней мере ко второму путинскому сроку и, особенно, на протяжении этого второго срока, ситуацию фактической безальтернативности»¹⁰². Создавшаяся ситуация, отмечает эксперт, определяет многое, если не все, в экономической жизни россиян, в их отношении к власти, в оценках власти и т.д. Согласно исследованиям «Левада-центра», люди, поддерживающие В. Путина делятся на три равные части: «Одна треть поддерживает, поскольку он справлялся с проблемами страны, другая надеется, что он еще покажет себя, третья — поддерживает, потому что больше некого»¹⁰³.

Соглашаясь со сказанным, подытожим. Политологическое экспертное сообщество едино во мнении, подтверждаемом многочисленными исследованиями, что россияне испытывают острую потребность в реальной, а не декоративной многопартийности, в партиях, способных на серьезные преобразования для обеспечения равноправия всех политических акторов, законности, открытости, свободного выражения воли граждан в выборе органов власти, разделения властей, их сменяемости, сохранения и развития не урезанной, а полноценной демократии.

¹⁰² Дубин Б. Характер массовой поддержки нынешнего режима. — Политический маркетинг, 2010, №3 (144). С. 64.

¹⁰³ Там же.

3. ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Панов П.В.

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ ЭЛИТ НА МЕСТНЫХ ВЫБОРАХ

Общепризнанно, что ключевым моментом в трансформации российской политической системы в 2000-е гг. стало создание доминирующей партии в лице «Единой России»¹. Очевидно, доминирующая партия отнюдь не является российским феноменом. Как показывают сравнительные исследования, современные авторитарные режимы не могут обойтись без партий точно так же, как и демократии. Их устойчивость и выживаемость в значительной мере зависит от того, насколько правящей группе удастся удовлетворять потребности элитных групп, поддерживать баланс между ними, и доминирующая партия в данном случае является весьма эффективным инструментом².

Доминирующая партия призвана консолидировать элитные группы вокруг правящего режима с тем, чтобы, с одной стороны, элиминировать их оппозиционный потенциал и, с другой стороны, «увести» межэлитные разногласия и конфликты за рамки публичной сферы, в первую очередь за рамки электорального процесса. Электоральная конкуренция всегда содержит потенциал непредсказуемости и опасность выхода политического процесса

¹Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы). — *Общественные науки и современность*, 2006, №1; Коргунюк Ю.Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) *Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства*. — М.: ИНИОН, 2009; Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? — *Политическая наука*, 2006, № 1; Reuter, J., Remington, T. *Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia*. — *Comparative Political Studies*, 2009, № 4.

²Brownlee, J. *Authoritarianism in an Age of Democratization*. — Cambridge, New York, 2007; Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. — Cambridge, New York, 2006.

из-под контроля правящей группы. Создание доминирующей партии призвано устранить эти нежелательные последствия, создать своего рода площадку для непубличного обсуждения и разрешения межэлитных разногласий и конфликтов, для «сцепления» элитных взаимодействий в более или менее целостную «систему обменов»³.

Как представляется, именно эта стратегия была избрана в начале 2000-х гг., когда началась реализация проекта «Единая Россия». В какой мере партия справляется с задачей консолидации элит? Если применительно к федеральному и в значительной мере к региональному уровню ответ достаточно очевиден, ситуация на локальном уровне требует дополнительного исследования. Вместе с тем «в идеале» «Единая Россия» как площадка для межэлитных взаимодействий призвана дойти до самых нижних этажей политики, чтобы внести свой вклад в построение «вертикали власти». Таким образом, в данной работе ставится задача ответить на вопрос, в какой мере «Единая Россия» является эффективным инструментом консолидации элит на местном уровне, и определить факторы, влияющие на ее эффективность.

Наиболее явно консолидирующая роль «Единой России» проявляется в ходе избирательных кампаний. Поэтому поставленная задача будет решаться на эмпирическом материале местных выборов. Теоретически можно выделить несколько вариантов («моделей») роли «Единой России» в межэлитных взаимодействиях на электоральном поле:

1) «Единая Россия» является эффективным инструментом консолидации, вбирая в себя все (или почти все) элитные группы. Поскольку это так, соперниками кандидатов, выдвинутых «Единой Россией», могут быть лишь политические маргиналы, не обладающие сколько-нибудь существенными ресурсами. Соответственно, конкуренция на выборах фактически отсутствует.

2) Консолидирующая роль «Единая Россия» ограничена, она оказывается под контролем одной или нескольких элитных групп, но не может консолидировать все группировки. По тем или иным причинам некоторые из них либо не допускаются в партию, либо не желают работать на площадке «Единой России». На выборах

³Панов П.В. Институциональные политические практики в России 1990-х и 2000-х годов // Лапина Н.Ю. (ред.) Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен. — М., 2008.

их кандидаты более или менее успешно конкурируют с представителями «партии власти».

3) «Единая Россия» не является консолидирующей силой, большинство элитных групп конкурируют между собой публично, за рамками партии. Соответственно, кандидаты «единороссов» выступают на выборах относительно слабо.

Задача, таким образом, заключается в том, чтобы определить соотношение между указанными моделями и проанализировать, какие факторы оказывают на него влияние.

В КАКОЙ МЕРЕ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» ЯВЛЯЕТСЯ ЭФФЕКТИВНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ КОНСОЛИДАЦИИ ЭЛИТ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ?

Исследование выполнено на материале выборов в одном из субъектов РФ — Пермском крае, которые состоялись в 2008—2010 гг. в муниципальных образованиях типа муниципальных районов и городских округов (выборы в городских и сельских поселениях не рассматривались). В качестве эмпирических данных использовались данные о кандидатах (о «субъекте» их выдвижения), а также о распределении голосов избирателей.

Введение хронологических рамок исследования обусловлено тем, что «Единая Россия» долгое время вела себя на местных выборах довольно пассивно. Несмотря на то что в ходе избирательных кампаний она во многих случаях оказывала поддержку тем или иным претендентам, официальное выдвижение кандидатов от партии было большой редкостью. Перелом наступил в 2008 г., когда региональным партийным руководством было принято решение на всех выборах официально выдвигать своих кандидатов. С этого времени (за редким исключением) проводится политика «один мандат — один кандидат». Более того, партия запрещает своим членам самовыдвижение, если в избирательном округе есть официальный кандидат от «Единой России», и известны случаи, когда нарушителей этого запрета исключали из партии. Как представляется, «новый курс» во многом объясняется беспрецедентным успехом «Единой России» на федеральных выборах 2007—2008 гг., который породил убеждение, что «партия власти» уже обладает достаточным потенциалом, чтобы довести «вертикаль власти» и консолидацию элит «до самых низов», то есть полностью обеспечить «сцепление» всех уровней власти в единой целое. Таким образом, именно 2008—2010 гг. наиболее показательны в

плане выявления эффективности «Единой России» в качестве инструмента консолидации элит на местном уровне.

Переменная «консолидирующая роль “Единой России” на выборах» измеряется на интервальном уровне с помощью «индекса консолидации», который рассчитывается применительно к каждому избирательному округу. Индекс может принимать значение от 0 до 4. Правила присвоения соответствующего значения представлены в таблице 1. Максимальное значение индекса консолидации соответствует первой из трех названных выше моделей: «Единая Россия» является эффективным инструментом консолидации. Вторая модель — «Единая Россия» представляет собой достаточно влиятельную силу, но не может консолидировать все элитные группы — предполагает достаточно высокий уровень электоральной конкуренции. Если кандидат «единороссов» побеждает, индексу присваивается значение 3, если проигрывает — 2. Третьему варианту — «Единая Россия» не является консолидирующей силой — соответствуют значения индекса 1 и 0⁴.

Таблица 1

Операционализация переменной «консолидирующая роль «Единой России» на выборах»

Варианты (модели) роли ЕР	Распределение голосов между кандидатами	Значение индекса
1. ЕР является эффективным инструментом консолидации	Кандидат ЕР набрал более 60% голосов избирателей (в случае высокой фрагментации более 50%)	4
2. Консолидирующая роль ЕР ограничена	Кандидат ЕР выиграл, но набрал менее 50% (в случае поляризации менее 60%)	3
	Кандидат ЕР достаточно сильный, но проиграл (набирает более 15%, в случае высокой фрагментации — более 10%)	2
3. ЕР не является консолидирующей силой	Кандидат ЕР откровенно слабый и набирает менее 10% (в случае поляризации менее 15%)	1
	Кандидата ЕР нет	0

⁴Применительно к выборам глав, которые проходили в два тура, в случае выигрыша кандидата «Единой России» во втором туре индексу присваивается значение 3,

В ходе реформы местного самоуправления в Пермском крае были образованы 6 городских округов (ГО) и 42 муниципальных района (МР), причем в подавляющем большинстве уставы предусматривали избрание глав муниципальных образований (МО) на прямых выборах. Тенденция перехода к избранию глав из состава депутатов представительного органа наметилась лишь недавно, и до сих пор только 14 МР и ГО ввели у себя эту модель. Таким образом, в большинстве муниципальных образований проходят два типа выборов: выборы глав и выборы депутатов.

В рамках рассматриваемого периода выборы глав прошли в 17 МР и ГО. Лишь однажды (на выборах главы Еловского МР) «Единая Россия» не выставила своего кандидата, но это объясняется исключительно спецификой предвыборной ситуации. Результаты кандидатов, выдвинутых на этих выборах «Единой Россией», представлены в таблице 2. Расчет индекса консолидации показывает, что лишь в четырех случаях из 17 «единороссы» смогли выставить консолидированного кандидата, во всех остальных случаях конкуренция была достаточно острой, а в 12 муниципалитетах для определения победителя потребовался второй тур. Следовательно, на выборах глав муниципальных образований «Единая Россия» лишь в редких случаях оказывается в состоянии консолидировать местные элиты.

Что касается выборов депутатов представительных органов МСУ, здесь, как и на выборах глав, «Единая Россия» начала проводить «новый курс» с 2008 г. В этом году выборы депутатов прошли в 6 МР и ГО, и в двух из них «Единая Россия» впервые официально выдвинула своих кандидатов во всех округах. В 2009-2010 гг. выборы депутатов состоялись в 12 и 13 муниципальных образованиях соответственно. В выборку, таким образом, включены 27 выборов депутатов представительных органов МР и ГО. Общая характеристика этих выборов представлена в таблице 3.

в случае поражения — 2. Что касается тех выборов депутатов представительных органов МСУ, которые проводились по многомандатным округам, использовались следующие правила. Если кандидаты «Единой России» выигрывали оба мандата в двухмандатном округе, индексу присваивается значение 4, один мандат — 2,5, ни одного — 2 (при условии относительно успешного выступления кандидатов) или 1 (в случае слабого выступления). В отношении трехмандатных округов: 4 — если кандидаты ЕР выиграли все три мандата, 3 — если они получили два из трех. В случае, когда был выигран всего один мандат, индексу присваивается значение 2,5 (если проигравшие кандидаты ЕР выступили достойно) или 2 (если они выступили слабо). Поражение всех кандидатов от ЕР соответствует значению 1.

Таблица 2

Результаты кандидатов «Единой России» на выборах
глав муниципальных образований

Муниципальные образования	Год	Доля голосов, полученных кандидатом ЕР в первом туре	Значение индекса консолидации
Осинский МР	2008	52,84%	3
Александровский МР	2009	37,21%	2
		(проиграл во втором туре)	
Красновишерский МР	2009	25,57%	3
		(выиграл во втором туре)	
Краснокамский МР	2009	34,65%	3
		(выиграл во втором туре)	
Куединский МР	2009	45,92%	3
		(выиграл во втором туре)	
Соликамский МР	2009	36,41%	2
		(проиграл во втором туре)	
Суксунский МР	2009	75,30%	4
Уинский МР	2009	80,97%	4
Усольский МР	2009	43,56%	3
		(выиграл во втором туре)	
Чайковский МР	2009	27,89%	2
		(проиграл во втором туре)	
Частинский МР	2009	47,21%	3
		(выиграл во втором туре)	
Чердынский МР	2009	19,20%	2
		(не вышел во второй тур)	
Бардымский МР	2010	19,58%	2
		(проиграл во втором туре)	
ГО Березники	2010	77,95%	4
Еловский МР	2010	Нет кандидата ЕР	0
ГО ЗАТО Звездный	2010	35,90%	3
		(выиграл во втором туре)	
Оханский МР	2010	77,84%	4

Необходимо пояснить, что в некоторых МО (6 случаев) выборы проводились по многомандатным округам, поэтому количество избирательных округов в 2009-2010 гг. меньше количества мандатов. Кроме того, в марте 2010 г. на муниципальных выборах в Пермском крае впервые была применена смешанная избирательная система: половина депутатов Земского собрания Верещагинского МР избиралась по партийным спискам. Результаты этих выборов (в части голосования за партийные списки), разумеется, исключены из выборки.

Таблица 3

Общая характеристика выборов депутатов представительных органов МР и ГО Пермского края, включенных в выборку

	Всего 2008–2010	2008	2009	2010
Количество выборов	27	2	13	12
Количество мандатов	445	31	215	196
Количество мандатов, на которые у ЕР не было кандидата	48	0	21	27
Количество мандатов, полученных кандидатами ЕР	207	18	100	89
ДОЛЯ	0,465	0,581	0,465	0,454
Количество округов	395	31	183	181
Количество округов, где кандидаты ЕР консолидировали местные элиты	86	3	39	44
ДОЛЯ	0,22	0,10	0,21	0,24

Индекс консолидации был рассчитан применительно к каждому избирательному округу в рассматриваемой выборке (всего 395 округов). Распределение значения индекса представлено на диаграмме 1.

Значения индекса консолидации показывают, с одной стороны, значительное разнообразие результатов, получаемых на выборах кандидатами «Единой России». С другой стороны, они свидетельствуют о том, что в целом «Единая Россия» не стала пока эффективным инструментом консолидации местных элит. Кандидаты, официально поддержанные партией, выиграли в 2008-2010 гг. лишь около половины депутатских мандатов, и только в

Диаграмма 1

Диagramма 2

22% округов можно говорить о том, что они были консолидированными кандидатами, то есть ни один из соперников не смог составить им сколько-нибудь серьезную конкуренцию (см. также таблицу 1). Правда, нельзя не отметить, что в 2010 г. доля округов, где индекс консолидации принимает значение 4, несколько увеличилась (до 24%). Насколько эта тенденция устойчива, покажет время, однако в любом случае она пока весьма слабая. Об этом же свидетельствует и диаграмма 2, где распределение индекса консолидации представлено в сравнении между 2009 и 2010 гг.

Поскольку, как уже отмечалось, в подавляющем большинстве МР и ГО Пермского края избираются и главы, и депутаты, представляется небезынтересным сопоставить значение, которое принимает индекс консолидации на выборах разного типа. Следует, правда, оговориться, что не во всех муниципалитетах они проводятся одновременно, и за рассматриваемый период и те и другие выборы состоялись лишь в 13 муниципальных образованиях (при этом лишь в 5 случаях они были одновременными). Для получения сопоставимых значений индекса консолидации применительно к выборам депутатов были рассчитаны агрегированные значения, которые представляют собой среднее для всех избирательных округов в соответствующем муниципальном образовании. Данные по всем 27 муниципалитетам представлены в приложении, а 13 сопоставимых случаев — в таблице 4 (курсивом выделены муниципальные образования, где глава и депутаты избирались одновременно).

Примечательно, что корреляция между значениями индекса консолидации на выборах глав и агрегированным индексом на

Таблица 4

Сопоставление индексов на выборах глав и депутатов в 13 МО
(отсортировано по возрастанию значения агрегированного индекса)

	Агрегированный индекс на выборах депутатов	Индекс консолидации на выборах главы
Бардымский МР	0,93	2
Частинский МР	1,22	3
Краснокамский МР	1,93	3
Соликамский МР	2,13	2
Чердынский МР	2,27	2
Александровский МР	2,40	2
Еловский МР	2,40	0
Красновишерский МР	2,50	3
Оханский МР	2,50	4
ГО ЗАТО Звездный	2,80	3
Куединский МР	2,88	3
Уинский МР	2,90	4
ГО Березники	3,96	4

выборах депутатов явно присутствует, причем не только в тех случаях, где выборы глав и депутатов проходили одновременно. Это позволяет предположить, что место, которое «Единая Россия» занимает в местной политике в том или ином муниципальном образовании, достаточно «устойчиво». Иными словами, значения индекса консолидации фиксируют не только текущую ситуацию на данных выборах, но и в значительной мере тенденцию, характеризующую роль «Единой России» в межэлитных взаимодействиях на уровне данного муниципалитета.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ «ЕДИНОЙ РОССИИ» КАК ИНСТРУМЕНТА КОНСОЛИДАЦИИ ЭЛИТ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Очевидно, что степень эффективности «Единой России» как инструмента консолидации элит на местном уровне является результатом одновременного воздействия множества факторов. В каждом отдельном случае их «набор» и значимость, разумеется, уникальны, но задача заключается в том, чтобы выявить некие общие взаимосвязи. В первую очередь, представляется необходимым проверить влияние социальных и экономических факторов. Наиболее типичные характеристики социальной структуры населения — степень урбанизации и национальный состав, но

поскольку по последнему признаку вошедшие в выборку МР и ГО (за небольшими исключениями) практически не отличаются, был использован лишь один показатель — «доля городского населения»⁵. Для измерения уровня экономического развития применен такой синтетический индикатор как валовый региональный продукт, произведенный в муниципальном образовании в расчете на душу населения (далее — «ВРП ДН») ⁶.

Кроме того, можно предположить, что на консолидирующую роль «Единой России» влияют «социально-психологические» особенности местных элит, а именно степень их конформизма, который выражается в готовности следовать господствующей тенденции, подчиняться указаниям «сверху». Чем в большей мере местные элиты лояльны господствующей политической тенденции, тем скорее они откажутся от публичной конкуренции и будут взаимодействовать на площадке «Единой России». Как представляется, достаточно валидным измерением этого параметра является доля голосов, поданных на соответствующей территории за Д. Медведева на президентских выборах 2008 г. Известно, что голосование на этих выборах в значительной мере было мобилизационным, и мобилизацию избирателей по требованию «сверху» производили именно местные элиты. Следовательно, доля голосов, полученных Медведевым⁷ — достаточно точный индикатор того, насколько местные элиты склонны выполнять указания сверху.

Данные по всем трем показателям (доля городского населения, ВРП ДН и доля голосов, полученных в 2008 г. Медведевым) доступны для муниципальных образований, но не для избирательных округов, по которым проходили выборы депутатов представительных органов МСУ. В то же время количество выборов глав муниципальных образований (17) явно недостаточно для количественного анализа данных. Поэтому анализ проводился на основе выборов депутатов представительных органов МР и ГО с использованием агрегированных значений индекса консолидации

⁵База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst57/DBInet.cgi>

⁶Развитие местного самоуправления в Пермском крае. Итоги переходного периода. Ежегодный доклад. — Пермь, 2008.

⁷База данных Центральной избирательной комиссии РФ. Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/izbirkom.html>

Таблица 5

Значения коэффициентов корреляции между индексом консолидации и независимыми переменными и коэффициентов множественной регрессии

	Независимые переменные		
	Доля городского населения	Доля голосов, полученных Медведевым на выборах 2008 г.	ВРП ДН
Коэффициенты корреляции	0,316 (0,108)	0,213 (0,286)	0,509* (0,007)

*Корреляция значима на уровне 0,05

Коэффициенты регрессии (стандартизованные Бета-коэффициенты)	0,221	0,160	0,387
--	-------	-------	-------

$R = 0,548$; $R \text{ Square} = 0,301$

для каждого муниципального образования. Единицей анализа был, таким образом, не избирательный округ, а выборы (муниципальное образование). Значительная часть информации при этом, к сожалению, теряется, но, как мы видели выше, агрегированные значения индекса довольно хорошо фиксируют тенденцию, характеризующую роль «Единой России» в межэлитных взаимодействиях на уровне данного муниципалитета. Количество случаев (27) невелико, но в принципе достаточно для применения корреляционного и регрессионного анализа, результаты которых представлены в таблице 5.

По всем трем независимым переменным коэффициенты корреляции положительны, что указывает на прямую связь между ними и индексом консолидации. Интенсивность связи, однако, сильно различается. Связь между индексом консолидации и долей голосов, поданных на президентских выборах 2008 г. за Медведева, крайне слабая (статистически не значима). Значительно сильнее связь между индексом консолидации и социально-экономическими показателями. Особенно выделяется коэффициент корреляции ВРП ДН, характеризующий уровень экономического развития муниципального образования. Регрессионный ана-

лиз дает достаточно высокий R Square, который указывает, что в совокупности все три фактора почти на треть объясняют значение индекса консолидации. Значения Бета-коэффициентов также указывают на то, что ключевое влияние на изменение индекса консолидации оказывают социальные и, особенно, экономические факторы.

Разумеется, количественным методам исследования, как, впрочем, и качественным, свойственны определенные ограничения. В каждом отдельном муниципалитете на взаимодействие между локальными элитными группами мощное воздействие оказывает контекст, поэтому нет ничего удивительного, что ряд случаев не вписывается в выявленные взаимосвязи. Например, «Единой России» никак не удастся консолидировать элитные группы в таких развитых экономических центрах, как Краснокамский и Чайковский муниципальные районы. Здесь сложилась крайне сложная структура элит, и на всех муниципальных выборах наблюдается острейшая конкуренция, а внутри местных отделений «единороссов» идет борьба различных группировок. С другой стороны, в группе территорий с достаточно высоким индексом консолидации оказались несколько откровенно слабых в экономическом отношении муниципальных районов (Уинский, Гремячинский). Множество факторов, влияющих на реализацию потенциала «Единой России» как площадки согласования интересов элитных групп — личные качества местных руководителей, персональные отношения между местными лидерами и т.д. — не могут быть выявлены количественными методами, а требуют применения качественных методов типа case-studies.

Тем не менее общая закономерность прослеживается достаточно отчетливо: по мере увеличения экономического потенциала муниципального образования «Единая Россия» играет консолидирующую роль более успешно. На первый взгляд, этот вывод кажется несколько неожиданным, ведь чем более развита территория экономически, тем, казалось бы, более сложной должна быть структура элит, соответственно, их сложнее консолидировать. Оказывается, это не совсем так. Как представляется, полученные результаты можно интерпретировать следующим образом: главная трудность в деле консолидации местных элит — не столько их структурная сложность, сколько наличие у элитных группировок достаточной мотивации для объединения на площадке «Единой России».

Во-первых, в более развитом в экономическом отношении муниципалитете больше ресурсов. Соответственно, их можно распределить между всеми заинтересованными акторами, не слишком ущемляя интересы каждого в отдельности. Бедные территории, напротив, в значительной мере живут за счет трансфертов из краевого бюджета, и, образно говоря, борьба здесь идет за каждый рубль. Зачастую здесь просто невозможно выделить ресурсы всем заинтересованным игрокам, что обостряет конкуренцию между различными группировками.

Во-вторых, в более экономически развитых территориях элитные группы и их лидеры — значительно более «серьезные акторы». Как правило, они формируются вокруг собственников и менеджеров крупных предприятий — людей достаточно амбициозных и в то же время склонных мыслить стратегически. Они не могут не видеть, что в ближайшей перспективе «Единая Россия» останется ключевым игроком на российской политической арене, а свойственные им амбиции, в том числе политические, заставляют их входить на эту площадку. В бедных муниципалитетах, напротив, и лидеры, и элиты значительно менее амбициозны, не строят долговременных планов, а зачастую живут одним днем.

Наконец, чем более экономически развито муниципальное образование, тем большее (при прочих равных условиях) внимание уделяют ему и региональные власти, и региональное руководство «Единой России». Разумеется, результаты выборов в крупных муниципалитетах более значимы для региона, нежели в слаборазвитых и малоперспективных сельских территориях. В развитых муниципальных образованиях региональные акторы зачастую оказывают достаточно серьезное давление на местных лидеров, чтобы добиться согласия между ними и избежать публичной конкуренции на выборах.

Таким образом, мотивы, которыми руководствуются местные элиты, принимая решение, консолидироваться ли им на площадке «Единой России», имеют преимущественно инструментальный характер. Дополнительное свидетельство тому — крайне низкая корреляция между значением индекса консолидации и долей голосов, поданных за Медведева на выборах 2008 г. Это означает, что те местные нотабли, которые вели себя более конформистски на президентских выборах 2008 г., совсем не обязательно проявляют наибольшую лояльность по отношению к «Единой Рос-

сии» на местных выборах. Следовательно, склонность следовать господствующей политической тенденции имеет ситуативный характер, а отнюдь не является стабильной политикой ориентацией.

Инструментальное отношение местных элит к «Единой России» имеет еще одно последствие. Ради консолидации местных элит региональные партийные лидеры нередко отдают местную партийную организацию фактически «на откуп» той или иной элитной группировке. Так, в Березниках (втором по значению

Приложение

Результаты выборов в представительные органы МСУ в отдельных муниципальных образованиях (отсортировано по убыванию значения агрегированного индекса консолидации) *

	Год	Кол-во мандатов	Кол-во округов	ЕР: кол-во мандатов	ЕР: доля мандатов	Агрегированный индекс консолидации
Березники ГО	2010	25	25	25	1,00	3,96
Пермский МР	2009	17	17	16	0,94	3,70
Губахинский МР	2009	15	5	11	0,73	3,30
Уинский МР	2009	15	5	8	0,53	2,90
Кудединский МР	2009	24	24	16	0,67	2,88
Гремячинский МР	2010	15	5	8	0,53	2,80
ЗАТО Звездный	2009	10	5	6	0,60	2,80
Нытвенский МР	2010	20	20	10	0,50	2,70
Верещагинский МР	2010	13	13	7	0,54	2,69
Лысьвенский МР	2008	15	15	9	0,60	2,67
Оханский МР	2009	15	8	7	0,47	2,50
Красновишерский МР	2008	16	16	9	0,56	2,50
Сивинский МР	2009	15	15	6	0,40	2,47
Еловский МР	2010	15	10	4	0,27	2,40
Александровский МР	2009	15	15	6	0,40	2,40
Ильинский МР	2009	18	18	7	0,39	2,28
Чердынский МР	2010	15	15	6	0,40	2,27
Большесосновский МР	2010	15	15	6	0,40	2,13
Горнозаводский МР	2010	15	15	4	0,27	2,13
Соликамский МР	2010	15	15	3	0,20	2,13
Ординский МР	2009	15	15	5	0,33	2,07
Березовский МР	2009	20	20	4	0,20	2,00
Краснокамский МР	2010	15	15	5	0,33	1,93
Кунгурский МР	2009	21	21	6	0,29	1,76
Частинский МР	2010	18	18	5	0,28	1,22
Кизеловский МР	2009	15	15	2	0,13	1,07
Бардымский МР	2010	15	15	3	0,20	0,93

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Городские коалиции и локальное управление в современной России», проект № 10-03-82305а/У.

городе Пермского края) местная «Единая Россия» находится под контролем ОАО «Уралкалий», а в Губахинском МР — ОАО «Метафракс». Другой типичный вариант — «Единая Россия» работает под контролем местной администрации. Такая ситуация наблюдается, например, в весьма богатом Пермском районе (пригород краевого центра).

Все это приводит к тому, что значение «Единой России» как партии весьма ограничено. В большинстве случаев она не является самостоятельным политическим актором. Иными словами, не партия играет «главную скрипку» во взаимоотношениях с элитами, а скорее, наоборот, элиты используют ее как инструмент достижения своих целей. Как представляется, именно по этой причине «Единая Россия» оказывается неспособна (и вряд ли будет способна в будущем) эффективно выполнять консолидирующую роль на местных выборах. Элиты используют ее консолидирующий потенциал, исходя из конкретной ситуации и тогда, когда им это выгодно. Разумеется, в отдельных случаях «Единая Россия» в состоянии мобилизовать свои ресурсы и оказать на элиты существенное давление, но это могут быть лишь отдельные случаи. Полностью выстроить межэлитные взаимодействия на локальном уровне она не в состоянии.

Дергунова Н.В.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ: УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Ульяновской области развитие многопартийности происходило в целом более медленно, чем в соседних регионах Приволжского федерального округа. В переходных процессах 90-х годов XX века региональные элиты проявили себя как равноправные субъекты российской политики, от действий которых во многом зависела судьба регионов. До 2001 года местная политическая элита отличалась высокой степенью консолидации и сплоченности вокруг фигуры непартийного губернатора.

Индустриальное развитие региона за последние двадцать лет советской власти оказало двойственный эффект на социально-политическое развитие области. Экономическое развитие региона как родины В.И.Ленина привело к массовой миграции в Ульяновск сельских жителей, главным образом из близлежащих деревень. Эти люди, имевшие невысокий образовательный уровень и квалификационный статус, являлись носителями патриархальной политической культуры. Для последней характерны эгалитаристские и патерналистские ожидания, культ силы и культ «героя». Горожане с сельскими корнями и привычками из деревенского уклада — основная часть избирателей современного Ульяновска.

В начале 90-х годов Ульяновскую область возглавил Ю.Горячев, бывший номенклатурный партийный работник, сторонник консервативного патернализма. Правящая элитарная группа во главе с Ю.Ф.Горячевым прекрасно осознавала суть создаваемой в РФ политической системы, в которой политические партии играли декоративную роль, символизирующую движение к демократии. Обладая всей полнотой власти в регионе (до 1996 года органы законодательной власти в регионе отсутствовали), данная группа не стремилась к созданию собственной политической партии. Поэтому первоначально возникали и работали с населением оппозиционные партии левого и либерально-демократического направления.

Появившиеся в 1991–1993 гг. в области общественно-политические организации скорее были похожи на «клубы по интересам» (городской дискуссионный клуб, Антибюрократический центр, ульяновский депутатский клуб, патриотические общества, движение «Трудовой Ульяновск» и т.д.). В 1993 году были зарегистрированы региональные отделения политических партий: КПРФ, Российская коммунистической рабочей партии⁸.

В условиях нарастающего кризиса, когда регионы были, по сути, брошены на произвол судьбы, вокруг фигуры губернатора Ю. Горячева первоначально сплотилась значительная часть местной политической и экономической элиты. Благодаря частичной изоляции область достаточно спокойно пережила драматичные 1992–1993 годы. Однако стабилизация ситуации не привела к развитию бизнеса. Команда Горячева, являвшаяся по идеологическим убеждениям советской, а в душе коммунистической, душила ростки предпринимательства. По инициативе губернатора создавались акционерные общества, где 51% акций принадлежал областной администрации, что позволяло управлять предприятиями по-старому. С середины 90-х годов в рядах элиты намечаются разногласия, особенно обострившиеся на фоне экономического подъема соседних областей, прежде всего Самарской.

Начавшаяся в начале 90-х гг. регионализация российского государства привела к образованию в Ульяновской области специфической формы локального авторитаризма, что стало возможно только в результате консолидации местной элиты вокруг жесткой и харизматичной фигуры губернатора Ю. Горячева. Символы проводимой в 1992–1995 гг. политики — талонная система, административное регулирование, устойчивая социальная ориентация — действительно создавали Горячеву ореол народного лидера, приверженного непартийному эгалитаризму. Сам губернатор на этом этапе также предпочитал апеллировать к народу и не желал идти на компромисс с какими-либо политическими силами.

Этот авторитаризм, имевший в своей основе глубоко архаичный патернализм, основанный на традиционной полудеревенской культуре, неизбежно вступил в конфликт с либерально настроенными интеллектуальными элитными группами области.

⁸Казанцев В.И. Ульяновская область: фрагменты партийно-политической жизни. Вып.1. Под общ.ред. Н.В.Дергуновой. — Ульяновск: Центр политологии и духовной культуры, 2003.

Следующее пятилетие (1994-1998) проходило под знаком развития партийного строительства «вширь и вглубь». В Ульяновской области зарегистрировалось еще несколько политических партий: ЛДПР (1994), Аграрная партия России (1995), «Демократический выбор России» (1996), «ЯБЛОКО» (1996), «Наш дом – Россия» (1995)⁹.

Официально в 90-х гг. в области было зарегистрировано 14 политических партий и движений¹⁰. Однако все 1990-е годы область относили к «левым» регионам, поскольку единственной реально действующей партией здесь являлась КПРФ, собиравшая на выборах всех уровней более 50% голосов.

Ю. Горячев создал законченный тип локальной «партии администрации». Последняя стала порождением специфического ульяновского номенклатурного клана, отличавшегося сплоченностью и единством еще в доперестроечные годы. Это объединение сложилось после августа 1991 г. как неформальная, но хорошо организованная группировка, контролирующая властные структуры и бизнес в Ульяновском регионе вплоть до своего падения в конце 2000 г.

Сплоченность горячевской правящей группировки обеспечивалась посредством взаимопроникновения различных узлов власти и взаимопереплетения карьер. Это общество представляло собой замкнутое целое, в полной мере унаследовавшее старый номенклатурный корпоративизм. Взаимоотношения внутри него отличались глубокой приверженностью системе предписанных ролей. Многое здесь было результатом «неформального» управления, построенного на первичных связях Ю. Горячева и ключевых фигур различных уровней административной иерархии. Подобная система ограничивала возможности других политических акторов и существовала благодаря ингрупповому фаворитизму в рамках описанной корпорации и аутгрупповой дискриминации по отношению к политическим «чужакам»¹¹.

Однако с середины 90-х годов стабильную картину экономического благополучия и социальной гармонии региона начали нарушать кризисные явления. Уже тогда наметился крах проводимой в области политики. Налицо была деградация производ-

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Магомедов А.К. Межполитические отношения и формирование региональных партийных систем в новейшей России // Пространственные факторы в развитии партийных систем. Диалог американистов и постсоветологов. — Саппоро: Hokkaido University Press, 2002.

ственной сферы региона. Речь идет о развале текстильной промышленности, дававшей до 26% поступлений в областной бюджет, о катастрофическом положении сельского хозяйства, обязанного поставлять городу продовольствие по фиксированным ценам без всякой компенсации, о бедственном положении оборонной отрасли. Заработная плата все больше отличалась от уровня доходов населения соседних регионов. В 1996 г. по уровню средней зарплаты область вдвое отставала от Самарской области и в 1,5 раза от Татарстана.

Это порождало социальные и политические конфликты, которые проявились во время губернаторских выборов 1996 г. Ухудшение экономического положения региона неизбежно привело к падению авторитета Горячева внутри области. Он растерял имидж «героя» и «защитника», харизматический ореол сменился бюрократической умеренностью. С этого момента политическая активность Горячева и его окружения начала приобретать форму адаптации к меняющейся политической конъюнктуре.

При этом в первой половине 90-х годов в области не существовало политической оппозиции губернатору, если не считать карликовых демократических организаций. Горячев предпочел противостоять набирающей силу областной организации КПРФ не с помощью официальной партии или блока, а с помощью неформальных ресурсов и связей. И так, если в первой половине 90-х область просто изолировалась от Москвы, и в регионе почти не было политической конкуренции, то во второй половине область утратила политическую автономность.

Реальной оппозицией региональной «партии администрации» в середине 90-х годов сумела стать лишь Ульяновская областная организация КПРФ, насчитывавшая в то время до трех тысяч человек. Её лидер А. Кругликов составил действенную конкуренцию Ю. Горячеву во время губернаторских выборов 1996 г.

Формирующий конфликт между старой, номенклатурной элитной группой (Горячев) и новой, сконцентрированной в г. Ульяновске (Городская дума, Ульяновский государственный университет, Союз предпринимателей Ульяновска) носил объективный характер и напрямую касался выбора пути развития региона, поскольку стратегия «мягкого вхождения в рынок» на деле привела к стагнации области и к нарастанию системного кризиса всего регионального социума. Нежелание Ю. Горячева идти на компромисс придало этому конфликту характер антагонистического.

Дальнейшие события показали, что в Ульяновске усиливались признаки нарастания конфликта элит. Развитие этого процесса стимулировало одновременное избрание губернатора и мэра Ульяновска в декабре 1996 г. Выборы носили прямой характер и логически должны были стимулировать развитие политических партий.

Предполагается, что, выбирая и переизбирая должностных лиц на ключевые государственные посты или отказывая им в доверии по результатам их деятельности, граждане могут контролировать власть. Выборы являются тем механизмом, который приводит в действие всю систему представительной власти. А там, где становится возможным выбирать управляющих, возникают политические партии, которые номинируют кандидатов на выборные должности, мобилизуют электорат в их поддержку и организуют избирательные кампании. Партии должны были стать основным институтом политического участия граждан, который, создав механизмы согласования разнородных социальных интересов, снял бы противостояние между гражданским обществом и государством, легитимировал власть и обеспечил её ротацию¹².

Однако в условиях Ульяновской области ни губернатор, ни оппозиционный кандидат в мэры не опирались на партийные ресурсы. Попытки КПРФ поддержать оппозиционного кандидата в мэры не стали стимулом к активизации партийной жизни.

Выборы продемонстрировали ослабление власти действующего губернатора. Во-первых, несмотря на победу Горячева губернаторские выборы продемонстрировали укрепление позиций местной КПРФ. Во-вторых, на выборах мэра потерпел поражение ставленник Горячева Сергей Ермаков, проигравший оппозиционно настроенному кандидату В. Марусину. Это привело к нарастанию напряженности во взаимоотношениях двух уровней власти — областной и городской. Данный конфликт представлял собой выражение противоречий не между государственной властью и органами местного самоуправления, а между политическими элитами разных уровней.

Консервация правящего персонала и специфический харак-

¹²Кулик А.Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. — М.:ИНИОН РАН, 2009.

тер политического лидерства в регионе оказали отрицательное влияние на формирование в области региональных партий. Выборы главы администрации области и городов, а также областной и городской думы в течение 90-х гг. и первой половины 2000-х проходили преимущественно в непартийном ключе. За это время в регионе не сложилось стабильных и эффективных партий, способных представлять интересы различных политических сил, за единственным исключением местной организации КПРФ.

В условиях нарастания в области экономического и политического кризиса произошло стремительное развитие региональных отделений СПС и «ЯБЛОКА» — небольших по числу членов, но опиравшихся на недовольство местного бизнеса и нарастание протестных настроений городского электората. Выборы Государственной Думы в 1999 году зафиксировали новые тенденции в электоральных предпочтениях.

Распределение голосов избирателей, поданных за 10 лидирующих партий и движений, объединений по Ульяновской области на выборах в ГД в 1999 г.

Партии, движения, объединения, блоки	%
Коммунистическая партия Российской Федерации	32,6
Единство/Медведь	23,6
Отечество-Вся Россия	9,1
Союз правых сил	7,0
Блок Жириновского	6,1
«ЯБЛОКО»	3,7
Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз	2,9
Партия пенсионеров	1,5
Женщины России	1,3
Российская партия защиты женщин	0,8

На парламентских выборах 1993 года ульяновцы воспроизвели общероссийскую ранжировку партий, движений и объединений, полученную в результате голосования по общефедеральным партийным спискам. На выборах 1995 года за КПРФ проголосовало более 37% избирателей, а две либеральные партии — «Демократический выбор России — Объединенные демократы» и «ЯБЛОКО» — вместе смогли набрать только 5,3%. 1999 год показал рост либерального электората и некоторое снижение числа сторонников КПРФ.

Если рассматривать результаты парламентских выборов 1999 года с точки зрения различий между Ульяновской областью и Россией в целом, то следует зафиксировать следующие результаты: в целом по России 5-процентный барьер перешагнули (в порядке убывания) КПРФ, «Единство», ОВР и СПС, Блок Жириновского, «ЯБЛОКО», в сумме набравшие около 81% голосов избирателей. В Ульяновской области 5-процентный барьер преодолели КПРФ, «Единство», ОВР. СПС, Блок Жириновского. В сумме они получили около 78% голосов¹³.

По первым 5 партиям общероссийская и ульяновская ранжировки партийно-политических предпочтений совпадают. Существенные различия заключаются в следующем: за КПРФ в области подано голосов примерно на треть больше, чем в целом/в среднем по России, за ОВР и «ЯБЛОКО» — на треть меньше. Примечательными на фоне жесткой конкуренции со стороны других партий и регионального «административного ресурса» являются результаты ОВР (9,2%) и, что совсем не типично для Ульяновской области, в целом неплохие результаты СПС (7,1%).

На выборах губернатора 2000 года оппозиция — ни коммунистическая, ни либеральная (СПС и «ЯБЛОКО») — не смогла выставить альтернативную кандидатуру, способную победить Горячева, а сам он уже был не способен отказаться от власти и хотел передать область своему сыну. Действующий губернатор постарался освободить политическое поле от сильных конкурентов.

Оппозиционная часть элиты в лице регионального отделения СПС обратилась с предложением выставить свою кандидатуру к генералу В. Шаманову. За полгода до выборов, летом 2000 г., В.Шаманов встречался с представителями СПС и КПРФ, предпринимателями города, руководством вузов, либерально-демократической частью городской общественности.

Раскол в рядах элиты, прежде всего относительно выбора пути развития региона, привел к победе Шаманова, совершенно чужого для области человека. Вместе с тем появился шанс изменить ульяновскую политическую традицию, возобновить общественную активность и повысить электоральную ответственность. Победа В. Шаманова и последовавшее за ней обновление

¹³Казанцев В.И. Ульяновская область: фрагменты партийно-политической жизни. Вып.1. Под общ.ред. Н.В.Дергуновой. — Ульяновск: Центр политологии и духовной культуры, 2003.

структур областной администрации означали окончание эпохи Горячева и мимикрировавшей партийно-государственной номенклатуры, а вместе с ним появление надежд на рост общественной активности в регионе.

В отсутствие публичной поддержки Кремля В. Шаманов опирался на такие различные общенациональные партии, как КПРФ, ЛДПР, частично СПС. Однако главная сила, которая привела его к победе, была непартийной. Это ульяновские и внекремлевские финансово-промышленные группировки и интересы. Именно ульяновские ФПГ предоставили генералу необходимые средства и технологии. Их представители впоследствии стали основными действующими лицами местной политической сцены, составив политическое окружение В. Шаманова. Отстранение значительной части региональной элиты от принятия важнейших решений с новой силой подхлестнуло конфликт элитных групп¹⁴.

После вступления Шаманова в должность (январь 2001 г.) на ключевые посты в управлении регионом пришли новые фигуры — люди со стороны, плохо знакомые с местными проблемами и действующие в своих интересах. В отличие от команды Горячева их конкуренция друг с другом за ограниченные региональные ресурсы была очень ожесточенной. Началась борьба за передел ульяновских предприятий. Признаком политического устройства Ульяновской области стала неустойчивость его основных компонентов в лице властвующих группировок, крупных экономических и политических игроков. Одновременно в Ульяновск пришли новые собственники ведущих местных предприятий и привезенные ими менеджеры. В губернаторском окружении, равно как и во взаимоотношениях различных уровней власти — федеральной, областной и городской — сложилась ситуация нестабильности. Таким образом, оба губернатора предпочли клановый стиль руководства опоре на официальные политические партии. Для обоих было характерно объединение верхов бюрократии и бизнеса — на основе клановых и семейных принципов.

После парламентских и президентских выборов 1999—2000 гг. эволюция партийного строительства шла по трем относительно независимым направлениям:

¹⁴Магомедов А.К. Межполитические отношения и формирование региональных партийных систем в новейшей России/Пространственные факторы в развитии партийных систем. Диалог американцев и постсоветологов. Саппоро: Hokkaido University Press, 2002.

- построение новых партийных образований (например, объединительный съезд «ЕР» в 2001 г.);
- создание новых партий (Народная партия РФ, 2001) и преобразование общественно-политических организаций и движений в политические партии;
- перерегистрация их в соответствии с федеральным законом «О политических партиях».

В 2001 году в соответствии с новым законом о партиях в области было зарегистрировано 38 региональных отделений политических партий. Социологические исследования 2001–2002 гг. свидетельствовали, что политический режим региона воспринимался экспертами однозначно как либеральный в экономике и авторитарный в политике¹⁵.

Следующий пик конфликта пришелся на состоявшиеся осенью 2003 года выборы в Государственную Думу и Законодательное собрание области. Как следствие передела собственности, закрытия обанкротившихся предприятий, впоследствии ушедших за бесценок в руки «чужих» предпринимателей, в регионе нарастала социальная напряженность. Население Ульяновска продемонстрировало невиданную ранее протестную активность, дважды проголосовав против всех на выборах в ГД и по 2 округам в ЗСО, тем самым фактически предрешив судьбу В. Шаманова. Однако с приходом последнего на пост губернатора в области началось активное партийное строительство, протекавшее в условиях относительного равенства всех участников и сопровождавшееся укреплением политических партий, а также формированием временных союзов и коалиций.

В целом 2001–2007 годы характеризуются конкурентной партийно-политической борьбой. Это было связано с внутриэлитными перегруппировками вокруг фигуры В. Шаманова. Значительная часть региональной политической элиты противостояла неульяновской команде губернатора, вследствие чего практически все политические силы выступали с критикой режима В. Шаманова.

В этом плане весьма показательны и поучительны общероссийские думские (1999 и 2003) и президентские (2004) выборы, а также выборы в Законодательное собрание области по партийным спискам, впервые прошедшие в декабре 2003 г. Какие изменения в партийно-политической жизни региона произошли в период «от выборов до выборов» (1999–2007)?

¹⁵Центр политологии и духовной культуры, 2002 г. Выборка — 43 эксперта.

«Единая Россия». На думских выборах 1999 г. (в то время под названием «Единство»/«Медведь») за нее проголосовали 167 тыс. жителей области, в 2003 г. — 206 тыс. Этот прирост обеспечил ей существенный отрыв от традиционно лидирующей в регионе КПРФ. С большим преимуществом она лидировала и на выборах в Законодательное собрание области, получив 9 (из 15) «партийных» мандатов. С лета 2003 г. «Единая Россия» издает свою собственную региональную газету; к настоящему времени она охватывает своими первичными организациями все города и районы области. Членами «Единой России» является значительная часть депутатов областного (26 из 30 депутатов) и городского (31 из 35 депутатов) уровня, руководителей областных структур исполнительной власти. К выборам 2007 года региональное отделение партии насчитывало более 20 тыс. членов.

КПРФ. С 1999 по 2003 г. ее электорат сократился с 231 тыс. до 85 тыс. человек, за ее кандидата в президенты голосовали 293 тыс. человек в 2000 г. и лишь 130 тыс. человек в 2004 г. Был утрачен и «партийный» мандат в Госдуме. На выборах в Законодательное собрание области (2003) КПРФ получила 3-е место (из 10) и 3 «партийных» мандата. В марте 2008 года она сумела провести в Законодательное собрание только двух депутатов. С конца 1997 г. издает региональную газету «Левый марш».

ЛДПР. После спада своей популярности в середине 1990-х эта партия смогла увеличить электорат с 43 тыс. (1999) до 75 (2003) тыс. человек, на выборах в Законодательное собрание области заняла 4-е место, получив 3 «партийных» мандата. Позднее, в декабре 2004 г., ее представитель был избран депутатом Госдумы по Ульяновскому одномандатному округу № 181. На выборах в Законодательное собрание в марте 2008 года получила только 1 мандат, едва преодолев 7-процентный барьер.

Из политических «новичков» следует упомянуть избирательный блок «Родина» (в настоящее время — «Справедливая Россия»), получивший в 2003 г. около 60 тыс. голосов — в процентном отношении несколько больше, чем в целом по России. На президентских выборах 2004 г. представитель «почти того же» блока С.Ю. Глазьев, получил около 38 тыс. голосов, что в процентном исчислении опять-таки больше общероссийского. С сентября 2005 г. издается собственная региональная газета, а первичные организации партии имеются в большинстве городов и районов области. Однако на выборах в Государственную Думу в

декабре 2007 года и в Законодательное собрание в марте 2008 года набрала чуть больше 7%, не проведя в ГД ни одного представителя по региональному списку, и получила только одно депутатское место в Заксобрании.

Существенную роль на развитие партий и партийной конкуренции оказали губернаторские выборы декабря 2004 года. Основными соперниками стали представитель ульяновского бизнеса миллионер С. Герасимов и С. Морозов, мэр города Димитровграда, более близкого к Самаре и развивающегося более динамично, чем Ульяновск. В борьбе за место губернатора эти кандидаты уже опирались на партийный ресурс. Герасимов шел от СПС, а УРО ВПП «ЕР» раскололось: сельские местные отделения поддержали С. Морозова, а городская организация осталась на стороне В. Шаманова.

Каждой из сторон конфликта двигали определенные социальные интересы. Целью В. Шаманова, которую он и не скрывал, был уход в федеральные структуры. Область для него являлась своеобразным карьерным трамплином, дорогой в федеральный центр. Региональная элита, наоборот, осознав свои потери и необходимость защиты интересов области, нашла в себе силы к консолидации и преодолению на время внутриэлитного конфликта. С. Морозов вышел на выборы как кандидат, поддержанный ЕР, руководителями органов МСУ, отчасти бизнеса (в том числе и самарского). За три года своей работы он сумел стать консолидирующей фигурой. Рейтинг губернатора вырос до 60%, область вступила в полосу выхода из кризиса, обретения стабильности и первых ростков экономического роста.

Однако официальный курс на укрепление позиций «Единой России» привел к существенному снижению политической конкуренции — прежде всего из-за отмены прямых выборов глав исполнительной власти регионов и разрешения совмещать партийную деятельность с работой в органах исполнительной власти. После того как В. Путин возглавил федеральный список «Единой России», а губернаторы — списки ЕР в регионах, публичная политическая конкуренция на федеральной и региональном уровнях практически исчезла. Победа «Единой России» на федеральных и региональных выборах способствовала возрождению управленческих практик советского времени¹⁶.

¹⁶Ежов Д.П. Административный ресурс: метаморфозы применения (Ульяновск-

Итоги выборов в Государственную Думу в 2007 году
по Ульяновской области¹⁷

1. Единая Россия — 66,24%
2. КПРФ — 11,36%
3. Справедливая Россия — 8,25%
4. ЛДПР — 7,96%
5. Аграрная партия — 2,13%
6. Патриоты России — 0,85%
7. ЯБЛОКО — 0,85%
8. Гражданская сила — 0,81%

Региональные отделения других партий, даже имеющих своих представителей в областном парламенте, практически превращаются в политических маргиналов. Система пропорционального представительства привела к независимости партий друг от друга без потребности и возможности создания системы союзов, например против «Единой России», и таким образом закрепила систему с доминирующей партией в регионе и в России в целом¹⁸.

Партийная система как совокупность политических партий, действующих на основе определенной организационной модели, характеризуется в настоящее время разрастанием роли государства в партийно-политической жизни, поляризацией степени влияния различных партий, снижением идеологического противостояния, ростом масштабов теневой политики и закулисного политического торга.

В начале переходных процессов представлялось, что любая страна, где рухнул авторитарный режим, неизбежно вступает в естественный процесс «транзита к демократии», в котором партии являются главным агентом демократизации режима. Однако в реальности партии вытесняются из сферы принятия политических решений разросшейся государственной бюрократией, группами давления и некорпоративистскими посредниками.

Значительную часть таких функций, как политическая ком-

кая область, 1999-2007) // Ульяновская область: социокультурный портрет. Под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. — Ульяновск: УлГТУ, 2009.

¹⁷Выборы органов государственной власти на территории Ульяновской области в 2007-2008 гг. (электоральная статистика). — Ульяновск: Избирательная комиссия Ульяновской области, 2008.

¹⁸Коргунок Ю.Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / РАН ИНИОН. Центр социал.науч.-информ.исслед. Отд.полит.науки. Рос.ассоц.полит.науки; Ред.-сост. Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. — М.:ИНИОН РАН, 2009.

муникация, мобилизация электората и формирование повестки дня для правительства, берут на себя масс-медиа и информационные агентства. Партии превратились в электоральные машины, но сохранили за собой ключевую роль — функцию легитимной смены власти. Эта функция не может быть выполнена никакими другими субъектами политики. Данная функция обеспечивает идентичность демократии как политического режима.

Но не все так просто. Если население России и доверяет президенту РФ и председателю правительства, являющемуся неформальным лидером «ЕР», то на региональном уровне доверие к партийно-политическим структурам невысоко. По данным социологического опроса, проведенного в Ульяновской области накануне выборов 2007 года, региональным отделениям политических партий доверяло не более 17% респондентов¹⁹.

Таблица 1.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой мере Вы доверяете или не доверяете республиканским (краевым, областным, местным) органам управления, организациям?», (в %)

В какой мере вы доверяете или не доверяете республиканским (краевым, областным, местным) органам управления, организациям?	Полностью доверяю	Пожалуй, доверяю	Трудно сказать точно	Не очень доверяю	Совсем не доверяю	Не знаю	Отказ от ответа
Суду	16,8%	25,5%	19,5%	19,3%	11,6%	5,0%	2,3%
Губернатору	21,4%	30,6%	16,4%	16,2%	11,0%	2,6%	1,8%
Профсоюзам	10,5%	15,2%	30,1%	16,1%	12,6%	9,3%	6,2%
Прокуратуре	12,9%	21,1%	22,8%	20,8%	12,7%	6,4%	3,3%
Милиции	9,3%	15,4%	17,8%	27,2%	24,7%	2,8%	2,8%
Правительству области	11,9%	21,7%	24,0%	20,6%	13,2%	4,3%	4,3%
Региональным отделениям политических партий	6,4%	11,5%	25,9%	23,3%	19,5%	7,9%	5,5%
Законодательному собранию области	7,4%	20,2%	24,1%	20,6%	16,0%	6,3%	5,4%
Региональным средствам массовой информации	9,2%	24,4%	19,6%	22,9%	17,5%	3,3%	3,1%

¹⁹Социальные аспекты жизни населения Ульяновской области. Под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. — Ульяновск: УлГУ, 2008.

Таблица 2.

Рейтинг политических партий (в %)

Если бы выборы в ГД состоялись в ближайшее воскресенье, за какую политическую партию Вы бы проголосовали?

	2005 г. ²⁰	2006 г. ²¹	2007 г.	
			% от отвечивших	будут голосовать
Единая Россия	34	40	37	44
КПРФ	10	11	10	11
ЛДПР	7	8	7	8
Патриоты России	—	1	1	1
Справедливая Россия:	Родина — 5 Партия пенсионеров — 1	5	7	8
Родина/ Пенсионеры/ Жизнь				
СПС	—	—	1	1
ЯБЛОКО	—	—	1	1
За другую партию	0,3	0,4	0	0
Не пойду на выборы	11	11	15	
Затрудняюсь ответить	19	24	22	26
Против всех	10	—	—	—

Таким образом, наибольшее доверие респонденты высказали губернатору области — 52,0%; суду — 42,3%; правительству области — 33,6%; прокуратуре — 33,9% и региональным СМИ — 33,6%.

Наибольшее недоверие — милиции (51,9%), региональным отделениям политических партий (42,8%) и Законодательному собранию области (36,6%).

Значительное число респондентов затруднились выразить доверие или недоверие ряду организаций. Это может свидетельствовать о слабой информированности о работе данных организаций или об отсутствии их работы среди населения.

²⁰«Отношение жителей Ульяновской области к политическим партиям». Время проведения: 05.11.—24.11.2005. Метод: стандартизированное интервью. Выборка — 1986 чел. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 2,2%.

²¹«Регион и власть: социально-политическая ситуация в Ульяновской области в 2006 г.». Полевой этап исследования: 27.11.—11.12.2006. Метод проведения опроса — стандартизированное интервью. Объем выборки — 1562 человек, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Ошибка репрезентативности не превышает 2,2%.

В совокупности отрицательные ответы («не знаю», «не доверяю» и «трудно сказать точно») больше всего характерны для оценки деятельности общественных организаций (и прежде всего региональных отделений политических партий) — 76,6%, профсоюзов — 68,1%, Законодательного собрания области — 67,0%.

Отвечая на вопрос «Если бы выборы в ГД состоялись в ближайшее воскресенье, за какую политическую партию Вы бы проголосовали?», около трети респондентов (37%) назвали «Единую Россию», 22% — затруднились ответить, 10% — КПРФ, остальные партии — каждая менее 10%.

Динамика рейтинга ведущих политических партий в сравнении с прошлым годом незначительна.

По своим социально-демографическим характеристикам сторонники «Единой России» — это молодые люди до 40 лет со средним специальным образованием. Сторонники КПРФ — респонденты старше 60 лет с неполным средним образованием. ЛДПР отдает предпочтение молодёжь до 30 лет со средним специальным образованием. Опрошенным 50-59 лет больше, чем другим группам, симпатизируют «Справедливой России». Не определились с электоральным выбором в большей степени респонденты с неполным средним образованием. «Единая Россия», пользуясь своим исключительным политическим весом, через систему сторонников партии практически берет под контроль деятельность общественных организаций.

Таким образом, «Единая Россия», составляющая костяк нынешней партийной системы, стремится не столько обеспечить агрегацию интересов различных социальных групп, сколько управлять обществом на основе традиционных практик советского типа.

Электоральная поддержка, к которой стремится партия и её неформальный лидер, скорее нужна для легитимации режима, чем для выявления желаний избирателей.

Однако внутренняя неуверенность в своих позициях заставляет «Единую Россию» активно использовать в предвыборной борьбе административный ресурс²².

²²Ежов Д.П. Административный ресурс: метаморфозы применения (Ульяновская область, 1999-2007)// Ульяновская область: социокультурный портрет. Под ред. Н.В. Дергуновой, А.В. Волкова. — Ульяновск: УлГТУ, 2009

Справедливости ради необходимо отметить, что наиболее продвинутая часть «Единой России» пытается демократизировать партию, использовать современные практики внутрипартийной конкуренции (праймериз). Но в реальной жизни если новые технологии противоречат закулисным договоренностям, то циничный прагматизм тех элитных групп неизменно побеждает.

Семенов А.В.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖПАРТИЙНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (2005—2008 гг.)

Если партийная жизнь России периода 1990-х оценивается исследователями как оживленная, но не оказывавшая серьезного влияния на государственные дела, то реформы 2000-х, по мнению многих, привели к «закату второй партийной системы», установлению псевдопартийной системы доминирования²³, встраиванию партий в «вертикаль» контроля политико-административной элиты²⁴ и т.п.

На уровне субъектов РФ стимулы для развития партий отсутствовали и раньше (что, правда, не мешало созданию региональных квазипартийных образований). Ни на федеральном, ни на региональном уровнях политические партии не являлись значимыми акторами — они не участвовали в формировании повестки дня и политического курса, были слабо востребованы ключевыми политическими игроками, включая губернаторов²⁵.

После перехода к полностью пропорциональной системе выборов в Госдуму и смешанной избирательной системе на выборах в областные и местные собрания, а также передачи полномочий по утверждению высшего должностного лица региона легислатурам субъектов РФ можно было ожидать усиления позиций партий на местах. Однако, как свидетельствует опыт партийного строительства в Тюменской области, результаты оказались не столь однозначными. Задача данной статьи — выяснить, насколько значимую роль играют партии в региональном политическом пространстве и какова движущая сила межпартийной борьбы на

²³Коргунюк Ю.Г. Закат второй партийной системы. Перспективы российских партий в свете итогов избирательного цикла 2007—2008 гг. — *Полития*, 2008, № 2; Коргунюк Ю.Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред) *Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства*. — М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 44—72.

²⁴Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции к иерархии. — *Полис*, 2008, № 5.

²⁵Голосов Г.В. *Российская партийная система и региональная политика, 1993-2003*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

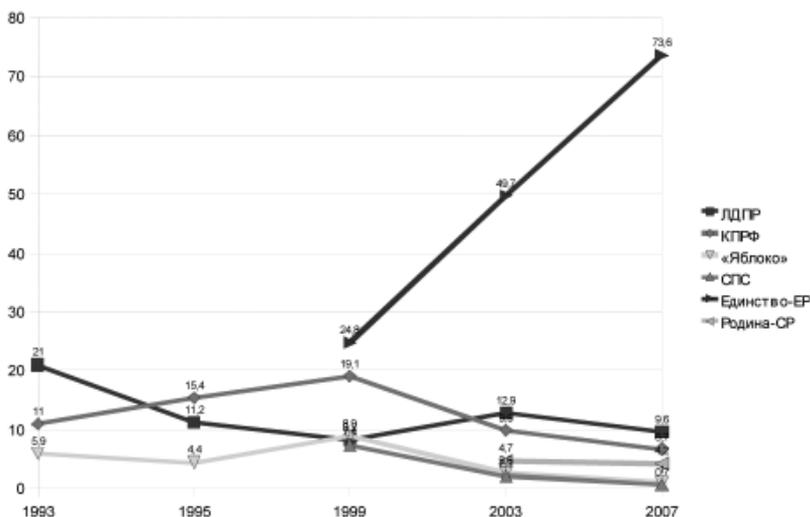
этом уровне, обладает ли она собственным источником или обусловлена исключительно действиями федерального центра.

Как пространство межпартийной конкуренции Тюменская область представляет собой необычный феномен, специфика которого связана в первую очередь с юридическим статусом сложнопостроенного субъекта, включающего два автономных округа (ХМАО-Югра и ЯНАО — в совокупности они обеспечивают около 15% ВВП страны). С управленческой точки зрения Тюменская область — регион «стратегической важности», если учесть, что доходная часть федерального бюджета во многом формируется за счет импорта энергоносителей, а также сопутствующих нефтегазовой индустрии статей, вроде налога на добычу полезных ископаемых. Таким образом, в де-юре едином субъекте Федерации сформировалось несколько пересекающихся политических и электоральных пространств. Депутаты областной думы избираются в том числе в округах, но решения legislatury распространяются лишь на условный «юг» региона, что является источником как ее автономии (возможности контроля над отбором кандидатов зависят от консенсуса между губернаторами трех субъектов), так и ее слабости (депутаты представляют интересы разных элит, что снижает возможность формирования устойчивых коалиций).

На юге области политические партии долгое время были лишены серьёзных институциональных стимулов для организационного развития. В 1990-х гг. политический конфликт разворачивался по линии «Север—Юг» и не требовал партийного оформления, выборы проходили по мажоритарной системе, а предпочтения электората оставались неустойчивыми. «Партии власти» не были востребованы ни населением (за «Выбор России» в 1993 г. проголосовало 13,4% избирателей, за НДР в 1995 г. — 9,5%, за ОВР в 1999 г. — 5%), ни административной элитой. Сильными позициями обладали коммунисты — КПРФ, сохранившая организационную структуру и мобилизационный потенциал, и РКРП-РПК, своей высокой активностью обязанная личной харизме А. Черепанова. Стабильной поддержкой на протяжении всех четырех федеральных электоральных циклов пользовалась ЛДПР, которая, впрочем, так и не смогла повторить успех 1993 г.

Несмотря ни на что партии оставались заметными символическими агентами: с 1999-го по 2001 г. при губернаторе области действовал экспертно-политический совет, куда входили пред-

График 1
Динамика электоральных предпочтений на выборах в ГД ФС РФ по югу Тюменской области (1993–2007 гг.)

ставители всех партий; некоторые политические акторы активно использовали партии в качестве инструмента в политической борьбе. Так, один из оппонентов Л. Рокецкого в борьбе за губернаторский пост (1997) С. Атрошенко являлся основателем Партии пенсионеров, а местное отделение партии «ЯБЛОКО» с 1993-го по 2006 г. фактически содержалось на деньги бизнесмена В. Филатова. Однако в целом деятельность партийных организаций была связана с активностью конкретной личности, на деле оказываясь «персональным проектом» того или иного политического предпринимателя. Это обуславливало нестабильность состава партактива, высокую кадровую мобильность (один и тот же активист за 2–3 года успевал побывать в 3–4 партиях), частые смены в руководстве региональных отделений.

Политические реформы 2003–2007 гг. декларировали своей целью стимулирование развития партий как на федеральном, так и на региональном уровнях. В каком-то смысле эту цель можно считать достигнутой. В 2002 г. на выборах в Тюменскую областную думу 4-го созыва из 117 зарегистрированных кандидатов лишь 9 выдвинулись от политических партий (5 от РКРП, 3 от «Едиства», 1 от ЛДПР), еще 3 указали свое членство в различ-

ных партиях и общественно-политических движениях, а избраны были 3 партийца — 2 от «Единства» и 1 от РКРП. На выборах в облдуму 5-го созыва (2007), проходивших по смешанной системе, все депутаты представляли те или иные партии. Таким образом, выбор избирателей стал структурироваться в том числе и партийными предпочтениями. Одновременно с этим последовательно снижалось количество партий-участников политической борьбы: в 1999 г. в области было зарегистрировано 58 парторганизаций, в 2003 г. — 28, в 2007 г. — 11, в 2009 г. — 7.

Теоретически логика процесса могла привести к усилению межпартийной конкуренции за счет создания нескольких известных и «высококапитализированных» партийных проектов. Но в реальности фрагментированная партийная система достаточно быстро сменилась монополией «Единой России». Остановимся подробнее на эволюции ключевых партийных организаций («Единой России», «Справедливой России», ЛДПР, КПРФ, РКРП-РПК, «ЯБЛОКА» и СПС), делая упор на их ресурсную обеспеченность («капитализацию»).

«ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Траектория «Единой России» (далее — ЕР) в политическом пространстве Тюменской области была обусловлена как тенденциями федерального уровня, так и региональной спецификой. С одной стороны, после победы на думских выборах 2003 г. ЕР взяла курс на закрепление своего доминирования в региональных парламентах и муниципальных собраниях.

Этот момент стал особенно актуален для Тюменской области в связи с увеличением с 25 до 34 количества депутатских мест в региональном парламенте и введением смешанной системы выборов. Если в 2005 г. фракция «единороссов» в облдуме насчитывала 17 депутатов, то в Думе 5-го созыва (2007—2012 гг.) — уже 30. Если в 2002 г. лишь 3 депутата баллотировались от «Единства», то в 2007-м в каждом из 17 округов был зарегистрирован кандидат от ЕР.

В большинстве муниципальных собраниях также доминируют представители «партии власти». В Тюменской городской думе 5-го созыва 31 из 35 депутатов — представители ЕР, в Тобольской — 23 из 25 (1 от ЛДПР, 1 — «сторонник» ЕР, бывший член СПС), в Ишимской — 21 из 25 (1 от КПРФ), в Заводоуковской — 24 из 25 (1 от ЛДПР).

Тюменское РО ЕР имеет 8 представителей в Государствен-

ной Думе, среди них бывшие руководители регионального отделения Вячеслав Тимченко и Иван Квитка, экс-глава администрации г. Тюмени, экс-вице-губернатор и бывший федеральный инспектор региона Сергей Сметанюк. В Высший совет партии входят экс-губернатор Сергей Собянин (на начало 2008 г. — глава президентской администрации, на конец 2008 г. — глава аппарата правительства РФ) и губернатор Владимир Якушев. Таким образом, административный капитал партии очень велик: она имеет беспрецедентный доступ к административным ресурсам и механизмам принятия решений. Фактически же «Единая Россия» является инструментом контроля исполнительной власти над законодательной, копируя тем самым федеральную модель.

Политический капитал партии строится на особенностях ее представительской и мобилизационной функций. Ставка делается на развитие сети местных отделений (на ноябрь 2008 г. ТРО ЕР включало 26 местных отделений и 438 первичных организаций) и увеличение числа членов партии и сторонников. Если на январь 2005 г. региональное отделение имело 8700 членов и 6700 сторонников, то к марту 2009 г. его численность составила 15 тыс. человек. В Тобольске с 2006-го по 2007 г. ряды организации выросли с 700 членов и 1000 сторонников до 1000 и 1500 соответственно.

В то же время две причины не позволяют рассматривать эту организацию как реально существующую: факты недобровольного выступления в партию и низкая лояльность ее членов²⁶. Манипуляции с численностью позволяют ЕР рассчитывать на больший представительский капитал, но в условиях отсутствия дискуссий он остается невостребованным, тогда как реальный мобилизационный капитал строится на принципах принудительной, а не идейной мотивации.

Основным инструментом мобилизации сторонников для ЕР является «Молодая гвардия Единой России», способная привлечь на партийные акции от 100 до 1500 человек — в зависимости от статуса и масштаба мероприятия. Государственные праздники проводятся с участием работников предприятий, возглавляемых тюменскими «единороссами». Так, праздник 1 Мая, который с 2006 г. проходит «двумя колоннами» (отдельно — коммунисты,

²⁶Бобров И.В., Ключева В.П. Общественно-политическая ситуация в Тюменской области на декабрь 2006 г. Отчет. С. 12.

отдельно — «Единая Россия», «Справедливая Россия», профсоюзы), собирает под знамена ЕР от 400 до 600 человек. Электоральный вес партии увеличивался на протяжении всего исследуемого периода: на парламентских выборах 2003 г. партия набрала 47,65% голосов, на выборах в облдуму в марте 2007 г. — 65,89%, а на выборах в Госдуму в декабре того же года — 73,59%. Таким образом, «Единая Россия» занимает доминирующее положение в политическом пространстве региона за счет концентрации экономического, административного и символического капитала.

«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»

Региональное отделение партии «Справедливая Россия» (далее — СР) было создано в конце 2006 г. в результате слияния трех организаций — отделений партии «Родина», Российской партии пенсионеров и Российской партии жизни. До этого организации обладали совершенно разным потенциалом и ресурсной базой: отделение РПП в начале 2006 г. лишилось регистрации; отделение РПЖ в июле 2005 г. почти полностью сменило руководящий состав, после чего пережило период реорганизации и сопряжённых с нею трудностей, связанных с недостатком финансирования и нестабильностью кадрового состава; отделение «Родины», ранее практически не заметное, в июле 2006 г. возглавил депутат Государственной Думы Николай Павлов. Для всех трех партийных организаций слияние оказалось полной неожиданностью²⁷.

Новая организация отличалась сильной зависимостью от Москвы (что проявилось в назначении председателем отделения «федерального» политика Н. Павлова, а также в том, что выборный цикл 2007 г. вела команда московских политтехнологов), слабой электоральной и социальной базой партии, внутриорганизационными конфликтами, связанными с разнородностью состава (в организации помимо представителей государственной власти и бизнеса имелось довольно сильное националистическое крыло). В течение второй половины 2006 г. главным в повестке дня был вопрос о параметрах слияния — в силу очевидного доминирования «Родины» остальные участники опасались полного вытеснения из руководства создаваемой структуры. В результа-

²⁷Емельянова Н. Лидер Тюменской «Родины» в недоумении. — Вслух.ру, 25.07.2006. Режим доступа: <http://www.vsluh.ru/news/politics/88895.html>; Емельянова Н. Новая «Жизнь» «Родины»: Тюмень ждет дешифровки. — Вслух.ру, 26.07.2006. Режим доступа: <http://www.vsluh.ru/news/politics/88929.html>

те если на федеральном уровне главой партии оказался бывший лидер РПЖ, спикер Совета Федерации ФС РФ Сергей Миронов, то Тюменское отделение СР до 2007 г. возглавлял бывший «родинец» националист Н. Павлов. Его заместителями были экс-«родинец» Владимир Пискайкин (основной спонсор ТРО, представляющий управляющую компанию «Мост» и ООО «Сибирская продовольственная компания») и бывший зампред отделения РПЖ Альмира Павлова. В 2008 г. В. Пискайкин возглавил Совет отделения и стал депутатом Тюменской городской думы.

Наличие федерального «веса» позволило партии аккумулировать сравнительно солидный административный капитал: в региональное отделение вошли депутат облдумы, ректор Академии искусств и культуры, бывший областной чиновник Евгений Заболотный, а также Павел Вавилов, экс-чиновник, проректор Академии, депутат городской думы. В 2008 г. партия провела в городскую думу Тюмени 3 депутатов: помимо П. Вавилова мандаты получили В. Пискайкин и банкир Владислав Квасов (ОАО «Промсвязьбанк»).

Объем политического капитала у партии невелик: сеть региональных отделений (на конец 2008 г. — 17) фактически не работает. В Ишиме руководитель отделения (24 члена) следующим образом оценивает деятельность в городе политических партий: «Деятельности нет, в том числе и нашей. ...Руководство тюменское молчит, я к ним приезжаю, звоню, спрашиваю: дайте указаний, как действовать, а они молчат. Листовки дадут раз в месяц — всё»²⁸.

В Тобольске руководитель отделения выдавал личное участие в публичных мероприятиях за деятельность местного отделения, что подтверждают эксперты и представители других партий. В Ялуторовске в 2007–2008 гг. была реализована лишь часть федерального проекта «Дорога Справедливости».

Электоральный вес партии также остается небольшим: на выборах в областную думу в 2007 г. партия набрала 8,74% голосов, на выборах в ГД — в два раза меньше (4,16%). В целом положение ТРО в политическом пространстве области скорее периферийное: административный и политический капиталы невелики, уровень публичности невысок.

²⁸Интервью автора с представителем ТРО ВПП «Справедливая Россия» 20.06.2008.

ЛДПР

Организация ЛДПР существует в регионе с 1994 г. Пережив смену руководства, вступившего в личный конфликт с В.В. Жириновским, партия начиная с 2005 г. минимизировала публичную деятельность. Региональное отделение, насчитывающее, по разным оценкам, от 90 до 300 человек, рассматривает себя лишь в качестве мобилизационного ресурса центрального руководства партии. Представители партии напоминают населению о своем существовании малозначительными PR-акциями, а также пытаются использовать бренд ЛДПР на выборах в органы местного самоуправления (весной 2007 г. в муниципальные думы баллотировались 23 кандидата).

Партия пользуется довольно широкой поддержкой в регионе, что позволяет ей проводить своих представителей в легислатуры разных уровней. Кроме того, ею активно используются статусные возможности помощников депутатов ГД и областной думы. В Ишиме и Ялуторовске депутаты от ЛДПР организуют встречи с населением. В Тобольске и Заводоуковске ЛДПР имеет по 1 представителю в муниципальных собраниях. На декабрьских выборах в Государственную Думу (2003) ЛДПР набрала в области 13,07% голосов, в марте 2007 г. — 10,8%, получив 2 места в областном парламенте, а на парламентских выборах 2007 г. — 9,73%. В то же время эти показатели ниже, чем на выборах 1999 г., когда «Блок Жириновского» получил 21% голосов. Участие в предвыборной президентской кампании 2008 г. имело целью скорее напомнить о присутствии ЛДПР в политическом пространстве, нежели реально завоевать голоса избирателей.

Административный и политический капитал партии остается небольшим — 2 депутата областной думы и 1 депутат Тюменской гордумы. На местах партию поддерживают представители малого бизнеса и муниципальные служащие. Партийный актив, который по всем городам, где проводилось исследование, насчитывает не более 80 человек, задействуется в основном при проведении праздничных мероприятий. Основное содержание партийной деятельности сводится к решению частных проблем путем депутатских запросов и внесения поправок в текущее законодательство. В итоге стабильный, но неуклонно уменьшающийся электорат партии позволяет ей занимать значимые позиции в политическом пространстве, которые чаще всего не подкреплены иными видами капиталов. Наряду со «Справедливой Росси-

ей» ЛДПР занимает нишу системной оппозиции, используемую административной элитой для охвата протестного электората и включения в политический процесс периферийных элит, а также в качестве дополнительного инструмента контроля над политическим пространством.

КПРФ

КПРФ в Тюменской области, как и во многих других регионах, унаследовала от КПСС организационную структуру, электоральные и финансовые ресурсы и вплоть до появления «Единой России» оставалась самой крупной партией области. Местные отделения КПРФ действуют в 20 районах (по состоянию на июнь 2008 г.), на декабрь 2006 г. численность ТРО составляла 800 человек, на конец 2008 г. — около 1000 (еще 250 человек объединяло молодежное крыло партии). Наибольшую активность проявляют Ишимское, Тобольское, Тюменское и Ялуторовское городские отделения. На конец 2008 г. Тобольское ГО насчитывало 85 человек, еще 60 — районное, в Заводоуковском ГО было 36 коммунистов, в Ишимском — 80.

Существенное влияние на партийные дела оказывает внутриорганизационный конфликт между первым секретарем обкома, депутатом областной думы Владимиром Чертищевым, за которым стоит значительная часть обкома, и первым секретарем Тобольского горкома, членом ЦК КПРФ Тамарой Казанцевой, которую поддерживают коммунисты Ишима и Заводоуковска. Данный конфликт приобрел структурный характер и вышел за пределы межличностных взаимоотношений: сторонники Т. Казанцевой недовольны пассивной позицией В. Чертищева по ряду принципиальных вопросов, кроме того, последний обвиняется в неисполнении предписаний ЦК (например, о партийном максимуме) и фактическом «развале организации». Преобладание в руководстве подавляющего большинства ячеек пенсионеров с консервативными взглядами, неспособность (и нежелание) областных лидеров преодолеть эту инерцию позволяют говорить о кризисных явлениях в Тюменском РО КПРФ.

Внутриорганизационные конфликты сказываются на административном и политическом капитале партии. Партия имеет одного депутата в областной думе (В. Чертищев) и одного депутата в думе г. Ишима (К. Шевченко). В связи с распространением конфликта на все исследуемые отделения региона потенциал

мобилизации ТРО значительно снизился: планируемые мероприятия зачастую не поддерживаются той или иной фракцией, лозунги и методы старшего поколения мешают включению в политическую деятельность молодежи. В 2005 г. в ежегодной демонстрации в Тобольске участвовало от 200 до 300 человек, в Ишиме — 100—150, в 2008 г. — около 150 и 50 соответственно. В Ялуторовске, по сведениям экспертов, на партийные публичные акции выходит до 20 человек.

Электоральные позиции партии постепенно ослабевают: на думских выборах 1993 г. партия набрала рекордные 19,1%, в 1995 г. — 15,4%, в 1999-м — 11%, в 2003-м — уже 8,98%, в 2007-м — только 6,74%. На выборах в областную думу в марте 2007 г. КПРФ получила по партийным спискам 8,37% голосов. Ближайшие перспективы партии остаются неясными: модернизационные тенденции сосуществуют с признаками стагнации.

РКРП — РПК

Один из основных конкурентов КПРФ в области — ТРО РКРП-РПК — принадлежит к числу старейших региональных отделений партии, а его лидер Александр Черепанов — к числу учредителей РКРП. На 2005 г. организация, по словам ее представителей, насчитывала 5000 членов, однако реально, кроме Тюмени, в области работало 7-10 активистов. На данный момент действует только тюменский штаб экс-отделения — по существу, редакция газеты «Трудовая Тюмень». В Ишиме, Заводоуковске, Ялуторовске деятельность отделения в 2008 г. проявлялась только в распространении газеты «Трудовая Тюмень». После провала А. Черепанова на выборах в городскую и областную думы административного капитала у организации не осталось. Политический капитал тоже уменьшился: если в 2005 г. митинги партии собирали до 400 человек, то в 2008 г. РКРП-РПК вывела на первомайскую демонстрацию не более 100 сторонников. Неудачей закончились попытки создать молодежную организацию партии. Электоральные позиции партии весьма слабы, за исключением одномандатного округа, где баллотировался А. Черепанов; на выборах в областную Думу 2007 г. РКРП набрала 2,53%, не преодолев 5-процентный барьер.

В связи с юридической ликвидацией регионального отделения в 2008 г., поводом для чего послужило непредоставление отчетности, в организации вспыхнули разногласия. На XXII отчет-

но-выборной конференции РКРП (5 апреля 2008 г.) было решено рекомендовать всероссийской конференции отказаться от регистрации партии (сторонником этого решения являлся и сам А. Черепанов). На данный момент из-за отсутствия легального статуса РКРП-РПК выступает от имени организаций-сателлитов: газеты «Трудовая Тюмень», Областного клуба избирателей, Комитета советских женщин, а с июля 2008 г. — от имени отделения Левого фронта, которое возглавил А. Черепанов.

ЛИБЕРАЛЫ («ЯБЛОКО», СПС, «ПРАВОЕ ДЕЛО»)

Либерально-демократический фланг представлен несколькими партийными проектами, главными из которых являются РОДП «ЯБЛОКО» и СПС (до 2008 г.).

Тюменское «ЯБЛОКО» существует с декабря 1994 г. Вплоть до мая 2006 г. его бессменным руководителем был предприниматель Виктор Филатов. Успех на выборах 1999 г. привлек в партию молодежь, на думских выборах 2003 г. партия выдвинула по 178-му одномандатному округу молодого юриста Дмитрия Теплякова (впоследствии ставшего помощником депутата городской думы), пресс-секретарем отделения стал телеведущий Алексей Костылев (вышел из партии в 2006 г.). После провала на выборах-2003 попытки создать в районах работоспособную сеть некоторое время продолжались, партия прошла перерегистрацию (2006 г.). По словам В. Филатова, этот период для партии «великолепным назвать нельзя, но и плачевным тоже»: «Организация сохранилась, количество членов возросло, несмотря на прессинг»²⁹. Однако представители других партий признаков деятельности «яблочников» в районах не зафиксировали.

Осенью 2006 г. В. Филатов и его заместитель юрист М. Аверин вместе с рядом молодых активистов инициировали создание молодежного отделения партии, но после прошедшего в октябре учредительного собрания никакой активности МО больше не наблюдалось. Оптимистические прогнозы М. Аверина, что на областных выборах 2007 г. партия наберёт 20% голосов, не оправдались. Столь же излишне оптимистичными были заявления руководителя отделения после смены федерального лидера летом 2008 г. В дальнейшем отделение ничем себя не проявляло, если не считать того, что ставший председателем отделения М. Аверин

²⁹Интервью автора с представителем ТРО РОДП «ЯБЛОКО» 12.02.2006.

на общественных началах проводил для населения юридические консультации. В итоге партия лишилась ресурсов и фактически выбыла из политической борьбы.

СПС, по сути, повторил судьбу «ЯБЛОКА». Региональное отделение партии возникло на базе «Демократического выбора России», во главе ТРО стояли предприниматели Вадим Бондарь (депутат Государственной Думы) и Юрий Рябченюк. Партия имела местные отделения в городах юга области и ряде сельских поселений. Первый организационный кризис партии был связан с неудачами электорального цикла 2003—2007 гг., когда кандидатуру В. Бондаря сняли с выборов в Государственную Думу, а партия проиграла кампанию 2003 г. После этого В. Бондарь переехал в Москву, передав руководство лидеру Антифашистского молодежного действия Илье Корепанову, который в 2003—2004 гг. возглавлял отделение «Либеральной России».

Однако попытка активизировать деятельность отделения вылилась в противостояние новому центральному руководству партии. К концу 2004 г. свое членство приостановили почти 200 СПСовцев, а около 50 человек покинули партийные ряды. К лету 2005 г. членов партии, «реально поддерживающих связь с региональным руководством СПС», насчитывалось не более 20³⁰. В итоге в августе 2005 г. Илья Корепанов объявил о самороспуске отделения в связи с прекращением финансирования. Федеральное руководство поручило гендиректору филиала банка «Агроимпульс» (дочерняя структура РАО «ЕЭС») Дмитрию Уткину набрать новых членов и провести собрание отделения. 12 августа 2005 г. новым руководителем отделения стал Д. Уткин, а руководителем исполкома — его подчиненный Олег Ветров. Почти все старые члены отделения покинули ТРО.

На конец 2005 г. численность организации не превышала 300 человек, в последующие годы распад прогрессировал: фактически перестали работать местные отделения, активисты перешли работать в другие партии (в Тобольске депутат от СПС стал сторонником ЕР). В 2006—2007 гг. партия находилась под «внешним управлением» федерального центра, а осенью 2008 г. прекратила свое существование, войдя в состав «Правого дела». В Тюменской области созданием структур новой партии занялась новая

³⁰Бобров И.В., Ключева В.П. Общественно-политическая ситуация в Тюменской области на декабрь 2005 г. Отчет. С. 24.

команда, преемственность между СПС и ПД сохранилась лишь на уровне отдельных персон: в частности, в «Правое дело» перешел начальник отдела по взаимодействию с политическими партиями и общественными организациями комитета по делам национальностей Тюменской области Эльшан Джафаров, а исполнителем секретарем Политсовета ТРО стал Александр Безделов, причастный к созданию СПС в Тюмени. В политическом пространстве области «Правое дело» фактически заняло позицию СПС, но с несколько большими ресурсами — в силу тесных связей партийного руководства с областной политико-административной элитой.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что с 2005-го по 2008 г. пространство межпартийной конкуренции в регионе сильно ужалось. Безусловная монополия «Единой России» лишает элиту стимулов пользоваться другими партийными образованиями. Ситуация осложняется отсутствием у остальных парторганизаций внутренних ресурсов для развития: практически все они пережили череду внутриорганизационных конфликтов, не обладают стабильным кадровым составом и активом, не способны к реализации долгосрочных коалиционных стратегий (так, в частности, КПРФ и РКРП-РПК конкурируют между собой, а не с «партией власти»).

Жуковский И.И., Балобаев В.А.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

Политические партии — один из важнейших институтов современной демократии. Еще в 1921 году на это указывал Джеймс Брайс в своей работе «Современные демократии», который отмечал, что «существование политических партий неизбежно. Нет примеров того, как представительное правление может существовать без них»³¹. Как пишет Ричард Кац, «современная демократия — это партийная демократия; политические установки и практики, с западной точки зрения, составляющие сущность демократического правления, не только созданы политическими партиями, но были бы без них невысказаны»³².

Эффективно функционирующая партийная система со стабильными, понятными и принятыми правилами политической игры, в которой происходит согласование интересов конкурирующих акторов, является непременным условием развития демократии. Поэтому с успешным развитием политических партий во многом связывают перспективы демократического развития. Однако, как показывает практика, появление политических партий не всегда способствует продвижению по пути демократизации. Порой партии позволяют с помощью формально современных форм закреплять несовременные и недемократические практики, способствуют не развитию конкуренции групповых интересов и политических альтернатив, а закреплению господствующего положения одной из групп. Но даже в государствах Центральной Восточной Европы, процесс демократизации в которых происходит относительно успешно, сохраняется нестабильность партийных систем, а сами партии иногда выполняют

³¹Bryce, J. *Modern Democracies*. — New York: Macmillan, 1921. Vol.1. Chapter XI. Par. 308.

³²Katz, R. *A Theory of Parties and Electoral Systems*. — Baltimore: The John Hopkins University Press, 2007. P. 1.

функции, отличные от тех, которые эти организации реализуют в странах «старой» демократии³³. Во многом эти особенности связаны с рудиментами коммунистического прошлого, а перспективы развития партийной системы — с преодолением ее посткоммунистического характера.

Политические партии в странах Центральной Восточной Европы на протяжении десятилетий были исключены из контекста развития конкурентных партийных систем. Существовавшие в этих странах политические партии после включения региона в сферу геополитических интересов СССР либо прекратили свое существование, либо трансформировались в правящие коммунистические партии, либо превратились в партии-сателлиты коммунистических партий.

Современная партийная система Республики Польша отсчитывает свое начало с распада социалистического лагеря и становления политического пространства нового типа, фиксирующего стремление к построению правового демократического государства. Возможность свободной политической конкуренции была одним из основных требований польской оппозиции³⁴.

После 15 лет формирования партийной системы в условиях новой политической реальности, характеризовавшегося распадом на мелкие политические осколки одного из двух противостоявших друг другу лагерей (посткоммунисты — антикоммунистическая оппозиция), возрождением предвоенных партий, альянсами и «разводами» политических игроков, польский политический пейзаж начал приобретать свои уникальные специфические черты. Консолидировались лидеры правого и левого фланга (перерождающаяся партия-преемник коммунистической³⁵ в качестве единого лидера), политические аутсайдеры и невыразительное политическое «болото», изменяющее свои приоритеты в зависимости от политической конъюнктуры. Вместе с тем на поли-

³³Lewis, P.G. The “third wave” of democracy in Eastern Europe: Comparative perspectives on party roles and political development. — Party politics, 2001, vol. 7, № 5. P. 543–565.

³⁴См. подробнее: Antoszewski, A., Herbut, R., Jednaka, W. Partie i system partyjny w Polsce. Pierwsza faza przejścia do demokracji. — Wrocław: UW, 1993.

³⁵На современном этапе лидером левого фланга является Союз демократических левых сил, кандидат которой Гжегож Наперальский (самый молодой участник президентского гонки) занял третье место на президентских выборах 2010 года.

тической сцене Республики Польша в последнее десятилетие прошлого века появились абсолютно новые игроки, определяемые как «новые партии» — такие как партия «третьего пути» **«Самообороны»** или национально-консервативная **Лига польских семей**. Вообще, политическая судьба таких партий — это весьма поучительная история кратковременного (в пределах двух электоральных циклов) успеха³⁶ в условиях кризиса традиционных идеологий, которого в начале нового века не избежало и польское общество.

Можно выделить несколько главных полей формирования политических партий:

- партии **антикоммунистические**, которые были образованы в результате раскола в лагере **«Солидарности»** после 1990 года: **Демократический союз** и др. В рамках этой группы партий стоит отдельно отметить ряд игроков, следовавших логике антикоммунистической борьбы, но возникших вне рамок **«Солидарности»**: **Союз реальной политики**, **Конфедерация независимой Польши** и др.³⁷ К этой же семье относится и **«Право и Справедливость»**.

- **посткоммунистические** партии, образовавшиеся на руинах **Польской объединенной рабочей партии** и ее сателлитов. В этой группе наблюдается сохранение кадровой и программно-идеологической преемственности с легальными политическими партиями Польской Народной Республики. К этой группе относятся **«Социал-демократия Польской Республики»**, **Демократическая партия**, **Польская народная партия**, **Союз демократических левых сил** и ряд других партий и политических объединений.

- Можно выделить и группу так называемых **«новых политических партий»**, образовавшихся в результате активных процессов слияний и поглощений на партийной сцене или созданных что называется «с нуля»: **«Самооборона»**, **Лига польских семей** и **«Гражданская платформа»**. Появление этих партий обусловлено возникновением новых политических противоречий, актуализировавшихся в процессе социально-политической трансформации.

³⁶Эти партии прошли путь от малочисленных объединений вождистского типа — вокруг Анджея Леппера (Самооборона) и Мачея Гертыха и его сына Романа Гертыха (Лига польских семей) — до релевантных партий, входивших в состав правящей коалиции с «Правом и справедливостью».

³⁷К парламентским выборам 2001 года была предпринята титаническая попытка объединить весьма разношерстные правые группировки в одну избирательную коалицию «Солидарность», которая и сформировала правое правительство большинства под руководством нынешнего председателя Европарламента Ежи Бузка.

Появление новых политических игроков происходит на фоне интернационализации политического процесса и участия в партийной конкуренции сетевых международных игроков.

Первые признаки такой тенденции появились уже после выборов в Европейский парламент в 2004 году³⁸. Участие в первых выборах парламента Европейского Союза явилось своеобразным катализатором политического процесса во всех новых членах ЕС. Основные изменения связаны прежде всего с появлением института «нового представительства», в рамках которого каждая страна делегирует комиссара в Европейскую комиссию, а также имеет определенное число европейских парламентариев. В связи с этим наблюдаются относительно новые тенденции в развитии партийной и, шире, политической системы страны.

Во-первых, это активизация деятельности нерелевантных партий. Запрет на совмещение статусов членов национального и Европейского парламента способствует расширению круга политических акторов, в том числе за счет партий, не участвовавших в национальных парламентских выборах (например, польская Антиклерикальная партия развития). Понимание второстепенности роли Европейского парламента служит причиной того, что в этих выборах в Польше, равно как и в большинстве новых стран-членов Европейского Союза, участвуют политики «второго эшелона», в то время как политические лидеры лишь сопровождают кампанию.

В Польше это выразилось в появлении «второй политической лиги» — наряду с Сенатом, верхней палатой парламента, не имеющей серьезного политического влияния и представляющей собой, по сути, клуб политических пенсионеров³⁹.

Во-вторых, это появление еще одного электорального цикла, превращение политического процесса в постоянную избирательную кампанию (стоит напомнить и о выборах в органы местного самоуправления, которые также проходят по партийным спискам).

³⁸См., подробнее: Жуковский И.И., Европейский парламента: особенности электорального процесса и выборы 2004 года // Европейский Союз — Россия — Калининград (вопросы европейской интеграции в публикациях институтов ЕС и оценках российских и зарубежных экспертов). Вып. 2. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 34—43.

³⁹См. например: Тарасов И.Н. Верхняя палата парламента в процессе посткоммунистической трансформации // Балтийские исследования. Трансформация социальных и политических институтов: сборник научных трудов. Вып. 3. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 5—13.

В-третьих, расширение пространства для деятельности политических партий. Несмотря на невысокое значение выборов в Европейский парламент, европарламентариям на протяжении их депутатского срока гарантировано внимание средств массовой информации, что используется партиями в своих интересах. Национальный политический процесс получает таким образом общеевропейское измерение, проявляющееся в том числе в преломлении политического пространства Европейского Союза через внутривнутриполитическую призму каждой конкретной страны.

В-четвертых, изменения в программах политических партий, отражающих отношение к ЕС. Еврооптимисты и евроскептики сталкиваются с необходимостью модифицировать свои программы с учетом произошедших изменений, прежде всего принятия компромиссного варианта конституции Европейского Союза. В польском случае евроскептическая риторика уже ушла из информационного пространства: нет ни одной релевантной политической силы, играющей на этом поле.

Следует отметить и ряд других тенденций в развитии польской партийной системы на современном этапе:

Во-первых, произошло замещение программно-идеологического противостояния по линии «правый—левый» противостоянием по новым линиям размежеваний, что было связано в том числе с кризисом традиционных идеологий.

Во-вторых, в связи с тем, что все экстраординарные вопросы уже решены (интеграция страны в ЕС, вступление в НАТО, геополитическое самоопределение в качестве лидера субрегиона Центральной Восточной Европы и т.д.), интенсивность политического процесса определяется «ординарной» повесткой дня. Исключением, носящим, впрочем, форс-мажорный характер, является трагическая гибель Президента Польши Леха Качинского, что повлекло за собой досрочные президентские выборы, на которых предсказуемую победу одержал кандидат от правящей «Гражданской платформы» Бронислав Коморовский⁴⁰.

В-третьих, наблюдается общая усталость избирателей от политической борьбы (выражающаяся в снижении явки, уменьшении политической активности в регионах, снижении числа активных членов политических партий, низком уровне партийной са-

⁴⁰Об идеологической дистанции кандидатов на пост Президента Польши см. подробнее: Жуковский И.И., Балобаев В.А. К вопросу об идеологической дистанции ре-

моидентификации и партийной лояльности) и тенденция к деидеологизации политического процесса.

В целом можно говорить о формировании новых отношений между правящей элитой и электоратом. Этим отношениям присущи следующие особенности:

- наличие профессиональной касты активных политиков, уровень партийной идентификации которых позволяет переходить из одного политического лагеря в другой;
- высокий, привлекательный социальный статус профессионального политика (несмотря на огромное количество коррупционных скандалов с участием как «левых», так и «правых» политиков);
- стабильность политической системы, гарантирующей известный уровень политической конкуренции.

Принципиальное значение имеет вопрос направления дальнейшей эволюции партийной системы под влиянием тенденции к интернационализации.

Преыдущее развитие польской партийной системы и ее включение в общеевропейские сетевые политические процессы обусловило появление «сетевых» партий, которые построены по абсолютно новым принципам политического участия, отражающим идеологию «сети»:

- сети как принципа организации транснационального политического процесса;
- сети как принципа организации политического участия;
- сети как принципа использования маркетинговых и иных политических технологий;
- сети как принципа организации общества в целом.

Многие российские и зарубежные исследователи рассматривают польское политическое пространство как модельное: процессы, происходящие в Польше, несколько опережают политическое развитие стран Центральной Восточной Европы⁴¹. Авторы полагают, что на современном этапе такая оценка справедлива.

левантных кандидатов на пост Президента Республики Польша (2010 г.). — Балтийский регион, 2010, № 2 (4). С. 140–152.

⁴¹См. например: Roszkowski, W. Transformacja systemowa — polska na tle porównawczym. — Studia polityczne, 2001, № 12; Politicke strany ve stredni a vychodni Evrope. — Brno: MPU, 2002., Nodia, G. How Different Are Postcommunist Transitions. — Journal of democracy, 1996, vol. 7, № 4.

Соответственно, принимая во внимание симптомы «сетевизации» политики, можно предположить, что данная тенденция распространится и на остальные страны Центральной Восточной Европы. В то же время, по мнению авторов, уже в не столь отдаленной перспективе сетевая политика может стать принципом организации партийной системы в Европейском Союзе и послужить моделью организации процесса политической конкуренции в других сетевых интеграционных структурах.

Лебедюк В.Н.

ТЕНДЕНЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ УКРАИНЫ

Политические партии принадлежат к числу основных институтов, в рамках которых происходит демократизация посткоммунистических стран. От их развития зависит качество политической элиты и принимаемых ею управленческих решений.

В отличие от исследований, сосредотачивающих внимание на неустойчивости новых партий и партийных систем в странах бывшего соцлагеря, настоящая статья посвящена организационному развитию политических партий Украины. Это связано прежде всего с тем, что организационное устройство политических партий — один из наименее изученных аспектов их жизни. Нехватка сравнительных исследований в этой области мешает понять, какие организационные типы партий доминируют в украинской политике и какие из них имеют перспективы на будущее.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить, какой организационный тип партий доминирует в политической жизни Украины. Для этого нужно определить особенности организационного развития политических партий страны. Объектом анализа станут политические партии, преодолевшие установленный барьер на парламентских выборах. Эмпирическую базу исследования составят данные об источниках поступления средств в избирательные фонды, распределении ресурсов внутри партий и уровне доверия к институту политических партий.

Чтобы проанализировать организационную структуру партии, необходимо определить индикаторы, которые будут использованы для ее измерения. Анализ литературы по данной проблематике подсказывает, что наиболее целесообразно принимать

во внимание: 1) роль членов, 2) организационную сложность, 3) особенности концентрации власти внутри партий⁴².

При исследовании партийных организаций Восточной Европы западные компаративисты в качестве отправных точек используют понятия «кадровых» и «массовых» партий⁴³. Однако, по мнению большинства исследователей, классические кадровые и массовые партии — это исторически преходящий тип и в современной политической жизни в «чистом» виде почти не встречаются.

Тем не менее украинское законодательство трактует политические партии как массовые, хотя, по мнению исследователей, на деле они таковыми не являются. Для массовых политических партий характерна прежде всего высокая роль территориальных организаций — благодаря ресурсному потенциалу, который последние могут предоставить в распоряжение центрального руководства. Однако современные тенденции в развитии партий и партийных систем связаны с сокращением значимости территориальных структур и увеличением роли представителей партии в органах власти.

В связи с этим за точку отсчета в нашем исследовании взята концепция Р. Каца и П. Мэйра, рассмотревших организационную структуру политической партии через призму «баланса» трех составляющих («organizational faces»): совокупности территориальных организаций (the party on the ground), центрального партийного руководства (the party central office) и представительства партии в органах государственной власти (the party in public office)⁴⁴.

Взаимоотношения между представительством в органах власти и центральным руководством могут принимать одну из следующих форм: 1) доминирующее положение занимает представительство партии в органах власти; 2) между представительством партией в органах власти и центральным партийным руководством существует определенный баланс; 3) доминирующее положение занимает центральное руководство⁴⁵.

Ряд исследователей склонен считать, что в новых демократи-

⁴²Enyedi, Z., Linek, L. Party Searching for the Right Organization: Ideology and Party Structure in East-Central Europe. — Party Politics, 2008, vol. 14, № 4. P. 456.

⁴³Kopecky, P. Developing Party Organizations in East-Central Europe: What Type of Party is Likely to Emerge? — Party Politics, 1995, vol. 1, № 4. P. 517.

⁴⁴Katz, R., Mair, P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of the Cartel Party. — Party Politics, 1995, vol. 1, № 1. P. 10.

⁴⁵Дюверже М. Политические партии. — М.: Акад. проект, 2000. С. 182—202.

ческих странах доминирующее положение будут занимать представители партии в органах власти⁴⁶. И на это есть ряд причин.

Во-первых, большинство политических партий в посткоммунистических странах имеют недолгую организационную историю, поскольку были созданы незадолго до первых демократических выборов. В результате они были представлены в парламенте уже с самых ранних стадий своего развития. Во многих случаях жизнь этих партий ограничивалась стенами парламента, иногда распространяясь на правительственные структуры, тогда как вне этих рамок их организационная структура была развита явно недостаточно.

Во-вторых, в отличие от Западной Европы, где в основе формирования партий лежала политизирующая социальная стратификация, в посткоммунистических странах базой для образования партий служила политизация определенных общественных проблем и отношение к политическому режиму. В таком случае для партий было вполне естественно больше внимания уделять парламентской и правительственной деятельности.

В-третьих, в силу специфики своего происхождения политические партии в посткоммунистических странах предпочитают относительно менее трудоемкую стратегию электоральной мобилизации более трудоемкой стратегии узко партийной мобилизации (так называемой организационной инкапсуляции). Это способствует установлению прямой связи между представителями партии в органах власти и электоратом без посредничества центрального партийного руководства как канала социальных требований⁴⁷.

Чтобы проверить данную гипотезу, проанализируем формальные правила партийной жизни, определяемые их уставами, степень совпадения состава исполнительных органов с представительством партии в парламенте (правительстве) и характер распределения финансовых ресурсов.

Ситуация на Украине заметно отличается от практики Западной Европы, где партийные уставы обычно регламентируют только деятельность внепарламентских структур, тогда как правила функционирования парламентской фракции определяются

⁴⁶Biezen, I. On the internal balance of party power: party organizations in new Democracies. — Party Politics, 2000, vol. 6, № 4. P. 398.

⁴⁷Ibid. P. 401.

исключительно ею самой.

Уставы всех политических партий Украины признают, что парламентская группа не может быть полностью независимой от руководящих органов партии, и предусматривают значительные ограничения на автономию парламентской группы, в том числе в принятии решений относительно распределения материальных и финансовых ресурсов, равно как и парламентского штата.

Кроме того, центральные исполнительные комитеты обычно управляют процессом формирования коалиций, в ходе которого имеют право принимать окончательные решения относительно возможных партнеров и содержания коалиционных соглашений.

Многие из происходящих сегодня изменений в партийных правилах можно интерпретировать как ограничение свободы маневра партийного представительства в органах власти и как попытку усилить роль центральных исполнительных комитетов. За некоторыми исключениями, в целом очевидно сильное влияние партийного руководителя на деятельность парламентской группы.

Достаточно высок уровень совпадения между составом исполнительных органов и парламентского представительства соответствующей партии (таблица 1).

Анализируя полученную информацию, можно утверждать, что в украинской практике баланс сил между центральным руко-

Таблица 1

Состав исполнительных органов политических партий в Украине
(состояние на 25 мая 2010 года)

Партия	Состав исполнительного органа	Депутаты ВСУ		Члены Каб. Мин. Украины	
		кол-во	%	кол-во	%
Народная партия	18	11	61	1	6
ВО «Батькивщина»*	—	—	—	—	—
КПУ**	—	—	—	—	—
НСНУ	23	6	26	—	—
ПР	30	13	43	6	20

*Информация отсутствует поскольку переход значительного количества депутатов в правящую коалицию сделал невозможным полноценное функционирование исполнительного органа.

**Информация недоступна.

водством и парламентской группой явно склоняется в сторону первого, а не второй. Центральное руководство приобретает преимущество в ущерб автономии партийного представительства в органах власти. Именно оно — и прежде всего фигура партийного руководителя — является доминирующим организационным центром внутри партии.

Таким образом, украинский опыт не подтверждает гипотезы об установлении прямой связи между представителями партии в органах власти и электоратом без посредничества центрального партийного руководства.

Причина доминирования партийного руководства над парламентским представительством становится понятной, если проанализировать характер финансирования украинских партий.

Сегодня в Украинском государстве не существует прямого государственного финансирования политических партий. Государственная поддержка оказывается исключительно косвенным способом — путем предоставления партиям, блокам и кандидатам бесплатного доступа к государственным СМИ во время избирательных кампаний и т.д.

Что касается прямого государственного финансирования, то здесь сложилась парадоксальная ситуация. 27 ноября 2003 года парламент внес в законодательные акты Украины ряд изменений, связанных с введением госфинансирования партий. Эти изменения должны были вступить в силу в 2006-м (в части возмещения расходов на избирательную кампанию) и в 2007 гг. (в части прямого государственного финансирования уставной деятельности политических партий). Однако закон «О государственном бюджете Украины на 2007 год» приостановил действие этих положений на 2007 год, а закон «О государственном бюджете Украины на 2008 год» вообще их упразднил. 22 мая 2008 года Конституционный суд Украины (КСУ) признал соответствующие положения закона «О государственном бюджете Украины на 2008 год» противоречащими Конституции страны, но поскольку решения КСУ не имеют обратной силы, то действие отмененных положений возобновлено не было⁴⁸.

Поскольку партии не пользуются серьезной поддержкой избирателей, они не могут надеяться на значительные поступления

⁴⁸Решения Конституционного Суда Украины от 22 мая 2008 года №10-рп/2008. Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=v010p710-08&p=1268178034135029>

от членских взносов. В то же время отсутствие прямого государственного финансирования делает главным источником финансовой поддержки частные пожертвования, прежде всего от финансово-промышленных групп (закон никогда не ограничивал размер этих пожертвований). Это в свою очередь усиливает риски политической коррупции, ослабляет связь между партиями и избирателями, приводит к избранию в парламент большого количества представителей бизнеса.

В качестве источника информации об основных каналах поступления средств мы будем использовать отчеты о поступлении средств в избирательные фонды политических партий Украины за 1998 и 2002 год (информация за последующие годы недоступна). Конечно, обнародованная информация носит скорее формальный характер и не отображает реальной картины финансовых поступлений, тем не менее предложенные данные отчасти проливают свет на характер партийного финансирования (таблица 2 и 3).

Пожертвования в избирательные фонды могут быть сделаны непосредственно партиями, гражданами Украины (физические лица) и юридическими лицами. Эти процедуры были разработаны с целью внести прозрачность в процесс финансирования избирательных кампаний, но оказались неэффективными, поскольку запрещали привлечение альтернативных источников. Размер реальных поступлений, скорее всего, был в несколько раз больше.

Таблица 2

Официальные источники поступления средств на счета избирательных фондов (выборы 1998 г.)

Партия	Задeкларированный избирательный фонд (в гривнах)	Источники поступления средств (в %)		
		От партий	От физ. лиц	От юр. лиц
ВО «Громада»	190132,0	100,00	0,00	0,00
КПУ	24934,6	0,00	90,01	9,99
НДП	1915936,3	0,05	0,00	99,95
НРУ*	—	—	—	—
ПЗУ	1128487,5	0,00	0,09	99,91
ПСПУ*	—	—	—	—
СДПУ(о)	529900,0	0,00	81,30	18,70
СПУ-СелПУ	106967,0	0,00	0,00	100,00

* Партии (блоки) не сообщили об открытии счета избирательного фонда или не предоставили вовремя финансовый отчет.

Партии, задекларировавшие в 1998 году наибольшие расходы на избирательную кампанию, принадлежали в основном к числу центристских и провластных (Народно-демократическая партия) или к числу бизнес-проектов (Партия зеленых Украины); основным источником пожертвований в последнем случае также были поступления от юридических лиц, подконтрольных тем или иным финансово-промышленным группам. Похожая ситуация наблюдалась и в 2002 году. Хотя главным источником поступлений на этот раз были средства партии, это не меняло общей тенденции, поскольку места в списке партии элементарно покупались.

Поправки, внесённые в Конституцию Украины во время «оранжевой революции» 2004 г. (вступили в действие 1 января в 2006 г.) и предусматривавшие переход к пропорциональной системе выборов и установление парламентско-президентской модели правления (при которой правительство формируется парламентом), только усилили роль финансово-промышленных групп в партийной политике.

Отдельные ФПГ и до 2004 г. были причастны к созданию ряда партийных организаций, в том числе пропрезидентской СДПУ(о), партии «Трудовая Украина», Партии регионов, а также партии «Солидарность», которая вошла в оппозиционную (на то время) коалицию Виктора Ющенко. По мнению экспертов, партийные структуры, созданные ФПГ, лишь отдаленно напоминали партии в том смысле, в котором это понятие употребляется в демократических странах. Такие партии не опираются ни на массовые интересы, ни на идеологические установки, выступая в

Таблица 3

Официальные источники поступления средств на счета избирательных фондов (выборы 2002 г.)

Партия	Задекларированный избирательный фонд (в гривнах)	Источники поступления средств (в %)		
		Средства партий	Добровольные взносы физ. лиц	Другие поступления
БЮТ	874110,0	97,7	2,3	0,00
ЗаЕду	2560250	89,9	9,7	0,4
КПУ	644049,15	96,5	3,5	0,00
НУ	2533204,0	84,87	15,12	0,01
СДПУ(о)	2550000,0	100,00	0,00	0,00
СПУ	779490,0	98,5	1,2	0,3

качестве политического крыла ФПГ. Формирование партийного актива происходит сверху вниз — путем рекрутирования руководителей центрального и регионального уровня, рассчитывающих на карьерный рост в случае усиления их партий. Планомерную партийную работу таким образованиям заменяют концерты звезд эстрады, фестивали, другие развлекательные мероприятия, рекламирующие партию.

Парламентские выборы 2006-го и 2007 гг., в ходе которых наблюдался массовый приток во власть миллиардеров и миллионеров, лишь подтвердили указанную тенденцию.

Существует несколько основных причин, вынуждающих большой капитал идти в украинскую политику. Первая — представители бизнеса всегда использовали политическую власть в качестве инструмента экономического влияния. Вторая причина — отсутствие в Украине культуры лоббирования. Из-за недоверия к профессионалам-политикам представители бизнеса сами приходят в политику лоббировать свои интересы. Наконец, вхождению партийных доноров в партийные списки способствуют закрытый характер этих списков, не позволяющий избирателю контролировать персональное представительство своих интересов во власти, а также перманентный рост расходов на избирательные кампании⁴⁹. Вследствие этого влияние ФПГ на партийную политику после «оранжевой революции» не только не уменьшилось, но, напротив, выросло.

Все ведущие политические силы имеют в своем активе по меньшей мере по одному спонсору-олигарху. Не составила исключение и Партия регионов, которая по этому показателю занимает лидирующее положение — среди ее активистов свыше сорока миллионеров.

Таким образом, налицо тенденция к перетеканию влияния на процессы принятия решений от формальных к неформальным элитным группам. Если в первые годы независимости Украины наиболее влиятельные партии имели ярко выраженный идеологический характер и представляли собой формально организованные группы, то начиная со второй половины 1990-х гг. стала очевидной экспансия ФПГ в эту сферу: они взяли под свой контроль центристские партии либо приступили к созданию «вирту-

⁴⁹Гранина В. Всплытие покажет. — *Контракты*, 2007, № 40. Режим доступа: <http://kontrakty.com.ua/show/rus/article/32/4020079471.html>

альных» партий с целью легализации своего присутствия во власти и конвертации экономических ресурсов в политический капитал. Эти «технологические» партии не имели четкой идеологической составляющей и соответствовали типу постматериалистических «catch-all-parties».

То, что власть в украинских партиях сосредоточена в руках лидеров, а роль рядовых членов сведена к минимуму, объясняется не только финансовой стороной вопроса, но и низким уровнем общественной поддержки партий (график 1).

По данным социологических опросов Центра Разумкова, уровень полного доверия к партиям с 2001 года по 2009 год не пре-

График 1

вышал 5%, а полного недоверия — колебался от 48,9 до 20,6%⁵⁰. Это негативно влияет на качественный состав партий, не стимулирует роста членской базы, а также подрывает легитимность данного института в политической системе Украины.

Кроме того, особенностью политических партий Украины, как, впрочем, и остальных посткоммунистических стран, является преимущественно клиентарный тип их отношений с избирателями. В роли патрона выступает, как правило, партийная организация, а не отдельный человек, в связи с чем клиентелизм бюрократизируется и становится менее персонифицированным (хотя роль личных контактов между представителями партий и

⁵⁰Социологический опрос: Доверяете Вы политическим партиям? (динамика, 2001–2009). — Центр Разумкова. Режим доступа: <http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=82>

избирателями сохраняет свое значение). Причем пример Блока Юлии Тимошенко и Партии регионов показывает, что клиентелизм может быть ключевым инструментом партийной институционализации.

Клиентарный тип взаимосвязей основан на прямых отношениях между партиями и избирателями. Связь партии с избирателями в этом случае строится на адресном обеспечении определенными благами (обычно материальными ресурсами) конкретных групп в обмен на электоральную поддержку.

Например, мэр Киева Л. Черновецкий в ходе избирательной кампании раздавал социально незащищенным группам населения продукты питания (гречку, масло). В. Литвин на президентских выборах 2010 года в ходе поездки по стране пытался добиться поддержки от региональных лидеров, обещая в случае своей победы учесть их интересы.

В итоге политические партии Украины, подобно партиям других посткоммунистических стран, отличаются не только незначительным членством, но и неразвитой организационной структурой. Исключение составляют лишь преемницы бывших коммунистических партий⁵¹, однако с каждым новым выбором они отходят на периферию политической конкуренции, а их верность былым принципам не всегда проходит проверку на прочность. Так, фракция КПУ, еще в апреле 2010 г. требовавшая от партнеров по коалиции «Стабильность и реформы» срочного рассмотрения на высшем государственном уровне вопроса о праздновании дня рождения Ленина, легко отказалась от своих притязаний сразу же после назначения «нужных» людей в руководство таможни⁵².

Что касается ответа на вопрос о доминирующем организационном типе, то с известной долей уверенности можно утверждать, что политическим партиям Украины, равно как посткоммунистических стран в целом, свойственна архаичность организационных структур. Своими основными параметрами, сложившимися в 1990-х гг., украинские партии почти точно воспроизводили традиционную модель кадровой партии — как бы это ни

⁵¹Ishiyama, J. The Communist Successor Parties and Party Organizational Development in Post-Communist Politics. — Political Research Quarterly, 1999, vol. 52, № 1. P. 97.

⁵²Мустафин А. В постели с драконом. — Зеркало недели, 2010, № 22 (802). Режим доступа: <http://www.zn.ua/1000/1550/69725>

противоречило устоявшемуся мнению об изжитости данного организационного типа. Это были группы «нотаблей», которые объединялись для участия в избирательной кампании и в промежутках между выборами, как правило, бездействовали. Другое дело, что, в отличие от западноевропейских кадровых партий прошлого и позапрошлого веков, в посткоммунистических реалиях такие формирования не обладали даже минимальной организационной стойкостью, полностью перестраиваясь к каждой новой избирательной кампании.

Партии фактически не профессионализировались, причиной чему в значительной мере послужила доступность коммерческого политического консалтинга. Нанять на время избирательной кампании так называемых «политтехнологов» было выгоднее, чем постоянно содержать профессиональный аппарат. Кроме того, членская база большинства партий остается фиктивной, а электоральная поддержка базируется на личной популярности лидеров, административных средствах (в случае, когда партия становится «партией власти»), а также на заигрываниях с материально необеспеченными слоями населения.

Некоторое время можно было наблюдать эволюцию политических партий в направлении современных «электорально-профессиональных», однако этот процесс скоро остановился. Для успешной трансформации в новый организационный тип политическим партиям Украины и посткоммунистических стран в целом необходимо овладеть новыми методами электоральной мобилизации, альтернативными персонализму и административному давлению.

Принимая во внимание опыт развитых стран, необходимо учитывать, что качество демократических преобразований непосредственно зависит от качества партийной политики. В условиях развитой демократии партийная политика и демократическая политика — понятия тождественные. Для посткоммунистических стран это означает необходимость не только создавать формальные демократические институты, но и наполнять их соответствующим содержанием.

ОБ АВТОРАХ

БАЛОБАЕВ Владимир Анатольевич — ассистент кафедры политологии и социологии, сотрудник центра польских исследований Российского государственного университета имени Иммануила Канта, г. Калининград

ГОРИНА Светлана Евгеньевна — директор компании «Евростиль», политолог, соискатель ученой степени кандидата политических наук (Российская академия государственной службы при Президенте РФ), г. Москва

ДЕРГУНОВА Нина Владимировна — заведующая кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета, доктор политических наук, г. Ульяновск

КАРИНЦЕВ Олег Игоревич — кандидат политических наук, независимый исследователь

КОРГУНЮК Юрий Григорьевич — руководитель отдела политологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии», доктор политических наук, кандидат исторических наук, г. Москва

ЛАЗАРЕВ Егор —
студент факультета политологии
Санкт-Петербургского Госуниверситета,
г. Санкт-Петербург

ЛЕБЕДЮК Виталий Николаевич —
преподаватель кафедры политологии
Национального университета «Острожская
академия», г. Острог, аспирант Львовского
регионального института государственного
управления Национальной академии
государственного управления при Президенте
Украины, г. Ровно

МЕЛЕШКИНА Елена Юрьевна —
заведующая отделом политической науки
ИНИОН РАН, доцент МГИМО (У) МИД РФ,
кандидат политических наук, г. Москва

МИХАЛЕВА Галина Михайловна —
доцент Российского государственного
гуманитарного университета, исполнительный
секретарь Политического комитета РОДП
«ЯБЛОКО», кандидат философских наук,
Dr. phil, г. Москва

ПАНОВ Петр Вячеславович —
доцент кафедры политических наук Пермского
государственного университета, кандидат
исторических наук, г. Пермь

ПОПОВА Ольга Валентиновна —
заведующая кафедрой политических
институтов и прикладных политических
исследований, профессор Санкт-
Петербургского госуниверситета,
доктор политических наук, г. Санкт-Петербург

ПШИЗОВА Сусанна Нурбиевна —
доцент факультета государственного
управления МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук, г. Москва

РИМСКИЙ Владимир Львович —
заведующий отделом социологии
Регионального общественного фонда
«Информатика для демократии», г. Москва

СЕМЕНОВ Андрей —
ассистент кафедры политологии Института
истории и политических наук Тюменского
государственного университета, г. Тюмень

ТОЛПЫГИНА Ольга —
старший преподаватель кафедры
социологии и политологии Самарского
государственного университета,
г. Самара